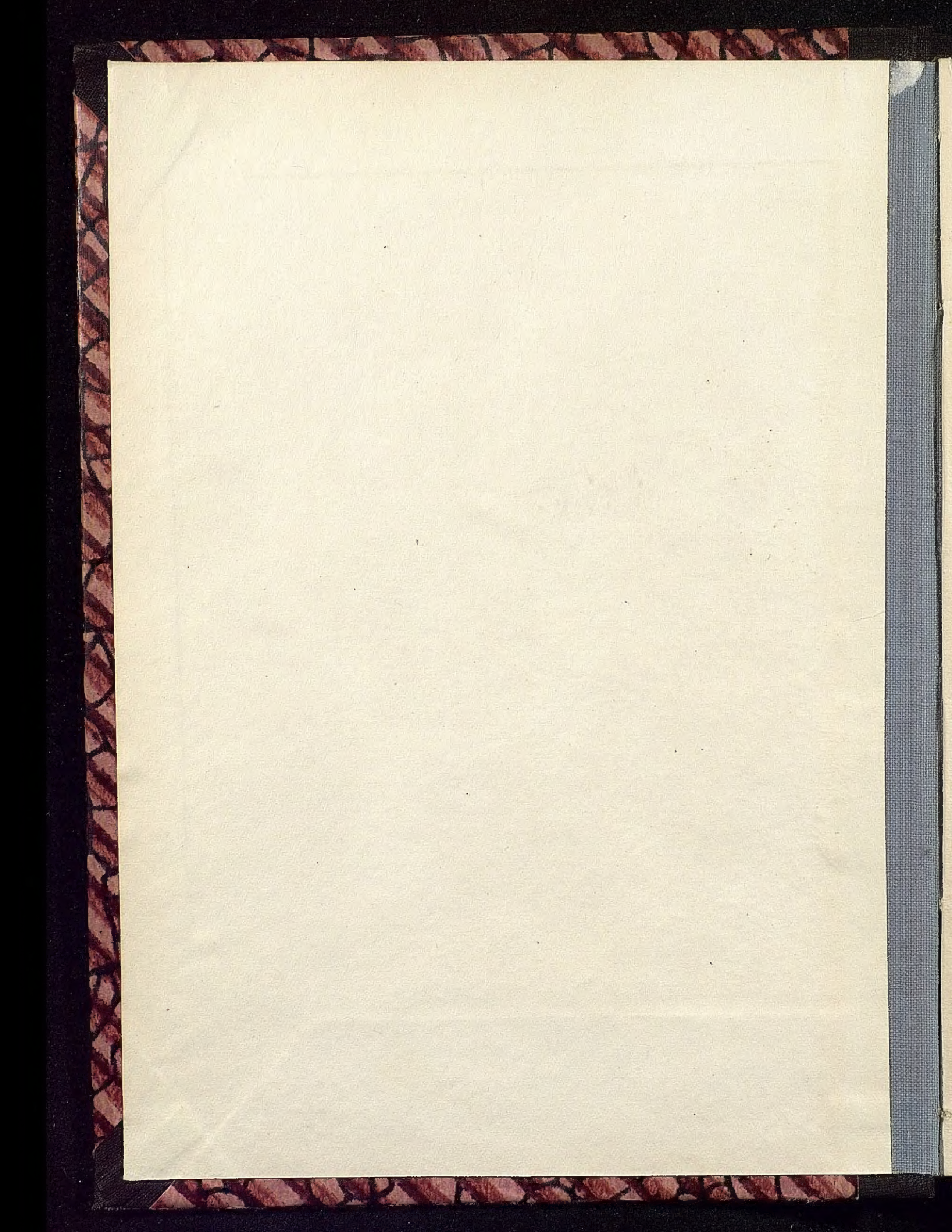
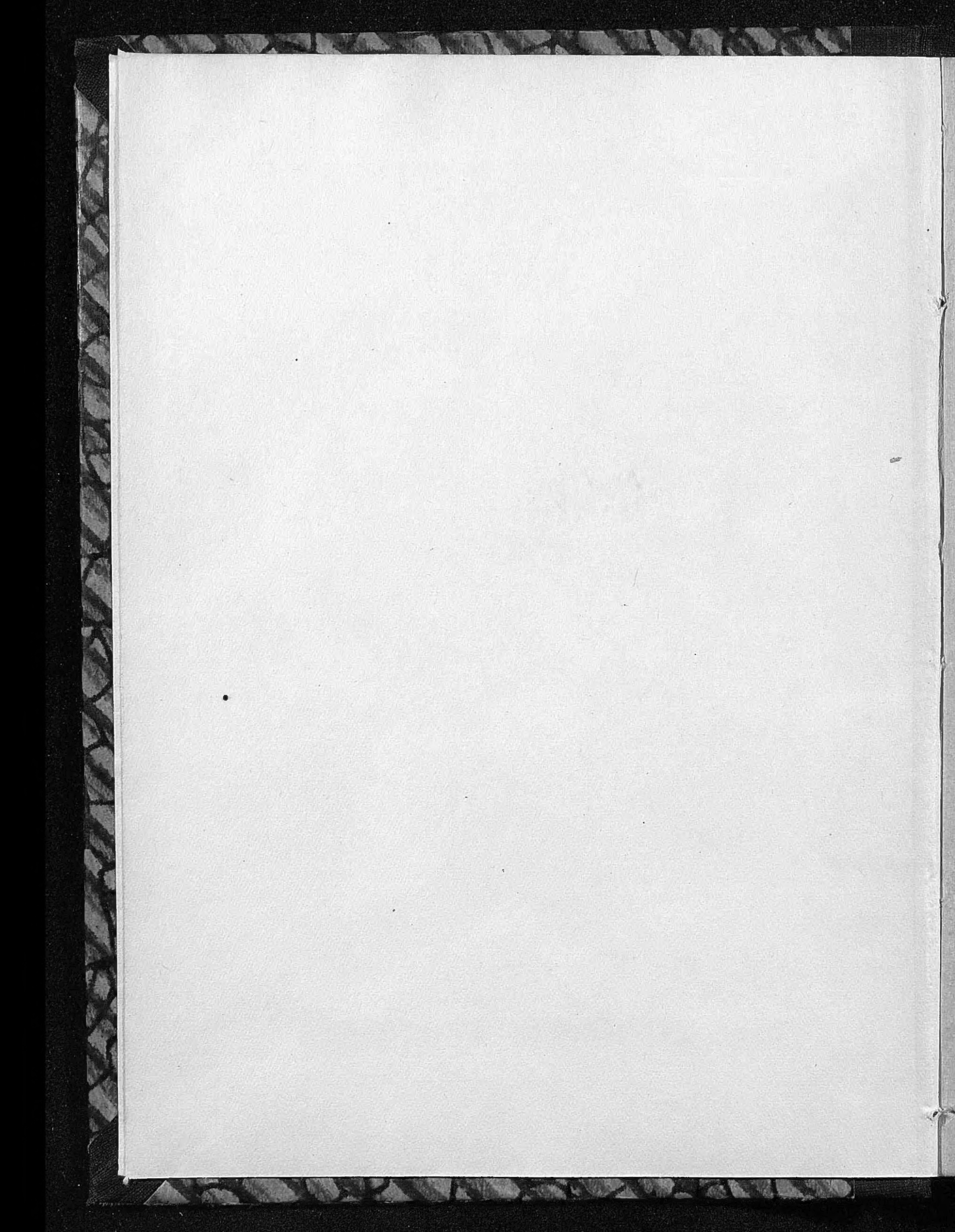

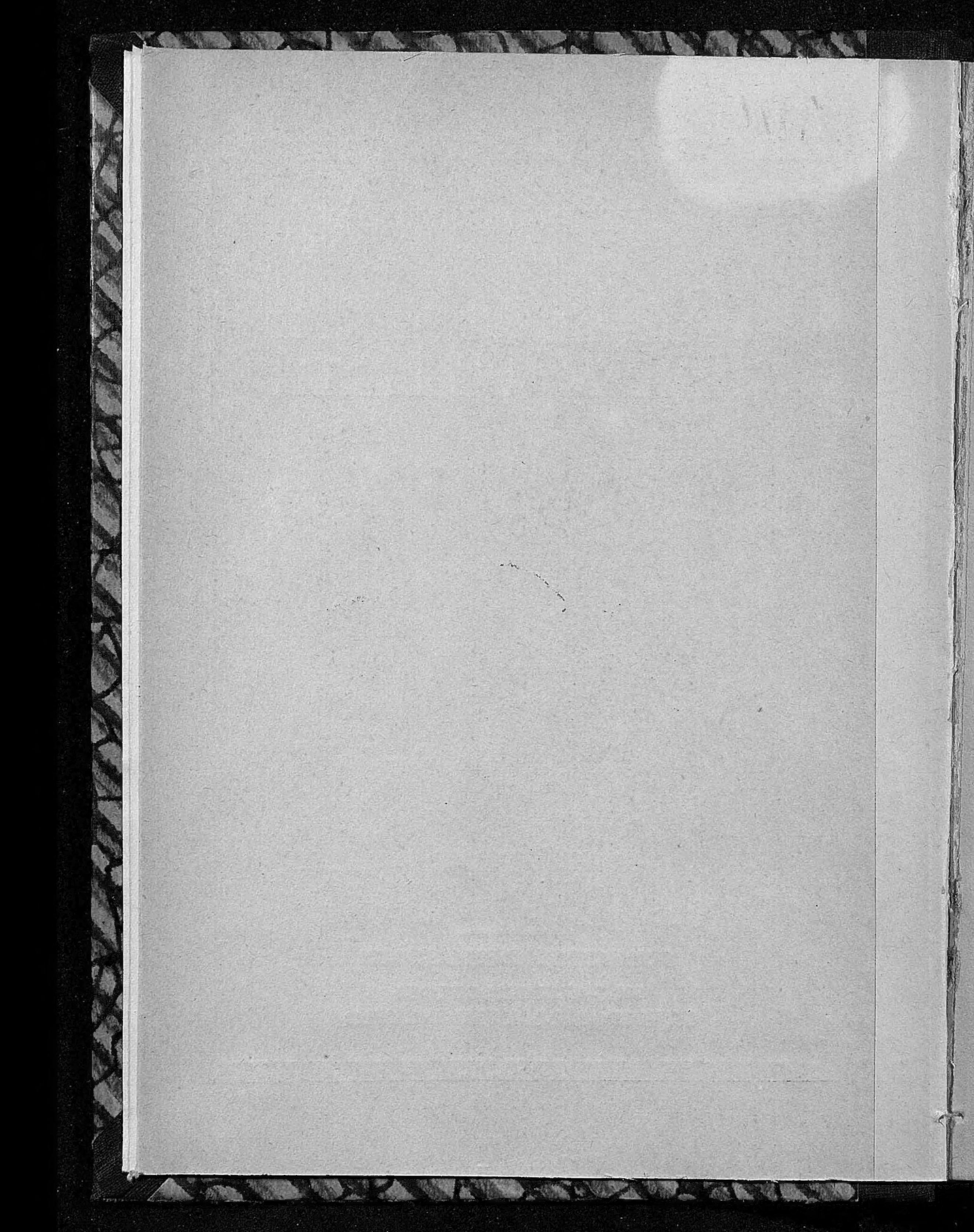

ЕВГЕНІЙ ЧИРИКОВЪ.

ЭХО ВОЙНЫ

МОСКОВСКОЕ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

Свѣтлой памяти
павшаго въ бою за родину

ГЕННАДІЯ ПЕТРОВИЧА
РОЖДЕСТВЕНСКАГО

посвящаю эту книгу.

Авторъ.
15 февраля 1915 г.

ЕВГЕНІЙ ЧИРИКОВЪ.

ЭХО ВОЙНЫ.

„МОСКОВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО“.
1915.

Типографія „ЗЕМЛЯ“, Москва,
1-я Мѣщанская, 5.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. ЗДѢСЬ.

II. ТАМЪ.

I. ЗДѢСЬ.

ВОЙНА.

Есть на Руси такіе города, о существованіи которыхъ извѣстно только Господу Богу да исправнику. Нѣтъ о нихъ ни слова ни въ исторіи, ни въ географіи и неизвѣстно, кто и когда именно ихъ выдумалъ. Ничего о нихъ не говорятъ и ничего не пишутъ. Если посчастливится такому городку попасть въ печать однажды въ десять лѣтъ, то ужъ непремѣнно—во всѣ существующія на Руси газеты, потому что надо нѣчто сверхъестественное, чтобы заставить говорить о такомъ городѣ. Родился теленокъ о двухъ головахъ, баба разрѣшилась отъ бремени четырьмя младенцами, скончался житель ста пятнадцати лѣтъ отъ роду, волкъ забѣжалъ на улицы и покусалъ собакъ и жителей,—такія происшествія случаются именно въ этихъ городахъ, и лишь тогда читатели узнаютъ объ ихъ существованіи и задаются невольнымъ вопросомъ:

— Гдѣ же находится этотъ городъ?

Спросятъ случайнаго собесѣдника,—тотъ поморщится и отвѣтитъ:

— А чортъ его знаетъ!.. Въ первый разъ слышу.

Именно въ такомъ городкѣ и происходитъ то, о чемъ я буду разсказывать.

Лѣтъ десять прошло благополучно, и ничего не слу-

чалось столь значительнаго, что заслуживало бы занесенія въ лѣтопись города. Послѣднимъ такимъ событіемъ было объявленіе въ городѣ въ 1905 году слесаремъ Игнашкой республики, пораненіе имъ урядника и оскорбленіе исправника скверными словами при исполненіи служебныхъ обязанностей, за что слесарь Игнашка былъ судимъ и своевременно повѣшенъ. Съ тѣхъ поръ ничего не случалось, и жизнь шла, тихая и кроткая, отъ субботы до субботы, дня банногo... Зимой заносило сугробами, весной заливало водой съ горъ, лѣтомъ поджаривало раскаленнымъ солнцемъ. Жители почему-то числились мѣщанами, но большинство кормилось хлѣбопашествомъ, поэтому и городокъ походилъ на большую деревню. Вся разница была въ томъ, что здѣсь имѣлась пожарная каланча, полицейское управленіе, двѣ церкви, одна изъ которыхъ называлась соборомъ, два трактира съ горячительными напитками, три «монопольки», базарная площадь и на ней четыре лавки подъ-рядъ, называемыхъ «гостиннымъ рядомъ», да еще на углу—аптека съ двуглавымъ гербомъ, съ остатками вылинявшей позолоты... Высшимъ просвѣтительнымъ учрежденіемъ было уѣздное училище, и смотритель его чувствовалъ себя профессоромъ; высшимъ административнымъ лицомъ былъ исправникъ, чувствовавшій себя губернаторомъ; высшимъ духовнымъ лицомъ—о. благочинный и настоятель собора, чувствовавшій себя архіереемъ; высшимъ военнымъ лицомъ—воинскій начальникъ, подполковникъ, чувствовавшій себя полковникомъ. У небольшой горсточки служилой интеллигенціи здѣсь рождалось пріятное самочувствіе своей значительности и важности и потому всѣ были довольны, наполнены повышеннымъ самоуваженіемъ и считали себя центромъ міровогo круговращенія. Старшій врачъ земской больницы, интеллигентъ въ ковычкахъ, чувствовалъ себя тоже

хорошо: только онъ одинъ выписывалъ толстые журналы и столичныя газеты, слѣдилъ за внѣшней и внутренней политикой, имѣлъ вполнѣ опредѣленное «міровоззрѣніе» и чувствовалъ себя самымъ умнымъ, образованнымъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ въ городѣ. Зимой. когда глубокіе сугробы хоронили маленькій городокъ, обрывая послѣднюю связь съ міромъ — «пароходство купца Тыркина и сыновей»,—вся эта горсточка великихъ людей маленькаго городка, отъ тоски и скуки, роилась около мѣстнаго клуба и за винтомъ «по маленькой» забывала о своемъ исключительномъ величіи и призваніи, превращаясь въ равноцѣнныхъ партнеровъ и собутыльниковъ. Немаловажную роль въ такомъ объединеніи игралъ здѣсь общій другъ и пріятель, стоявшій по своему общественному положенію внѣ конкуренціи, милѣйшій длиннѣйшій и плѣшивѣйшій Карлъ Ивановичъ, съ незапамятныхъ временъ живущій въ городкѣ аптекарь, одинъ изъ директоровъ клуба, главный хозяйственный распорядитель этого культурнаго учрежденія съ танцами, винтомъ и буфетомъ. Когда и откуда явился этотъ добродушнѣйшій обрусѣвшій нѣмецъ,—никто не зналъ и никто этимъ не интересовался. Казалось, что Карлъ Иванычъ явился здѣсь при самомъ основаніи города. Всѣ жители съ дѣтства помнятъ, что на углу всегда висѣлъ двуглавый орелъ, а на окнахъ дома стояли всегда два огромныхъ пузыря—синій и красный, которые ночью казались огромными глазами какого-то чудовища и внушали простымъ жителямъ необыкновенное почтеніе и къ аптекѣ, и къ Карлу Ивановичу, заставлявшее ихъ переступать порогъ аптеки съ пугливымъ трепетомъ, ходить тамъ на цыпочкахъ и говорить тихо, со вздохами. Всегда на углу была вывѣска, на которой было написано по-русски и по-нѣмецки «Аптека», и всегда тамъ, за окнами, виднѣлась долговязая фигура

въ золотыхъ очкахъ, сползавшихъ съ рыхлаго ноздреватаго носа, фигура Карла Иваныча, приготовлявшаго таинственныя зелья въ ступкахъ и въ пузырькахъ. Никто не помнилъ даже, чтобы Карлъ Иванычъ когда-нибудь имѣлъ на головѣ волосы: всѣ помнили его уже плѣшивымъ. Карлъ Иванычъ былъ самый извѣстный и популярный человѣкъ въ городѣ: его знали рѣшительно всѣ жители, отъ босоногаго уличнаго мальчишки съ мѣщанскаго двора до самого исправника. Больница была далеко, за городомъ, а потому горожане во всѣхъ спѣшныхъ случаяхъ предпочитали сбѣгать въ аптеку, наскоро посовѣтоваться съ Карломъ Иванычемъ и получить отъ него первоначальную помощь. Порубятъ руку, схватитъ брюхо, замаютъ зубы,—

— Бѣги къ Карлу Иванычу!

Несмотря на такую популярность, никто не интересовался личной жизнью Карла Иваныча, и домашняя жизнь его шла совершенно стороною отъ такой же жизни горожанъ. Общаясь въ клубѣ, на улицахъ, въ аптекѣ съ жителями, Карлъ Иванычъ ревниво оберегалъ свой очагъ отъ посторонняго глаза. Не всѣ знали даже, что онъ, побывавъ прошлымъ лѣтомъ въ Либавѣ, выполнилъ, наконецъ, послѣднiй пунктъ программы своей жизни: женился на миловидной нѣмочкѣ вдвое моложе себя и теперь наслаждался неимовѣрнымъ супружескимъ счастьемъ въ собственномъ домикѣ съ садомъ и огородомъ. Теперь почти все свершилось; аптека, прiучившая Карла Иваныча къ точности и необычайной аккуратности, создала благополучiе и счастiе, правда, немного поздно, на склонѣ жизни, но тѣмъ сильнѣе ощущенiе счастья. Теперь остались двѣ мечты: имѣть «цвей киндеръ» и побывать въ Берлинѣ. Что жъ, нельзя сказать, чтобы эти мечты были недостижимыми... Карлъ Иванычъ надѣялся...

Лѣто выдалось на рѣдкость сухое и жаркое. Отъ бездождья погорѣли хлѣба и травы. Раскаленное солнце, казалось, приблизилось къ землѣ, именно къ тому пункту ея, гдѣ, какъ ворона въ дорожной пыли, млѣлъ городокъ около небольшой обмелѣвшей рѣки. Днемъ городокъ казался вымершимъ: житель, раздѣвшись до исподняго, пребывалъ больше въ лежачемъ положенiи, въ осоловѣломъ состоянiи, похожiй на вынутую изъ воды засыпающую щуку. Только съ заходомъ солнца появлялись люди, направлявшiеся къ рѣкѣ, гдѣ стояла обсохшая пристань прекратившаго рейсы «пароходства купца Тыркина съ сыновьями». Здѣсь, на берегу, былъ небольшой бульварчикъ съ бесѣдкой, съ десяткомъ старыхъ березъ, съ полусгнившими лавочками, испещренными вензелями и женскими именами. Спустя часъ-другой послѣ возвращенiя въ городъ стада, наполнявшаго улицы золотой пылью и мычанiемъ, начиналось, обыкновенно, движенiе мѣстной интеллигенцiи на свой выгонъ—къ бульварчику. Шли парами, съ законными супругами подъ руку, шли цѣлыми семьями, шли и въ одиночку. Здѣсь встрѣчались, разсаживаясь въ бесѣдкѣ и на лавочкахъ, какъ галки на пряслѣ, и какъ галки начинали болтать, наполняя сумерки тихаго iюльскаго вечера оживленнымъ гомономъ. Здѣсь можно было встрѣтить всѣхъ великихъ людей маленькаго города и узнать рѣшительно все, что дѣлается за наглухо занавѣшанными окнами выдающихся жителей. Здѣсь же можно было выказать и почувствовать собственное величiе, превосходство, образованность и прочiя достоинства. Здѣсь же можно было встрѣтить «того, кто любитъ кого». Бульваръ около пристани пароходства «купца Тыркина съ сыновьями» лѣтомъ дѣлался центромъ общенiя, вполнѣ замѣняя пустующiй теперь клубъ.

Въ этотъ вечеръ бульваръ былъ особенно многолю-

день. Появился даже рѣдкій на прогулкахъ гость — Карлъ Иванычъ, и не одинъ, а подъ ручку съ молоденькой миловидной нѣмочкой. Понятно, что появленіе это было цѣлымъ событіемъ и взбудоражило всю бульварную публику. Правда, по городу ходили темные слухи, что Карлъ Иванычъ женился; кто-то даже утверждалъ, что собственными глазами видѣлъ, какъ изъ подъѣхавшей ночью къ аптекѣ пары съ колокольчиками Карлъ Иванычъ снималъ женщину, но слухамъ этимъ не повѣрили и быстро о нихъ забыли. И вдругъ... тихимъ размѣреннымъ шагомъ, походкою длинноногаго безхвостаго страуса, шествуетъ знакомая фигура, полная новаго величаваго достоинства, подъ руку съ молоденькой бѣлокурой и голубоглазой Гретхенъ...

— Не можетъ быть!.. Сестра или родственница...

Мужчины провожали Карла Ивановича пытливымъ взоромъ и покручивали усы, женщины притихли и зашептались. Бульваръ какъ-то сразу притихъ. Любопытство разжигало женщинъ: неужели этотъ облѣзлый страусъ, дѣйствительно, женился на дѣвушкѣ, годившейся ему въ дочери? И почему онъ, гордо приподнимая свою соломенную шляпу, ни съ кѣмъ не знакомитъ свою жену?..

Дѣйствительно, Карлъ Иванычъ велъ себя необычно. Можно было подумать, что онъ теперь уже не аптекарь въ уѣздномъ городѣ, а дѣйствительный статскій совѣтникъ... Если такое поведеніе Карла Иваныча оскорбляло дамское общество, то исправника оно прямо возмутило.

— Скажите на милость, какой генералъ-губернаторъ!..—произнесъ исправникъ, когда Карлъ Иванычъ не счелъ нужнымъ подойти къ нему, а отдѣлался также однимъ поднятіемъ новой панамы. Около исправника группировался большой кружокъ культурнаго обще-

ства и поэтому невниманіе аптекаря исправникъ почувствовалъ съ особенной остротою.

— Сейчасъ мы, господа, узнаемъ, что это за особа...

Когда Карлъ Иванычъ съ супругой тѣмъ же гордымъ шагомъ шелъ обратно, исправникъ крякнулъ и громко выкрикнулъ:

— Карлъ Иванычъ! На минуту!

Карлъ Иванычъ замедлилъ шагъ, тихо заговорилъ съ своей дамою, пожалъ плечами. Исправникъ понялъ свою неделикатность, всталъ со скамьи и пошелъ навстрѣчу. Публика наблюдала эту сцену издали и удовлетворенно улыбалась, видя, какъ Карлъ Ивановичъ представляетъ свою миловидную спутницу исправнику. Исправникъ пошелъ въ ногу съ Карломъ Иванычемъ вдоль бульвара, а на нѣкоторомъ отдаленіи слѣдовали любопытные. Участіе исправника придало смѣлости окружающимъ, и около бесѣдки Карлъ Ивановичъ былъ, наконецъ, атакованъ дамами и молодежью... Карлъ Иванычъ выдержалъ атаку съ достоинствомъ, не роняя своего величія.

— Мой супругъ!—рекомендовалъ онъ свою спутницу, дѣлая жестъ въ сторону смущенной раскраснѣвшейся хорошенькой женщины. Несмотря на то, что Карлъ Иванычъ съ дѣтства жилъ въ Россіи, онъ такъ и не научился говорить по-русски правильно, вѣчно путая мужской родъ существительныхъ съ женскимъ. «Мой супругъ!»—о, это было такъ неожиданно и, главное, смѣшно. Дамы съ смѣющимися глазами разсматривали новаго члена своего общества и пытались заговорить съ нимъ, но ничего не выходило:

— Мой супругъ не можетъ по-русски!..

Это было еще смѣшнѣе... Молодожоновъ затащили въ бесѣдку, куда скоро сбилось все общество... Давно уже не было такъ весело, какъ въ этотъ вечеръ. Остри-

ли, шутили, смѣялись, молодежь изъ-за бесѣдки кричала «горько!»...

Въ этотъ моментъ на бульварѣ появился второй рѣдкій гость—старшій врачъ больницы. Онъ шелъ быстрой дѣловой походкой. Можно было подумать, что онъ идетъ къ тяжелобольному, а вовсе не на прогулку.

— Иванъ Федоровичъ! Куда вы?

Врачъ пріостановился, почти вбѣжалъ въ бесѣдку и, сдѣлавъ общій поклонъ публикѣ, спросилъ:

— Читали, господа, сегодняшнія газеты?

Никто не отвѣтилъ на этотъ вопросъ. Общимъ вниманіемъ продолжали пользоваться Карлъ Иванычъ съ супругою. Смотритель уѣзднаго училища внезапно проявилъ свою образованность: морща лобъ, напрягая всѣ мыслительныя способности, онъ неожиданно для всего общества заговорилъ съ супругою Карла Иваныча понѣмецки. Та хохотала, но отвѣчала, однако, такъ быстро, что смотритель пожималъ плечами, а Карлъ Иванычъ торопился переводить все на русскій языкъ.

— Мы наканунѣ величайшихъ событій!—громче произнесъ Иванъ Федоровичъ и привлекъ, наконецъ, къ себѣ вниманіе общества.

— Какихъ еще событій!—недовѣрчиво и апатично произнесъ исправникъ, называвшій врача «тайнымъ кадетомъ».

— Міровая война, батенька!..

— Пустяки!

— Да вы читали послѣднія газеты? Австрійцы бомбардируютъ Бѣлградъ...

Публика разбилась на двѣ группы: одна, незначительная, перешла къ горячему обсужденію внѣшней политики и возможной въ будущемъ войнѣ, а другая никакъ не могла оторваться отъ своей злободневной новости и ея виновниковъ. Карлъ Иванычъ былъ цен-

тромъ второй группы, но все время тревожно прислушивался къ спорамъ въ первой, и когда исправникъ шутливо спросилъ его, хочетъ ли онъ, чтобы русскіе побѣдили нѣмцевъ,—сконфузился, растерялся и пробормоталъ что-то объ аптекѣ, объ ультиматумѣ и о своей супругѣ, о какомъ-то нейтралитетѣ...

— Какъ, вы думаете, что Германія при войнѣ Россіи съ Австріей останется нейтральной?—удивленно спросилъ Карла Иваныча тонкій политикъ Иванъ Федоровичъ.

— Нѣтъ!.. Я буду держать нейтралитетъ... — торопливо объяснилъ Карлъ Ивановичъ.—Я и мой супругъ!..

Въ бесѣдкѣ раздался дружный взрывъ смѣха, который неожиданно оборвался: въ бесѣдкѣ появился франтоватый кадетъ, сынъ мѣстнаго воинскаго начальника, и взволнованнымъ звонкимъ голосомъ закричалъ:

— Господа! Папа получилъ телеграмму: война!

— Съ кѣмъ?.. Коля! Погодите!..

— Со всѣми!..—крикнулъ на бѣгу кадетъ и побѣжалъ еще куда-то.

Сразу всѣ смолкли.

— Я вамъ говорилъ, господа!—произнесъ наставительно Иванъ Федоровичъ и тихо пошелъ изъ бесѣдки. Исправникъ сдѣлалъ дамамъ подъ козырекъ и тоже быстро пошелъ съ бульвара, сопровождаемый пристающей къ нему съ разспросами публикой:

— Война? Правда?—приставали дамы, пугливо тараща глазами.

— Господа! Прошу не волноваться. Пока ничего неизвѣстно...—сухо и строго отвѣчалъ исправникъ, направляясь къ полицейскому управленію.

Какъ-то сразу бесѣдка опустѣла, и въ ней остался одинъ Карлъ Иванычъ съ супругою...

— Долой нѣмцевъ!—прокричалъ въ сгустившихся су-

меркахъ наступающей лѣтней ночи чей-то молодой задорный голосъ.

Карлъ Иванычъ съ супругою были единственными нѣмцами въ городѣ. Поймавъ этотъ выкрикъ въ темнотѣ, Карлъ Иванычъ пугливо оглядѣлся по сторонамъ, всталъ, подалъ руку своей женѣ и, осторожно сведя ее по ступенькамъ полусгнившей лѣстницы, повлекъ вдоль аллей и скоро исчезъ въ темнотѣ...

Точно кто-то пришелъ вдругъ и разбудилъ спавшій городокъ. Теперь онъ не походилъ болѣе на посоловѣлую щуку. Какія-то невидимыя нити связали его, забытаго и заброшеннаго, съ крѣпко забившимся сердцемъ Россіи, и онъ сдѣлался неузнаваемъ. Еще такъ недавно, нѣсколько дней тому назадъ, казалось, что жители навсегда отравлены смердящей скукою; что они отупѣли отъ этой скуки и отъ бездѣлья; что никакія силы не могутъ уже поднять къ жизни здѣшняго вяленаго жителя; еще такъ недавно казалось, что въ пошлой скукѣ давно погасли всѣ огни человѣческаго духа, и общественная жизнь здѣсь обсохла такъ же, какъ пристань пароходства «купца Тыркина и сыновей». И вдругъ, какъ по мановенію жезла волшебника, мертвое царство ожило, заволновалось, зашумѣло и слилось въ яркій звенящій потокъ жизни. Вереницы телѣгъ, груженыя цѣлыми семьями, длинными обозами потянулись къ городу; поползли, какъ муравьи, по всѣмъ дорогамъ къ городу мужики съ мѣшками за спинами. Какъ весенніе потоки стекались они съ разныхъ сторонъ и вливались въ улицы, затопляли площади, перекрестки. Немолчный говоръ стоялъ надъ городомъ съ ранняго утра до ночи. Пестрая толпа запасныхъ, въ которой сермяга и лапоть

причудливо смѣшивались съ лакированными сапогами, поддевками и пиджаками, какъ пчелы въ улей, ползли въ огромный воинскій дворъ и, выходя оттуда превращенными въ чисто однородно одѣтыхъ солдатъ, бродили по улицамъ, толклись около телѣгъ, ласкали грязныхъ ребятъ, утѣшали утиравшихъ слезы бабъ...

— Чай, не мы одни, а всѣ идутъ!.. И господа идутъ... Всѣмъ одна доля!..

— Конешно ужъ...—пищали бабенки, съ благоговѣніемъ и страхомъ разглядывая внезапно превратившихся въ солдатъ мужей своихъ.

Всѣмъ одна доля. Смерть не знаетъ и не признаетъ никакихъ привилегій. Всѣ идутъ за родину подъ равной угрозою смерти и это роднитъ людей, ломаетъ всѣ обычныя перегородки между ними, заставляетъ забывать о всякихъ неравенствахъ... Барыни въ шляпкахъ и съ зонтиками охотно и ласково разговариваютъ съ бабами въ платочкахъ; купецъ Тыркинъ кормитъ на своемъ дворѣ деревенскихъ ребятъ, помогаетъ бѣднымъ семьямъ, читаетъ солдатамъ газету и объясняетъ, что войну затѣяли не мы, а нѣмцы.

— У меня, братцы, два сына идутъ: одинъ прапорщикомъ запаса, а другой, какъ и вы, солдатомъ... Вмѣстѣ помирать будете!.. Надо за родную землю постоять. Мы никого не тронемъ, у насъ просторно, однако, и къ намъ никого не пустимъ. Сильный врагъ нѣмецъ, а и мы тоже...

Такъ просто и всѣмъ понятно: нѣмецъ на насъ поднялся, какъ же въ обиду себя ему дать?

— Помирать такъ помирать, а только... Ура, братцы!

И дружное, громкое, многоголосое «ура» несется изъ угла площади и подхватывается на лету новыми голосами, и кажется уже, что вся площадь и весь городокъ

кричитъ «ура». А за городкомъ бьетъ барабанъ, сопутствуемый рожкомъ, гдѣ-то слышится трескотня ружейныхъ выстрѣловъ, глухая, похожая на дружную рубку капусты осенью. Тамъ запасные повторяютъ забытую военную науку, обучаются стрѣльбѣ, маршируютъ, бросаются въ атаку, и тогда тамъ гремитъ «ура» и кажется, что уже сражаются съ нѣмцемъ.

— Господи! Страсти-то какія! — шепчутъ слезливо бабы, прислушиваясь къ солдатскому ученью.

Теперь нѣтъ людей, которымъ нечего дѣлать. Даже въ разныхъ канцеляріяхъ, гдѣ писали и не вѣрили, что это нужно и полезно, теперь перестали потягиваться, позѣвывать и поглядывать на часы. Кажется, что всѣ бумаги ожили и заговорили о полезномъ и необходимомъ. Кипитъ работа всюду. Толчея въ земской и городской управахъ, въ полицейскомъ управленіи, въ клубѣ, въ училищахъ, въ семьяхъ. Земство организуетъ санитарный отрядъ, городъ—тоже. Въ клубѣ собираются дамы и дѣвушки,—шьютъ бѣлье; во многихъ семьяхъ снаряжаютъ на войну своихъ членовъ, кто прапорщика запаса, кто солдата, кто сестру милосердія. Война связала городокъ въ одну семью съ общими заботами, слезами, тревогами, съ однимъ большимъ общимъ дѣломъ... Исправникъ ведетъ войну съ монополіей, борется съ ложными слухами, слѣдитъ за тайными кадетами, за поведеніемъ имѣющихся въ уѣздѣ инородцевъ, ждетъ какихъ-нибудь крамольныхъ проявленій, но ничего нѣтъ... Появился одинъ слухъ, тревожный и неожиданный, но скоро разъяснился: въ сумеркахъ на большой высотѣ надъ городомъ пролетѣлъ непріятельскій аэропланъ,—объ этомъ говорилъ весь городъ. Однако, по разслѣдованію, аэропланъ оказался бумажнымъ зміемъ, и на заборахъ города появилось объявленіе исправника: «Злонамѣренные люди распустили слухъ о появле-

ніи надъ нашимъ городомъ непріятельскаго воздухоплавательнаго аппарата. По произведенному разслѣдованію, оказалось, что легковѣрные жители приняли за таковой запущенный крестьянскимъ мальчикомъ слободки Ягодной, Яковомъ Миляевымъ, бумажный змій на ниткѣ. Въ виду сего объявляю всѣмъ жителямъ ввѣреннаго мнѣ уѣзда, что во избѣжаніе тревожныхъ злонамѣренныхъ слуховъ я впредь строго воспрещаю пусканіе бумажныхъ зміевъ. Виновные, а за малолѣтствомъ—ихъ родители, будутъ строго караться по законамъ военнаго времени». Объявленіе это, однако, только еще болѣе взбудоражило населеніе.

— Успокаиваетъ... Его, еропланъ-то нѣмецкій, я сама видѣла!.. Протрещалъ и въ облакѣ спрятался...

Исправникъ былъ человѣкъ подозрительный и очень «патріотичный», и всѣхъ инородцевъ считалъ ненадежными, а тайныхъ кадетовъ—опасными. Евреи, поляки и кадеты всегда были больнымъ мѣстомъ исправника, когда онъ служилъ въ Западномъ краѣ. Лѣтъ пять тому назадъ его перевели сюда, а здѣсь оказалось очень мало пищи для подозрительности. Былъ одинъ только еврей, арендаторъ паровой мельницы, одинъ только полякъ, помѣщикъ, женатый на дочери купца Тыркина, и одинъ тайный кадетъ—старшій врачъ земской больницы, Иванъ Федоровичъ. Но арендаторъ паровой мельницы, Илья Моисеевичъ Флейшманъ, состоялъ въ почетныхъ членахъ губернскаго союза истинно-русскихъ людей, и теперь старшій сынъ его шелъ на войну солдатомъ, вольноопредѣляющимся, а самъ Флейшманъ пожертвовалъ чрезъ исправника въ Красный Крестъ сто мѣшковъ крупчатки. Полякъ, помѣщикъ Пенхержевскій, пожертвовалъ въ армію пару прекрасныхъ вороныхъ жеребцовъ, отказавшись отъ казеннаго вознагражденія, и исправникъ только недавно письменно передавалъ ему

благодарность отъ губернатора. А тайный кадетъ, Иванъ Федоровичъ, состоявшій въ запасѣ, надѣлъ мундиръ военнаго врача и готовился къ отъѣзду въ дѣйствующую армію... На секретный циркуляръ губернатора пришлось отвѣтить секретно же, что мобилизація проходитъ при образцовомъ порядкѣ и при небываломъ подъемѣ всѣхъ классовъ общества и всѣхъ національностей...

Немало было хлопотъ и у Карла Иваныча. По заказамъ земства и города онъ снабжалъ санитарные отряды медикаментами, приготовлялъ карманныя аптечки, бинты, облатки съ хининомъ, всякую всячину, а тутъ еще огромное скопленіе людей въ городѣ сопровождалось усиленнымъ наплывомъ посѣтителей и покупателей изъ простого люда. Карлъ Иванычъ работалъ, какъ волъ, и отнималъ болѣе половины времени, которое онъ предполагалъ удѣлять своему новому счастью въ личной жизни. Молоденькая жена тоже не сидѣла сложа ручки: она помогала Карлу Иванычу, работая не въ аптекѣ, куда Карлъ Иванычъ ее не пускалъ, а въ лонѣ семейнаго очага. Изрѣдка впопыхахъ Карлъ Иванычъ забѣгалъ въ комнаты, пріятно улыбался, говорилъ «Нохъ ейнъ маль!» и, осторожно приложившись губами къ теплой шейкѣ вспыхивающей женщины, торопливо уходилъ въ аптеку, гдѣ поминутно брянчалъ звонокъ входной двери... Въ тотъ вечеръ, когда въ сумеркахъ наступающей ночи Карлъ Иванычъ услыхалъ чей-то угрожающій голосъ, прокричавшій «долой нѣмцевъ!», Карлъ Иванычъ испугался. Плохо спалъ онъ въ эту ночь, заперевшись на всѣ крючки и запоры въ своемъ домикѣ. Въ эту ночь онъ ходилъ на цыпочкахъ по комнатамъ, прислушивался къ каждому шороху, и въ его голову приходили мрачныя мысли. Счастье было омрачено опасеніемъ за молодую женщину, за аптеку, за свое благосостояніе. Но теперь

онъ совершенно успокоился. Никто ихъ не трогаетъ, аптека работаетъ на славу, и давно бы пора положить въ банкъ скопившіяся деньги, если бы не было это опаснымъ въ такое время. Жители все такъ же кланялись, приходили за совѣтами отъ брюха, отъ зубной боли, отъ клопа и таракана, отъ ревматизма и лихоманки, и только однажды мѣщанинъ Корольковъ, забѣжавшій въ аптеку за дѣтской присыпкой, прощаясь за руку съ Карломъ Иванычемъ, добродушно и ласково пошутилъ:

— Что же это ты, Карлъ Иванычъ, на Рассею-то пошелъ?.. Не грѣхъ вамъ?..

Карлъ Иванычъ вздрогнулъ, но взялъ себя въ руки и отшутился:

— Я, братъ, не настоящій нѣмецъ, а русскій. Видишь: у меня русскій царь на стѣнкѣ виситъ!

— Я, вѣдь, такъ, пошутилъ... Живи съ Богомъ!.. Ты человѣкъ хорошій... Напрасно это ваши затѣяли... Сколько народу ляжетъ, а какой интересъ: разя мы васъ допустимъ?.. Всей землей встанемъ!..

— Богъ накажетъ...

— Кого?

— Нашего царя, Вильгельма...

— Вотъ это вѣрно!.. Покуда будь здоровъ!.. Иттить надо.

Карлъ Иванычъ, съ дѣтства живя въ Россіи, если не сдѣлался русскимъ, то пересталъ быть и нѣмцемъ. Онъ говорилъ совершенную правду, когда заявлялъ о своемъ нейтралитетѣ. Ему было рѣшительно все равно, кто кого побѣдитъ. Теперь его отечествомъ была аптека, которая одинаково необходима и русскимъ и нѣмцамъ. А пока война только увеличивала его дневную выручку... Все шло прекрасно, но вотъ начали приходить газеты съ описаніемъ нѣмецкихъ звѣрствъ въ Бельгіи и во Франціи, и Карлъ Иванычъ сталъ чувствовать крутой

поворотъ въ отношеніяхъ съ жителями. Прежде всего это измѣненіе почувствовалось со стороны культурнаго общества. Описаніе нѣмецкихъ звѣрствъ заряжало душу его негодованіемъ, возмущеніемъ, безсильной жаждой мщенія, а вылиться этому чувству было некуда. Всѣ сразу вспомнили, что Карлъ Иванычъ—нѣмецъ. И началось... Встрѣчаясь въ аптекѣ, барыни начинали говорить о нѣмецкихъ звѣрствахъ, ругать нѣмцевъ, требовать отъ отсутствующихъ властей не менѣе звѣрскаго возмездія, и говорили это подчеркнуто громко, вызывающимъ тономъ, бросая на растерявшагося Карла Иваныча молніеносные взгляды. И, вѣдь, все хорошія знакомыя Карла Иваныча, знавшія его въ теченіе многихъ лѣтъ и не далѣе какъ недѣлю тому назадъ улыбками и шутливыми разговорами встрѣчавшія его на улицѣ или на бульварѣ, а зимой игравшія съ нимъ «по маленькой» въ мѣстномъ клубѣ!.. Теперь онѣ гордо, чуть замѣтно, отвѣчали на его привѣтствіе и сердито бросали деньги при расплатѣ за медикаменты, а уходили не прощаясь и тоже гордо. У дамъ это выражалось рѣзко, у мужчинъ мягче, но ядовитѣе.

— Мое почтеніе, господинъ Розенфельдъ!—холодно и загадочно произносилъ почтмейстеръ, отвѣчая на заискивающій поклонъ Карла Иваныча, и подозрительными взорами обводилъ стѣны и потолокъ аптеки.

— Чѣмъ могу служить?..

— Касторки на двадцать копеекъ, господинъ Розенфельдъ!.. Вамъ слѣдовало бы портретъ Вильгельма повѣсить, а не нашего Императора...

— Мы живемъ въ Россіи, а здѣсь...

— Здѣсь нѣмцамъ живется лучше, чѣмъ русскимъ... А изволили вы читать, какъ господа нѣмцы расправляются съ мирнымъ населеніемъ въ г. Калишѣ?

— Да, да... Это безобразіе!—торопился возмутиться Карлъ Иванычъ.

— Насъ называете варварами, а сами хуже башибузуковъ. Такимъ звѣрямъ не мѣсто на земномъ шарѣ!

— Извольте... Ваша касторка!..

— Надѣюсь, что по ошибкѣ въ нее не попало какой-нибудь отравы?

Карлъ Иванычъ растерянно улыбался, пожималъ плечами...

— Мы съ вами знакомы, кажется, не первый день. Меня здѣсь каждая собака знаетъ...—уже съ раздраженіемъ оправдывался Карлъ Иванычъ.

— Вы, господинъ Розенфельдъ, пожалуйста, не кричите на меня! Вы не въ Берлинѣ, а я не собака, а русскій подданный... Да-съ! Не забывайтесь! Пока, слава Богу, вы насъ еще не завоевали...

— Васъ истъ дасъ?—пугливо запищалъ въ пріоткрытой изъ внутреннихъ комнатъ двери женскій голосокъ.

— Кислый квасъ, сударыня!—сердито бросилъ почтмейстеръ и, схвативъ пузырекъ съ касторкой, сердито ушелъ, позабывъ заплатить деньги.

Такія сцены происходили въ аптекѣ все чаще. Знакомые уже перестали шутить съ Карломъ Иванычемъ, и всѣ называли его «господиномъ Розенфельдомъ»... Кто-то написалъ ночью на заборѣ его сада: «нѣмецъ-перецъ-колбаса, съѣлъ кобылу безъ хвоста, семь сотъ поросятъ, однѣ ножки висятъ». Пришелъ полицейскій надзиратель, потребовалъ паспортъ, отобралъ его и, уходя, приказалъ:

— Господинъ Розенфельдъ! Потрудитесь уничтожить на вывѣскѣ нѣмецкую надпись! Мы не въ Германіи, и намъ довольно русской вывѣски... А когда Карлъ Иванычъ, примостившись на лѣстницѣ у крыльца, собствен-

норучно закрашивалъ нѣмецкое слово на вывѣскѣ, прохожіе останавливались, сбивались въ кучки и взволнованно разсуждали:

— Зачѣмъ это онъ?..

— Что онъ дѣлаетъ?

— Видишь, закрашиваетъ.

— Зачѣмъ?

— Нѣмецкая надпись-то, нѣмецъ онъ, спрятаться хочетъ...

— Они хитрые, сволочи!.. Они что дѣлаютъ: бѣлый флагъ выкинутъ,—въ плѣнъ, дескать, сдаемся, наши подойдутъ ихъ брать въ плѣнъ, а они пальбу открываютъ... Сволочь-народъ...—поясняетъ солдатъ и начинаетъ развивать тему:

— Они лежачаго бьютъ, раненыхъ нашихъ прикалываютъ...

— И этотъ нѣмецъ? Какъ же ему дозволяютъ проживать здѣсь?—слезливо спрашиваетъ деревенская баба, провожающая на войну мужа.

И толпа враждебно смотритъ на уютный домикъ съ балкончиками, съ садомъ, съ цвѣтными баллонами въ окнахъ. И Карлъ Иванычъ, закрашивающій нѣмецкую надпись на своей вывѣскѣ, кажется ей врагомъ, свершающимъ нѣчто таинственное, хитрое, злокозненное.

— Ты, братъ, что тутъ дѣлаешь?.. Разя это можно?.. Что такіе за фокусы! — отдѣлившись отъ ближайшей группы любопытныхъ и приблизившись къ врагу, громко спрашиваетъ солдатъ. А Карлъ Иванычъ уже кончилъ дѣло и убираетъ лѣстницу. Ушелъ...

— То-то, братъ!.. Ты, братъ, не хитри!..

Заброшенный было клубъ теперь снова ожилъ. Съ утра до ночи тамъ кипѣла жизнь. Дамы и дѣвицы, жены служилой интеллигенціи, подъ руководствомъ госпожи

исправницы, шили здѣсь бѣлье для раненыхъ, и съ утра до обѣда изъ оконъ неслось постукиваніе машинъ Зингера, женскій говоръ, смѣхъ, выкрики. Забылись всѣ ранги, и дочь воинскаго начальника, и дочь самого исправника теперь не считали больше предосудительнымъ быть въ одномъ обществѣ съ дочерьми зажиточныхъ мѣщанъ и торговцевъ, съ женой фельдшера и съ женой и безчисленными дочками отца діакона. Забыты всѣ предразсудки: никого, даже дѣвицъ, не шокировало шитье рубахъ и нижнихъ солдатскихъ штановъ, набрюшниковъ и прочихъ вещей. Всѣмъ хотѣлось какъ-нибудь и чѣмъ-нибудь откликнуться на вставшія передъ родиной грозныя событія, чувствовать себя полезными и такъ или иначе связанными съ великимъ общимъ дѣломъ народа. Изрѣдка сюда заходили мужчины, мужья работающихъ, приносили свѣжую газету и громко читали послѣднія военныя новости. Трескотня швейныхъ машинъ сразу обрывалась и въ наступавшей тишинѣ торжественно звучалъ воинственный мужской голосъ:

— На лѣвомъ флангѣ мы оттѣснили непріятеля... — медленно вразумительно читалъ французскія телеграммы податной инспекторъ и съ трудомъ выговаривалъ сложныя названія французскихъ городовъ, стараясь, однако, придать своему чтенію такую окраску, что онъ все знаетъ и что ему прекрасно извѣстны всѣ эти города, рѣки и крѣпости. Когда чтецъ переходилъ къ описанію нѣмецкихъ звѣрствъ съ русскими путешественниками, тишина нарушалась общими восклицаніями, замѣчаніями и вздохами. И долго потомъ работа не налаживалась, хотя все было прочитано, и мужчина удалялся. Возмущенная душа требовала изліянія, и болтовня пересиливала трескотню швейныхъ машинъ. Неожиданно гдѣ-нибудь въ уголкѣ раздавались тихія всхлипыванія и окончательно выбивали изъ колеи работающихъ.

— Милая, милая!.. Перестаньте!..

— Что случилось?..

— Маничка это... У ней взяли брата...

Поднималась съ мѣста жена воинскаго начальника, подходила къ плачущей молоденькой мѣщаночкѣ и, склонившись, цѣловала ее и утѣшала:

— Не надо плакать. Что же, голубчикъ, подѣлаешь?.. У меня сынъ—офицеръ и тоже идетъ на войну... И, видите, я не плачу... не плачу!—ласково говорила она, а слезы прыгали изъ ея грустныхъ глазъ на русую головку Мани...

— Я хотѣла... въ сестры... милосердія, а... папа не пускаетъ!..—глубоко вздыхая, откидывая назадъ голову, сквозь слезы шепчетъ Маня... Дѣвушки сбились позади, въ ихъ глазахъ грусть и влажность, того и гляди расплачутся. Такъ и есть: еще одна неожиданно сорвалась съ мѣста и, всхлипывая, убѣжала изъ зала.

— Женихъ у ней пошелъ!.. Осенью должна бы быть свадьба, а вотъ...

Общая подавленность и грусть внезапно обрываются появленіемъ красивой высокой дѣвушки въ бѣломъ платкѣ и фартукѣ съ краснымъ крестомъ на груди.

— Ольга Васильевна!.. Милая!.. Вы уже?..

Это дочь отца благочиннаго, тихая, кроткая немолодая уже дѣвушка съ добрымъ русскимъ лицомъ и застѣнчивой улыбкою робкой женской души.

— Остаетесь или...

— Ѣду т у д а!..

— Ну, а какъ матушка?.. Смирилась?

— Смирилась. Папашенька уговорилъ ее... Пришла поработать съ вами. Пока есть еще время...

Молодыя дѣвушки съ восхищеніемъ смотрятъ на Ольгу Васильевну, удивляются ея мужеству и храбро-

сти: вѣдь, она поѣдетъ т у д а... Туда—это тамъ, гдѣ происходитъ страшное, ужасное, гдѣ смерть коситъ людей и кровь льется ручьями.

— Не боитесь, что васъ убьютъ?

— Или попадетесь нѣмцамъ?.. Они... Ужасъ! Ужасъ!.. — теребятъ молодыя дѣвушки Ольгу Васильевну.

— Не боюсь. Мнѣ все равно!—загадочно отвѣчаетъ Ольга Васильевна, и всѣмъ приходитъ на память давнее несчастіе тихой пожилой дѣвушки: лѣтъ восемь тому назадъ утонулъ любимый ею человѣкъ, любившій, однако, не ее, а другую, которая теперь уже вышла замужъ и сидитъ теперь здѣсь же за постукивающей машиной.

— Двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать,— улыбаясь печальной улыбкою, говоритъ Ольга Васильевна и садится за работу.

Къ тремъ часамъ машины смолкаютъ, дамское общество исчезаетъ и смѣняется мужскимъ. Въ городъ съѣхались земцы, и большинство обѣдаетъ въ клубѣ, куда собирается къ этому времени и мѣстная мужская интеллигенція. Это самое шумное, нервное время. За обѣдомъ въ страстномъ хаосѣ мѣшаются міровые вопросы съ мѣстными, политика внѣшняя съ внутренней, философскіе вопросы съ національными и религіозными,—всемірная война всѣ эти вопросы перемѣшала и устроила такой винегретъ, что вяленый житель, часто дипломированный высшимъ учебнымъ заведеніемъ, тонетъ въ этомъ винегретѣ, спасаясь общей любовью къ родинѣ и страстнымъ желаніемъ побѣдить врага.

— Я не понимаю Англіи!.. Что же молчитъ Англія?..—звенитъ теноркомъ срывающійся отъ волненія басокъ предводителя дворянства, выдѣляясь изъ хаотическаго шумнаго говора и споровъ.

— Вы увѣрены, что Англія симпатизируетъ Россіи?—

спокойно и гордо звучитъ голосъ поляка Пенхержевскаго.

— Вы не любите насъ и потому...—замѣчаетъ подозрительный исправникъ.

— Вы напрасно стараетесь читать въ душѣ моей!—отпарируетъ Пенхержевскій.

— Да, конечно... Чужая душа—потемки,—многозначительно произноситъ исправникъ.

Говорятъ о нѣмецкихъ звѣрствахъ, о распаденіи Австро-Венгріи, о двуличномъ поведеніи Болгаріи, загадочномъ — Италіи, о борьбѣ славянства съ германизмомъ, о будущей картѣ Европы, о милитаризмѣ. Невозможно узнать прежнихъ, сонливыхъ, на все согласныхъ, апатичныхъ, ничѣмъ не интересующихся потухшихъ людей... Точно всѣ воскресли, поумнѣли и загорѣлись жаждой новой яркой жизни. Темпераментъ и страсть слышатся въ спорахъ и въ разговорахъ этихъ воскресшихъ покойниковъ...

— Господа!—задыхающимся голосомъ кричитъ появившійся въ военной формѣ врачъ больницы.—Англія объявила войну Германіи!

— Ура-а-а!—радостнымъ воплемъ отвѣтилъ залъ, и нѣсколько человѣкъ, подхвативъ Ивана Федоровича на руки, стали подбрасывать его къ потолку. Даже исправникъ забылъ въ это мгновеніе о томъ, что Иванъ Федоровичъ—тайный кадетъ, и тоже подталкивалъ его кверху скорѣе мановеніемъ руки, чѣмъ дѣйствительнымъ участіемъ. Должно быть, и на улицѣ эта послѣдняя новость получила уже огласку: тамъ тоже перекатывается по площади «ура», разбѣгаясь отъ дома купца Тыркина въ разныя стороны. Пестрыя толпы мужиковъ и бабъ, солдатъ и мальчиковъ, многіе изъ которыхъ и не подозрѣвали до сихъ поръ о существованіи Англіи, почувствовали вдругъ инстинктивную радость и благо-

дарность къ странѣ, которая неизвѣстно гдѣ находится, но стоитъ за насъ.

— Что опять бѣгутъ и кричатъ?..

— Ура, баушка!—англичанка за насъ встала!..

— Ну, слава Тебѣ, Господи, Мать Пресвятая Владычица!—шепчетъ старуха, осѣняя себя крестомъ.

— Ура, баушка!..

— Ура, ура, паренекъ!..

Толпа съ нестройнымъ пѣніемъ гимна движется по площади, останавливается около аптеки и шагающій впереди телеграфистъ, помахивая форменной шапкой, кричитъ:

— Долой нѣмцевъ!.. Къ чертямъ нѣмцевъ!.. Ура Англіи!..

— Урра-а-а!..

Тонкая женская рука высовывается изъ раскрытаго окна аптеки и пугливо затворяетъ его створки... Гдѣ-то солдаты, возвращаясь съ ученья, что есть мочи поютъ залихватскую пѣсню, и въ ея переливахъ звучитъ и отражается огромная, огромная матушка-Рассея, съ ея неизбывными огромными силами поднимающагося народа, и днемъ, и ночью, какъ вешнія воды, текущими къ границамъ на защиту родной земли...

Еще такъ недавно центромъ всего міра для большинства жителей былъ свой родной городокъ, а для горсточки интеллигентнаго служилаго люда—губернскій городъ, и не было никакого дѣла до того, что гдѣ-то тамъ, за горами, за лѣсами, за долами и морями,—есть Англія, есть Франція, есть Австро-Венгрія, Сербія, Италія и т. д. А теперь эти государства у всѣхъ на языкѣ и въ сердцѣ. Словно синіе туманы расплылись, и оказалось, что и Англія, и Германія, и Франція, и Сербія, и вся Европа давно всѣмъ хорошо извѣстна и находится такъ

близко, что всѣ жители были тамъ много разъ и теперь каждый день туда заходятъ и приносятъ оттуда разныя военныя и дипломатическія новости. Маленькій городокъ, забытый людьми и Богомъ, словно подъѣхалъ вдругъ къ Европѣ и завязалъ самыя близкія отношенія съ иностранными государствами. Всѣ любили теперь французовъ и особенно бельгійцевъ, какъ самыхъ близкихъ сердцу людей; ненавидѣли Германію, презирали Болгарію, которую называли «Іудой-предателемъ», не знали, какъ понять Англію и Италію, покашивались на Румынію и презирали Турцію. Съ того дня, когда пришло извѣстіе, что Англія объявила войну Германіи, Англію полюбили, какъ родного брата, и почувствовали въ своихъ сердцахъ настоящій праздникъ, Даже тѣ, кто до сихъ поръ не имѣлъ никакого понятія объ Англіи, инстинктивно почувствовали, что съ присоединеніемъ Англіи наши силы удвоились и что нѣмцу будетъ плохо. Даже уличные ребятишки, играя въ войну, считали за честь изображать Англію:

— Я—Англичанка, меня не можешь!..

— Врешь» Англичанка—я, да Митька, а ты—Хранція!..

Женщины и дѣвушки благоговѣли предъ Бельгіей, тайно любили невѣдомаго храбраго рыцаря-бельгійца и мечтали о встрѣчѣ съ нимъ, и когда супруга исправника, раздобывшая гдѣ-то ноты всѣхъ союзныхъ гимновъ, играла ихъ въ клубѣ на разстроенной рояли, женщины и дѣвушки съ горящими глазами требовали прежде всего—бельгійскій, а потомъ—французскій:

— Бельгійскій!..

— Марсельезу! Марсельезу!..

Исправникъ тревожно вытаращивалъ глаза, покрякивалъ, и изъ глубины души его выползало традиціонное безпокойство. Чтобы сгладить это безпокойство, исправникъ поправлялъ дѣвицъ:

— Французскій гимнъ!

Исправница начинала играть «Марсельезу», дѣвушки подпѣвали безъ словъ, которыхъ не знали, а исправникъ—ничего не подѣлаешь!—поднимался со стула и стоялъ, играя темлякомъ шашки, какъ и при всѣхъ другихъ гимнахъ. Мотивъ «Марсельезы» темпераментный, воинственный, побѣдный, примирялъ исправника, и онъ, вкладывая въ него свой собственный смыслъ, забывался и тоже начиналъ подпѣвать:

— Тамъ-та-та, тарара-та-тамъ-тааа!..

Однажды, во время такого пѣнія гимновъ, пришелъ въ клубъ панъ Пенхержевскій, любимецъ дамскаго общества. Когда всѣ гимны спѣли, панъ Пенхержевскій подсѣлъ къ роялю и запѣлъ «Еще Польска не сгинѣла». Исправникъ вспыхнулъ, сдѣлалъ выпуклые глаза и, подойдя къ Пенхержевскому, довольно сердито остановилъ:

— Прошу прекратить!.. Я не допущу пѣнія революціонныхъ пѣсенъ... Можете дома...

Вотъ, наконецъ-то, выплыла крамола! Исправникъ, вѣдь, всегда подозрѣвалъ «этого господина» въ недостаткѣ вѣрноподданичества. А кромѣ того, этотъ господинъ вообще зазнался, и пора ему напомнить, что... Вышелъ крупный и непріятный инцидентъ. До сихъ поръ все шло благополучно, жили одной дружной семьей въ клубѣ, и вдругъ...

— Я вынужденъ составить протоколъ.

— Я полагаю, что вы, милостивый государь...

— Я—исправникъ!..

— Что вы, милостивый государь, г. исправникъ, плохо освѣдомлены въ дѣлахъ нашей внутренней политики... Читали вы воззваніе къ полякамъ Верховнаго Главнокомандующаго? Оно только что напечатано. Неугодно ли?

И панъ Пенхержевскій вытащилъ изъ кармана газету, и громко въ присутствіи многочисленной собравшейся на инцидентъ публики, прочиталъ воззваніе. Исправникъ растерялся и началъ было по-своему толковать прочитанное воззваніе, но никто изъ присутствующихъ, своихъ и пріѣзжихъ изъ уѣзда, не соглашался съ исправникомъ.

— Господа! Россія идетъ на освобожденіе всего славянства, протягиваетъ дружескую руку Польшѣ, а вы!.. Ахъ, братья-славяне!.. Подайте другъ другу руки!..

Все общество подхватило это предложеніе и потребовало отъ враговъ немедленнаго примиренія. Исправникъ первый протянулъ руку пану Пенхержевскому и сказалъ:

— Не сгинѣла, такъ не сгинѣла!.. Очень радъ!..

— Вообще, Михаилъ Ивановичъ,—поучительно замѣтилъ тайный кадетъ, Иванъ Федоровичъ, вамъ не слѣдуетъ забывать, что нынѣ открывается совершенно новая страница всемірной исторіи, а слѣдовательно и нашей исторіи...

— Я понимаю, но...

— А вы хотите схватить всемірное колесо и на всемъ ходу остановить его!..

«Всемірное колесо исторіи» въ маленькомъ городкѣ, который исправникъ всегда считалъ ввѣреннымъ исключительно его распоряженіямъ! Это было такъ ново и непонятно, что, хотя исправникъ и пошелъ на перемиріе, но тайно чувствовалъ, что «что-то тутъ не такъ». Чувствовалъ, но не могъ разобраться.

— Германія, по всей вѣроятности, распадется. Монархія Гогенцоллерновъ превратится въ нѣсколько республикъ... — резонерствовалъ Иванъ Федоровичъ. Исправникъ слушалъ эти возмутительныя фразы въ общественномъ мѣстѣ, но не останавливалъ. Распаденіе

Германіи значитъ—побѣда Россіи и ея союзниковъ, а республика... Что жъ, наша союзница Францiя — тоже республика!.. Ничего не разберешь!..

Въ другомъ концѣ говорятъ о Болгаріи:

— Жулики! И Фердинандъ—первый жуликъ...

Можно ли такъ выражаться о Фердинандѣ? Вѣдь, онъ, какъ никакъ, а царь!..

Исправникъ вернулся домой въ подавленномъ настроеніи духа. Не было прежней ясности во взглядахъ, непоколебимой увѣренности въ правотѣ своихъ взглядовъ, въ правильности своихъ распоряженій, ощущенія твердой почвы подъ ногами. Было такое ощущеніе, словно маленькій подвластный городокъ, въ которомъ онъ, исправникъ, былъ всѣмъ, обидѣлъ его, наговорилъ ему дерзостей и заявилъ, что онъ, городокъ,—самъ по себѣ, а исправникъ тоже самъ по себѣ. Все его сердило дома: не могли найти газетъ, которыхъ исправникъ не успѣлъ еще прочитать, и это казалось оскорбительнымъ неуваженіемъ со стороны письмоводителя и членовъ семьи; въ поданной почтѣ оказался вскрытымъ конвертъ, съ надписью «секретно»... Исправникъ накинулся на письмоводителя, но оказалось, что пакетъ вскрытъ супругой.

— Кто у васъ начальникъ: я или моя супруга?—закричалъ исправникъ на письмоводителя и сдѣлалъ ему строжайшій выговоръ:

— Въ такихъ пакетахъ могутъ быть государственныя тайны! Понимаете? Никакихъ «супругъ» теперь не существуетъ! Я васъ предамъ военному суду...

— Ваша супруга взяли... Я не могъ, не посмѣлъ...

— Никакихъ супругъ!

Исправникъ вспомнилъ, какъ жена его играла въ клубѣ «Марсельезу» и какъ панъ Пенхержевскій посадилъ

его въ лужу, и закричалъ вслѣдъ уходящему письмоводителю:

— Никакихъ супругъ!.. Иначе—военный судъ... Въ 24 часа!.. Всѣхъ!

Взволновался, выпилъ воды, перечиталъ воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго, недовольно отложилъ газету и вытащилъ секретную бумагу. Въ ней предписывалось подвергнуть немедленному аресту всѣхъ проживающихъ въ уѣздѣ германскихъ и австрійскихъ подданныхъ призывного возраста и въ качествѣ военноплѣнныхъ препроводить подъ охраною въ губернскій городъ.

— Ага, вотъ оно что!..

Странно, что исправникъ прежде всего вспомнилъ о Пенхержевскомъ, а потомъ объ Иванѣ Федоровичѣ, хотя они были русскіе подданные.

— Не подходятъ!.. Гм!.. Кто же у меня есть?.. Да, да... господинъ Розенфельдъ! Мг! Совершенно вѣрно. Карлъ Иванычъ, пожалуйте на цугундеръ!..

Скверное расположеніе духа нашло, наконецъ, отдушину въ лицѣ Карла Иваныча и на него устремилось...

— Тамъ они звѣрствуютъ, а этотъ притихъ и продолжаетъ себѣ благоденствовать... Извините, Карлъ Иванычъ!!.. Я вынужденъ нарушить ваше семейное счастіе... вашъ медовый мѣсяцъ!..

Взявъ полицейскаго надзирателя, двухъ стражниковъ и двухъ понятыхъ, исправникъ направился къ аптекѣ. Шествіе это привлекло вниманіе жителей, и быстро по улицамъ разнеслась вѣсть: «полиція пошла къ нѣмцу...» Толпа любопытныхъ сбивалась и росла предъ аптекою, теряясь въ догадкахъ, что бы все это могло значить. Рождались самые невѣроятные слухи, летѣли во всѣ стороны и привлекали все новыхъ и новыхъ зрителей. На крыльцѣ и у воротъ стояли стражники, гнали прочь

любопытныхъ, перебрасывались словомъ съ пристающими съ вопросами, что случилось.

— Онъ что?.. Почему его?..

— Значитъ, такъ надо... Зря не будутъ.

— А что же онъ?..

— Нѣмецъ! Подъ Вильгельмомъ онъ состоитъ. Оказался не нашимъ.

— А правду сказываютъ, что онъ на еропланѣ леталъ?..

— А ты иди, иди, а то такъ полетишь...

— Не леталъ, а отраву солдатамъ далъ...

— Вонъ, вѣдь, чего они, сволочи, дѣлаютъ!..

— Что теперь съ нимъ сдѣлаютъ?..

— Извѣстно ужъ... Подъ разстрѣлъ!

— Что случилось? — спрашивала у толпившихся проходящая барыня съ зонтикомъ.

— Нѣмца обыскиваютъ!..

— Карла Иваныча!..

— Подъ разстрѣлъ, сказываютъ, поведутъ...

— Карла Иваныча?!..

Барыня сперва никакъ не могла себѣ представить, чтобы добродушнѣйшій, много лѣтъ извѣстный ей Карлъ Иванычъ оказался опаснымъ врагомъ Россіи, но, подумавъ немного, рѣшила, что ни одному нѣмцу теперь нельзя вѣрить...—У нихъ вездѣ шпіоны!—произнесла она, сердито посмотрѣла на аптеку и торопливо пошла сообщить знакомымъ послѣднюю сенсаціонную новость... А въ толпѣ объясняли теперь новымъ любопытнымъ на вопросы, что случилось въ аптекѣ:

— Нѣмца пымали, шпіономъ оказался!..

— Какого?

— Да нашего Карлушку!—презрительно отвѣчалъ лавочникъ, погрызывая сѣмечки.

При обыскѣ въ аптекѣ и въ квартирѣ Карла Иваныча

было найдено: въ спальной на стѣнѣ—портретъ императора Вильгельма, въ ящикахъ письменнаго стола—два иностранныхъ письма съ почтовымъ штемпелемъ «Берлинъ» и открытка съ неприличной картинкою загадочнаго содержанія, — всѣ письма и надписи — на нѣмецкомъ языкѣ.

— Вы находитесь въ сношеніяхъ съ Берлиномъ?— допрашивалъ исправникъ растеряннаго, перепуганнаго Карла Иваныча.

— Я имѣю въ Берлинъ—тетка!.. Мой мечта былъ поѣхать когда-нибудь въ Берлинъ и потому...

— Отлично! По всей вѣроятности, вы туда и поѣдете. Ну, а портретъ господина Вильгельма?

Карлъ Иванычъ пожалъ плечами, но ничего не отвѣтилъ.

— Тоже ваша мечта?

Составили протоколъ обыска, закупорили и запечатали письма и портретъ Вильгельма, а затѣмъ исправникъ строго сказалъ:

— Потрудитесь, г. Розенфельдъ, одѣться и слѣдовать за нами! Объявляю васъ военноплѣннымъ!..

— А мой супругъ?..—робко произнесъ Карлъ Иванычъ.

— Никакихъ супругъ, г. Розенфельдъ!

Звякнулъ звонокъ аптечной двери, и на крыльцѣ появился сперва исправникъ, а за нимъ—Карлъ Иванычъ съ надзирателемъ и понятыми. Къ нимъ присоединились охранявшіе входы стражники, и процессія двинулась по направленію къ полицейскому управленію. Къ этому времени новость успѣла уже облетѣть весь городокъ, и среди любопытныхъ появились культурные жители. Толпа хлынула было за процессіей, но исправникъ, полный сознанія государственной тайны, махнулъ рукою, и стражники начали гнать публику...

— Долой нѣмцевъ! — кричали вдогонку мальчишки, а толпа неистово кричала «ура»!..

А въ раскрытое окно аптеки изъ комнатъ слышался плачъ тоненькимъ-тоненькимъ голосомъ, и бабы, прислушиваясь къ нему, дѣлались грустными, вздыхали и задумчиво отходили прочь отъ оконъ...

— Всѣмъ горе, Господи!.. Всѣмъ!..

ИХЪ ТАЙНА.

Они росли вмѣстѣ, въ двухъ дружныхъ большихъ семьяхъ, въ сосѣднихъ домахъ, раздѣленныхъ полусгнившимъ заборомъ съ огромными щелями, съ лазейками въ садъ другъ къ другу. Теплая дружба отцовъ и матерей передавалась дѣтямъ, а дѣтей и тутъ и тамъ было много, мальчиковъ и дѣвочекъ, поэтому жизнь шла шумно и весело, полная суеты, звонкаго ребячьяго смѣха, игръ, ссоръ, примиреній, пѣнія, споровъ и разныхъ затѣй. Казалось, что ребята были полными хозяевами въ этихъ семьяхъ и окончательно завладѣли родителями, переставшими уже отличать своихъ ребятъ отъ сосѣднихъ. Ребята вѣчно пребывали въ смѣшеніи, и никогда чайный и обѣденный столы этихъ семействъ не бывали въ чистомъ составѣ:

— Гдѣ же Митя? Катя?—сердилась мать, недосчитываясь членовъ своего шумнаго курятника.

— Они обѣдаютъ у насъ!—заявляли ребята сосѣдняго дома.

Когда вся дѣтвора сбивалась вмѣстѣ за играми, оглашая дворъ и улицу своимъ гомономъ, можно было подумать, что здѣсь какой-нибудь пріютъ, дѣтскій садъ или школа. Жизнь протекала вмѣстѣ и зимой, и лѣтомъ. Зимой вмѣстѣ ходили въ гимназію и изъ гимна-

зіи, по лѣтамъ уѣзжали въ одно мѣсто на дачу. Привыкли, сроднились, слились въ одну большую семью и росли какъ-то незамѣтно для себя и другихъ, превращаясь изъ ребятъ въ неуклюжихъ подростковъ, изъ неуклюжихъ подростковъ въ славныхъ красивыхъ юношей и дѣвушекъ. Иногда родители, тоже незамѣтно для себя и другъ друга старѣвшіе, какъ-то внезапно прозрѣвали, глядя на дѣтей сосѣда:

— Катерина Николаевна! Посмотри на Митю: онъ выше меня!

— Да у тебя никакъ ужъ усы стали пробиваться?

И приходила въ голову мысль о томъ, что жизнь бѣжитъ, утекаетъ, какъ рѣка, что ея не остановишь, что годы летятъ съ быстротой и все въ одну сторону, подъ гору, гдѣ...

— Старое старится, молодое растетъ!—вздохнувши, произносила Катерина Николаевна и, взглянувъ на мужа, съ грустью останавливала тревожный взглядъ на его сѣдѣющей головѣ и утомленныхъ жизнью глазахъ. А мужъ взглядывалъ на Катерину Николаевну, располнѣвшую и потускнѣвшую, переводилъ взоръ на свою дочь, дружески разговаривающую съ сыномъ сосѣда, Митей, и со вздохомъ же произносилъ:

— Боже мой! Какъ наша Катя напоминаетъ тебя въ молодости! Вылитая мать, когда я встрѣтилъ тебя тогда... впервые.

Отецъ любовался своей красивой дочкой, въ его душѣ рождалась родительская гордость, а мать, глядя на Митю съ Катей, думала:

«Вотъ была бы парочка!»

Вѣдь, Митя съ Катей всегда были особенно дружны и замѣтно тяготѣли другъ къ другу. Иногда матери, отмѣчая эту дружбу, дѣлились между собою тайными думами:

— Кажется, они того... очень симпатизируютъ другъ другу...

Но проходило нѣсколько дней, и подозрѣнія разлетались: Катя съ Митей ссорились изъ-за какого-нибудь пустяка во время игры въ крокетъ или тенисъ и начинали вести себя просто, какъ два сверстника-школьника, оба мужского рода.

— Ты болванъ! Больше ничего...

— А ты—глупа, какъ пробка!

— Дѣти! Митя! Катя! Опомнитесь! Вѣдь, вы не извощики...

Потомъ мать Мити напоминала ему, что онъ—мужчина, а Катя—женщина, а мать Кати—о томъ, что Катя—женщина, а Митя—мужчина... Увы, общее дѣтство и многолѣтняя жизнь рядомъ, казалось, навсегда изгладили въ ихъ отношеніяхъ это природное различіе. Только товарищи, порой готовые подраться самымъ настоящимъ образомъ.

— Съ сегодняшняго дня я съ Катькой прекращаю всякую компанію...

— Съ этой свиньей я не играю!—говорила Катя про Митю.

И нѣсколько дней казалось, что всѣ другіе дружнѣе между собой, чѣмъ Катя съ Митей. Такъ казалось всѣмъ окружающимъ, тщетно старавшимся поскорѣе помирить ихъ. И никто не зналъ, что послѣ такихъ ссоръ Митя и Катя невыносимо страдаютъ, плачутъ въ подушки, и оба страстно желаютъ и не могутъ помириться именно потому, что незамѣтно, крадучись, въ ихъ дружескія, товарищескія отношенія замѣшалось уже иное неосознанное еще чувство иныхъ симпатій, затлѣлась незамѣтно для себя и другихъ первая искра сладостнаго и мучительнаго тяготѣнія просыпающагося инстинкта мужчины и женщины.

— Противный Митька! Самый скверный, гадкій мальчишка!..—шептала ночью въ наволочку оскорбленная до глубинъ души Катя, а сама, сидя вечеромъ у раскрытаго окна, невольно прислушивалась къ тому, что дѣлается въ саду, ловила въ шумѣ голосовъ голосъ Мити, отирала слезы и улыбалась, сама не зная, почему эта улыбка и непрошенная слеза.

— Что же Катерина? Все еще дуется?—спрашивалъ у младшей сестры Митя, тайно мучавшійся не меньше Кати отъ ссоры и разлуки.

— Она говоритъ, что между вами все кончено навѣки.

— Сама первая оскорбила и сама же... Пока она не извинится, я не подойду... я не намѣренъ... я не изъ такихъ...

Текли годы, разгоралась искра первой чистой юношеской любви и пугливо пряталась отъ сторонняго взгляда, гордая въ своей тайнѣ. А прятаться было легко: помогала долгая-долгая дружба и товарищеская близость. Съ годами появилась нѣкоторая сдержанность, видимый холодокъ, взаимная осторожность. Любили другъ друга и скрывали это другъ отъ друга, боясь открыть свою тайну и найти въ другомъ только дружбу, привычную дружбу вмѣсто любви... Можетъ быть, эта именно боязнь и рождала пугливую осторожность и нѣкоторый холодокъ во внѣшнихъ отношеніяхъ молодыхъ чистыхъ красивыхъ друзей дѣтства.

— Что такое? Вы, кажется, перешли уже на «вы»?— удивлялись слѣпые люди, посматривая на Катю съ Митей, говорившихъ между собою съ преувеличенной непривычной вѣжливостью. Мать иногда спрашивала Катю:

— Вы съ Митей не поссорились?

— Нѣтъ. Почему ты, мама, такъ думаешь?

— Такъ... Показалось.

— Намъ не изъ-за чего ссориться.

Въ семьяхъ успѣли завязаться новыя знакомства, появились въ гостяхъ молодые люди, юноши и дѣвушки, товарищи по университету и подруги по курсамъ, гдѣ теперь учились выросшіе ребята. Нарождались новыя симпатіи и антипатіи. Прошлое лѣто опять жили обѣ семьи въ Горкахъ, на сосѣднихъ дачахъ, въ которыхъ жили когда-то давно. И дачи состарѣлись, казались всѣмъ меньше, чѣмъ были раньше, такъ что трудно было размѣстить наѣхавшихъ гостей, подругъ и товарищей выросшей дѣтворы. Студентъ Перепелкинъ, товарищъ Дмитрія, влюбился вдругъ въ Катю, и вышла цѣлая драма: когда молодежь ходила въ лѣсъ за грибами, объяснился Перепелкинъ въ любви, а Катя расхохоталась и убѣжала. Перепелкинъ хотѣлъ утопиться въ пруду, но его вытащилъ за волосы хорошо плававшій Митя. Дачники разнесли эту исторію по городу, пошли сплетни, будто бы родители препятствуютъ Катѣ выйти замужъ за какого-то студента. Такіе слѣпые! Никому и въ голову не приходило, что Катя давно уже любитъ Дмитрія. О, Катя была очень хитрая, скрытная дѣвушка! Даже Дмитрій не могъ думать о томъ, что она любитъ его больше всѣхъ на свѣтѣ... Онъ, глупый, въ то лѣто безумно ревновалъ Катю къ Перепелкину и порой, въ безсонныя ночи, ему приходила мысль о неизбѣжной дуэли съ товарищемъ. А кончилось тѣмъ, что пришлось Перепелкина тащить изъ пруда за волосы, и оказалось, что Катя не проявила даже особенной радости, что соперникъ спасенъ.

— Вы, Катерина Владиміровна, довольны, что я спасъ Перепелкина?

— Мнѣ рѣшительно все равно!..

«Какая жестокая! Она не можетъ, она не способна любить!»—подумалъ тогда Дмитрій, и у него окончательно пропала всякая смѣлость и надежда когда-нибудь объясниться съ Катей...

Дмитрій кончилъ университетъ, приписался къ адвокатурѣ, отбылъ воинскую повинность и превратился въ помощника присяжнаго повѣреннаго. Мало было въ городѣ холостыхъ молодыхъ людей съ положеніемъ въ обществѣ, поэтому Дмитрій сдѣлался предметомъ особеннаго вниманія губернскихъ мамашъ и барышень, какъ видный и завидный женихъ. Молва нѣсколько разъ уже выбирала ему невѣстъ, помолвливала его то съ одной, то съ другой дѣвицей на очереди, но не было среди нихъ Кати Поливановой, которая послѣднюю зиму кончала какіе-то курсы и жила въ Москвѣ.

Все попрежнему жили рядышкомъ двѣ семьи, и не порывалась старая дружба отцовъ, но дѣти повыросли, вылились въ разныя индивидуальности, успѣли разгруппироваться по своимъ интересамъ и склонностямъ, завести новыя связи,—и теперь уже не казалось, что все это одна огромная семья. Формировались новые люди и характеры, новыя міросозерцанія, и какъ-то исчезла прежняя непосредственность и простота отношеній тѣхъ далекихъ дней, когда ребята играли въ крокетъ, дрались, ссорились и мирились. Точно выросъ заборъ, раздѣляющій сосѣдей, и никто не лазилъ уже въ его прорѣхи и дыры для удобствъ сообщенія. Въ одной семьѣ старшими были дѣвочки, а въ другой—мальчики,—и прежняя закадычная дружба постепенно переходила въ милыя добрососѣдскія отношенія. Никто больше не говорилъ здѣсь на «ты», кромѣ отцовъ и матерей, все больше и крѣпче сживавшихся другъ съ другомъ, но уже не думавшихъ породниться чрезъ дѣтей своихъ...

И вдругъ... О, это было такъ неожиданно, страшно и

вмѣстѣ съ тѣмъ такъ прекрасно, что надо разсказать, непремѣнно разсказать!..

Былъ самый разгаръ лѣта, когда совершенно для всѣхъ неожиданно предъ родиной всталъ грозный и страшный призракъ войны. Горожане пеклись по дачамъ и домамъ подъ знойнымъ іюльскимъ солнцемъ и совершенно не интересовались тѣмъ, что дѣлается на свѣтѣ. Знали очень смутно, что опять что-то неладно на Балканахъ, но когда же тамъ бываетъ ладно? Не такъ давно газеты были полны войной Болгаріи съ Турціей, читатели успѣли насытиться войной по горло и теперь совершенно не хотѣли знать, что дѣлается на Балканахъ. Балканы просто надоѣли, а тутъ еще жара, пекло, бездождіе, не хочется думать, а тѣмъ болѣе—читать газеты...И вдругъ:

— Мобилизація!

Поливановы жили это лѣто въ своихъ излюбленныхъ Горкахъ, на старой дачѣ, и скучали, жалѣли, что дружественная семья не поѣхала нынче туда же, а осталась въ городѣ, такъ какъ начало лѣта провела въ путешествіи по Волгѣ. Старикъ Поливановъ считалъ себя большимъ знатокомъ во внѣшней политикѣ и даже, когда объявили о мобилизаціи, лѣниво говорилъ:

— Ерунда! Пугаютъ другъ друга!

И когда старикъ сидѣлъ съ газетой на лавочкѣ предъ своей дачей и къ нему подходили встревоженные мужики и бабы и спрашивали:

— Ну, что слышно?

Поливановъ успокаивалъ:

— Пошумятъ и больше ничего.

— А у насъ сказываютъ,—война опять! А у насъ хлѣбъ не убранъ, баринъ...

— Что ты, дура, ревешь? Мобилизація не значитъ еще война!

Солнце такъ ласково припекало спину, жгло шею; курицы купались въ дорожной пыли, воробьи прыгали въ чащѣ огородныхъ зарослей; далеко въ желтѣющихъ поляхъ краснѣли платки жницъ; по вечерамъ лѣниво ползло по улицѣ деревенское стадо; Катерина Николаевна варила пахучее малиновое варенье... Какая тамъ европейская война!

Прошло два дня, только два дня, и казавшееся невѣроятнымъ свершилось. Точно кто-то разбудилъ и деревни и городъ отъ лѣтней сладкой полудремоты, и, какъ муравьи въ потревоженномъ муравейникѣ, закопошились и заволновались люди.

— Гдѣ наши мальчики?—тревожно спрашивала Катерина Николаевна.

— Всѣ уѣхали въ городъ.

— Какъ хорошо, что у насъ съ тобой старшія—дѣвочки!—говорила мать, и всѣ вспоминали о своихъ сосѣдяхъ. Катя оторвалась вдругъ отъ книги, задумчиво посмотрѣла въ одну точку и подумала вслухъ:

— Вѣроятно, Дмитрій Николаичъ пойдетъ на войну... Бѣдная Марья Степановна!

— Митя? Да, да... Конечно! Онъ въ запасѣ, — отозвался отецъ.

Наступило долгое тяжелое молчаніе. Старикамъ было радостно, что мальчики у нихъ еще не выросли для войны и какъ-то совѣстно при мысли о тѣхъ родителяхъ, у которыхъ сыновья выросли и должны пойти. Вечеромъ, точно молча всѣ сговорились, всѣмъ захотѣлось вдругъ поѣхать въ городъ, всѣмъ было нужно. И всѣ поѣхали. Поздно ночью пріѣхали въ городъ, но въ окнахъ сосѣдей еще свѣтился огонь, и на опущенной занавѣскѣ мелькали человѣческіе силуэты.

Катя взглянула на свѣтлое окно,—тамъ комната Дми-

трія. Вздрогнуло и застучало тревогу дѣвичье сердце, нѣсколько лѣтъ прячущее свою нѣжную тайну отъ людей. «Ахъ, Митя, Митя!.. Милый, хорошій, славный мой, любимый мой! Прощай, родной мой! Быть можетъ, ты не вернешься съ войны и никогда не узнаешь, что...» Остановилась на крыльцѣ и не сразу тронула звонокъ: боялась выдать свою тайну волненіемъ, тревогой, горящими щеками, громко стукающимъ сердцемъ. Пусть никто никогда не узнаетъ дѣвичьей тайны!.. Собралась съ духомъ, отдышалась и, спрятавшись за дѣвичью гордость, позвонила. Долго не отпирали. А, можетъ быть, такъ казалось, что долго. Наконецъ прозвучали за дверями громкіе тяжелые шаги, дверь раскрылась, и въ темнотѣ сверкнули пуговицы и погоны офицерской тужурки.

— Ахъ, это... Когда пріѣхали?..

— Я васъ не узнала, испугалась... Мы сейчасъ только пріѣхали. Наши ребята у васъ?

Какъ хорошо, что въ коридорѣ темно: не видно, какъ у обоихъ радостно сіяли глаза и огнемъ запылали щеки!

— Какъ странно видѣть васъ офицеромъ...

— Послѣзавтра выступаемъ, Катерина Владиміровна... Прощайте!.. Не поминайте лихомъ!..

Шли по длинному коридору и перебрасывались коротенькими фразами, а обоимъ хотѣлось сказать только одно самое главное и важное «слово»... Въ столовой было шумно, безтолково, неряшливо. Теперь было не до порядка. Все пошло вверхъ дномъ. Жили точно на бивуакахъ въ новой квартирѣ, не успѣвъ еще разложиться и устроиться. Снаряжали Митю на войну. На столахъ, на диванѣ, на рояли—вездѣ разбросаны вещи, которыя поѣдутъ съ Митей. Мальчишки разсматриваютъ оружіе и хорохорятся. Отецъ ходитъ въ халатѣ, безпрерывно дымитъ крученкой, сосредоточенный, никого незамѣчающій. Мать, усталая, поникшая, съ опухшими

глазами, все суетится около раскрытаго чемодана и не даетъ никому укладывать бѣлье:

— Я сама! Я хочу сама... Митенька! Не положить ли тебѣ отцовскій халатъ?

— Что ты, мама! На войну и халатъ!

Всѣ обрадовались моменту, дружно засмѣялись, начали шутить, и отъ этого всѣмъ стало легче. Смѣясь и смахивая слезинку, мать оправдывала свое неудачное предложеніе:

— Тяжело, вѣдь, все время во всемъ военномъ облаченіи! Можетъ быть, гдѣ-нибудь и спокойно поживете. Побѣдите и отдохнете!

— Тамъ, матушка, по недѣлямъ не раздѣваются, спятъ по три часа въ сутки прямо на землѣ, гдѣ попало...

Начинается разговоръ о жизни на войнѣ. Ужасная жизнь подъ вѣчной ежеминутной угрозой смерти. Стихаютъ. Опять на души ложится гнетъ и печаль. Незамѣтно посматриваютъ на Митю, превратившагося изъ «свободнаго художника», съ копной волнистыхъ волосъ, въ молоденькаго красиваго офицера. Сталъ онъ какъ-будто бы выше, красивѣе и моложе, чѣмъ былъ два дня тому назадъ. Тонкій, высокій и статный такой! Катю такъ тянетъ смотрѣть на него, но она старается дѣлать это какъ можно рѣже. Замѣтятъ. Пересѣла на диванъ, въ полутемный уголъ, и стала оттуда посматривать на высокаго статнаго юношу въ военной формѣ. И опять приходило въ голову: «Смотри, смотри на него! Быть можетъ, онъ только еще одинъ день будетъ съ вами, а потомъ уѣдетъ и никогда уже не вернется!» Отъ этой мысли Митя казался какимъ-то большимъ, значительнымъ человѣкомъ и дѣлался еще прекраснѣе и дороже. Идетъ на-смерть и такой спокойный! Шутитъ и улыбается. Такой нѣжный съ отцомъ, матерью, со всѣми! Такой ла-

сковый и внимательный! Точно на прощанье хочетъ всѣхъ приласкать своими добрыми, умными глазами, ласковыми словами. Вотъ и къ ней подошелъ, застѣнчиво улыбнулся, сѣлъ рядомъ, хочетъ что-то сказать.

— Когда-нибудь напишите мнѣ нѣсколько словъ. Мнѣ будетъ пріятно узнать, что вы меня помните...

— Да, да... А адресъ?

— Дѣйствующая армія, Ленкорано-Нашебургскій полкъ, подпрапорщику... мнѣ!

Катя встрепенулась, покраснѣла...

— Какъ? Какъ? Трудное названіе. Не запомню. Надо записать...

Вскочила, проситъ у окружающихъ карандашъ, ни у кого нѣтъ.

— Въ моей комнатѣ!

Пошла въ комнату Дмитрія, тревожно озирается, присаживается къ письменному столу. Его комната! Какая милая, близкая комната! Опустѣетъ скоро. Мити не будетъ, и не будетъ Катя съ любовью смотрѣть, проходя ночью мимо, на свѣтящееся окно этой комнаты, гдѣ, быть можетъ, навсегда потухнетъ свѣтъ... Дрожитъ рука, и не можетъ Катя вспомнить названіе полка. Забыла уже...

— Нашли?

— Да, но я забыла полкъ...

Митя повторилъ названіе, наклонился надъ пишущей дѣвушкой.

— Лен-ко-рано-Наше-бургскій... Нашебургскій...

— А вы... вы мнѣ отвѣтите? Да?

Дмитрій съ упрекомъ посмотрѣлъ на дѣвушку, немного растерялся, помедлилъ и, глядя въ землю, тихо сказалъ:

— Я хотѣлъ просить васъ о позволеніи писать... Я уже написалъ вамъ одно письмо. Вы получите его на

другой день послѣ того, какъ придетъ извѣстіе о моей смерти...

Застучало сердце, кровь бросилась къ лицу, сладкимъ туманомъ заволоклось сознаніе. Катя крѣпко-крѣпко прижала ладони рукъ къ щекамъ и потомъ опустила голову на руки. Не совсѣмъ поняла про это письмо, написанное уже письмо.

— Вы напишете или...

— Написалъ и поручилъ брату опустить въ почтовый ящикъ, когда узнаютъ о моей смерти.

— Но... почему въ ящикъ? Оно адресовано... мнѣ?

— Вамъ.

— Дайте теперь, въ руки!

— Нѣтъ... Въ этомъ письмѣ есть тайна, которую вы узнаете, когда меня не будетъ... Я думаю, что не вернусь домой... Трудно разсчитывать на такое счастье въ этой страшной бойнѣ, называемой европейской войною... И мнѣ хочется, чтобы вы узнали одну тайну моей жизни, хотя... послѣ моей смерти!..

Захотѣлось Катѣ разрыдаться отъ постучавшагося въ душу счастья и отъ страшныхъ словъ любимаго человѣка. Тайна, которую носила въ душѣ своей гордая, самолюбивая дѣвушка, раскрыла ей тайну Дмитрія, и радость, огромная свѣтлая радость, охватившая ея душу и тѣло сладкимъ трепетомъ, перемѣшалась съ огромной тоской отъ мысли потерять это счастье. О, это было выше ея силъ и выше и сильнѣе ея гордости! Разрывалось сердце отъ счастья и мукъ страданія и тоски. Дѣвушка уронила голову на руки и разрыдалась... Не было больше силъ прятать свою сладкую тайну предъ любимымъ человѣкомъ, передъ собой и передъ всѣми людьми. Стало вдругъ все равно. Катя сладко рыдала, пряча лицо и вздрагивая плечами. Дмитрій стоялъ около нея съ глазами, полными слезъ, растерянный, ви-

новатый, гладилъ русую голову дѣвушки и что-то шепталъ. А въ дверяхъ стояли отецъ и мать, молодежь, ребятишки.

— Что такое? Что случилось?—испуганно кричали всѣмъ хоромъ...

— Уйдите! Дайте стаканъ воды!..

Стихли, полные пугливаго недоумѣнія, отошли отъ дверей. Дмитрій вышелъ, отнесъ воду, притворилъ дверь своей комнаты и, какой-то странный, растерянный, словно пьяный, появился въ залѣ... Ходилъ, хватался за голову, отиралъ платкомъ слезы, словно задыхался... Всѣ притихли въ столовой. И въ это время маленькій братъ Кати, гимназистъ второго класса, серьезно и отчетливо произнесъ:

— А я знаю, почему она плачетъ. Ей жалко Митю! Она въ него влюбилась!

ДОБРОВОЛЬЦЫ.

Тревоги начались со дня объявленія войны. Тихая, лѣнивая, немного скучная своимъ однообразіемъ жизнь дачниковъ сразу оборвалась, словно именно имъ, дачникамъ, безмятежно бултыхавшимся въ морскомъ заливѣ, по цѣлымъ часамъ дремавшимъ на песчаной отмели подъ зонтиками, подъ ласковый прибой и звонкій крикъ дѣтворы разнаго возраста, была объявлена война Германіей. Сразу въ жизнь ворвалась тревога, взбудоражила души, и все пошло вверхъ дномъ. Пріѣзжіе издалека стали проворно собирать пожитки, чтобы ѣхать по домамъ, гдѣ оставались мужья и отцы, и это волновало всѣхъ остальныхъ, потому что походило на бѣгство отъ готоваго завоевать дачниковъ непріятеля. Появились нелѣпые слухи о стотысячномъ десантѣ, который не сегодня-завтра высадится какъ разъ тутъ, гдѣ дачники ежедневно бултыхаются въ морской водѣ, и тревога перешла въ панику...

Большая семья Перепелкиныхъ, пріѣхавшихъ сюда изъ глубинъ Россіи, нѣсколько дней храбрилась и посмѣивалась надъ трусами, но ночью пришла телеграмма съ нарочнымъ отъ папы: «Выѣзжайте немедленно», и Перепелкины поддались общему настроенію. Мадамъ Перепелкина, полная сырая женщина, съ больнымъ

сердцемъ, почуяла въ телеграммѣ дѣйствительную и близкую опасность, сильно взволновалась и ночью же, разбудивъ прислугу, начала укладываться. Шумъ, бѣготня и свѣчи въ темнотѣ разбудили дѣвочекъ, а дѣвочки разбудили мальчиковъ; начались разговоры шопотомъ въ двухъ сосѣднихъ дѣтскихъ спальняхъ. Соня, завернувшись въ пикейное одѣяло, перешла къ мальчикамъ, за ней то же сдѣлала младшая, Надя. Всѣ сидѣли на кроватяхъ въ темнотѣ и тревожно совѣщались и обсуждали поведеніе мамы.

— Пришла телеграмма. Я слышала.

— Ага! Я говорилъ, что правда... Должно быть, высадились.

— Могутъ всѣхъ насъ убить.

Ребята вскакивали съ постелей и смотрѣли въ окна въ темноту ночи, которую изрѣдка прорѣзали синеватые мечи далекихъ передвигающихся прожекторовъ, отчего и ночь, и тишина за окнами, и темные силуэты деревьевъ начинали казаться зловѣщими и таинственными, пробуждая въ дѣвочкахъ страхъ, а въ мальчикахъ— необузданную фантазію.

— Ну такъ что же, если придутъ, скажемъ—сдаемся и...—шептала готовая расплакаться трусиха-Надя, пожимая голенькими плечиками.

— Сдавайся, коли хочешь!—презрительно бросилъ храбрый Коля, перешедшій въ четвертый классъ и считавшій теперь себя уже большимъ.

— А ты? Скажешь,—не сдашься?

— А вотъ это видѣла?—спросилъ Коля, показывая фигу сестренкѣ.

— Если мама сдастся, всѣмъ придется... Разстрѣляютъ.

Надя вдругъ потихоньку захныкала, и совѣщаніе оборвалось: мать услыхала наверху топотъ босыхъ

ногъ, пришла со свѣчей въ рукѣ и застала военный совѣтъ на мѣстѣ преступленія.

— Что вы? Спать! Завтра надо встать рано, потому что поѣдемъ домой къ папѣ!

— А что случилось? Почему ты не спишь? Высадились нѣмцы?..

— Ахъ, какія глупости! Идите на мѣста!.. Во-первыхъ, неприлично, Соня и Надя, бѣгать къ мальчикамъ въ такихъ костюмахъ, а затѣмъ... что же смотритъ фрейлейнъ!

Мать разбудила крѣпко спавшую въ комнатѣ дѣвочекъ краснощекую, здоровенную Альму Ивановну и сдѣлала ей выговоръ:

— Спите какъ мертвая! Не слышите, что дѣлается у васъ подъ носомъ!

Нѣмка изъ Либавы спросонья не сразу поняла, въ чемъ дѣло; у ней явилась мысль, что близко нѣмцы, и она испугалась ихъ больше, чѣмъ плачущая Надя...

— Варумъ? Варумъ? Варумъ?—испуганнымъ шопотомъ спрашивала она дѣвочку, торопливо напяливая на ногу ботинокъ...

— Н-ѣ-м-ц-ы!—шептала дѣвочка, кутаясь въ одѣяло.

Вмѣсто того, чтобы успокоить ребятъ, Альма Ивановна окончательно растревожила и разгуляла ихъ. Полуодѣлась, начала воевать съ мальчиками, которые продолжали обсуждать вполголоса положеніе дѣлъ, переговариваясь чрезъ дощатую перегородку съ дѣвочками.

— Шляфенъ!

— Я знаю, вы рады, если нѣмцы побѣдятъ насъ!—обвинялъ младшій, Гриша.

Альма Ивановна сердилась, обѣщала сейчасъ же позвать маму. Коля поддерживалъ брата:

— Долой нѣмцевъ! Мы не желаемъ разговаривать по-нѣмецки! Хераусъ! Отваливайте!

Ночь прошла какимъ-то кошмаромъ. Почти не спали. Мадамъ Перепелкина чуть держалась на ногахъ отъ усталости и волненія. Ребята были въ повышенномъ, нервозномъ состояніи. Прислуга ворчала. Однако, оказалось, что все это были пустяки, а главное предстояло впереди. Пришлось приступомъ брать мѣста въ поѣздѣ, растерять часть узловъ и корзинокъ, всю дорогу ругаться съ сосѣдями и вмѣсто двухъ сутокъ ѣхать четверо. Какъ долгую тяжелую болѣзнь, перенесли дорогу и пріѣхали, наконецъ, домой. Мадамъ Перепелкина слегла въ постель, но ребята быстро оправились, и у нихъ началась своя жизнь. Война уже пропитала собой всѣ стороны городской жизни. Городъ стоялъ на пути передвиженія войскъ, былъ биткомъ набитъ военными, запасными, кипѣла военная сутолока въ городскихъ и земскихъ учрежденіяхъ, на площадяхъ и улицахъ. Отодвинулись всѣ другіе интересы. Война, одна война, заполняла все вниманіе людей, мужчинъ и женщинъ, взрослыхъ и дѣтей. Даже семьи жили теперь по-новому; каждый отецъ семейства сдѣлался стратегомъ и дипломатомъ, газета съ военными новостями сдѣлалась столь же необходимой, какъ булка къ чаю. Почти каждый домъ и семья связались кровными нитями съ воюющей арміей: гдѣ сынъ, гдѣ братъ, гдѣ дядя или самъ отецъ ушли на войну. Тревога сдѣлалась общей, общей сдѣлались радость побѣдъ, горе неудачъ, страданіе за павшихъ.

Домъ, гдѣ жили Перепелкины, былъ исключительнымъ въ этомъ отношеніи. Почти изъ каждой квартиры кто-нибудь ушелъ или уходилъ на войну, гдѣ баринъ, гдѣ сынъ старшій, гдѣ мужъ или кумъ кухарки. Флигель былъ отданъ подъ постой запасныхъ. На большомъ дворѣ стояли комплектующіяся въ армію лошади. Все это придавало двору дома характеръ военнаго

лагеря. Многочисленная дѣтвора изъ разныхъ квартиръ, отъ полутемнаго нижняго этажа до мансарды, жила среди этого лагеря въ непрестанномъ общенiи съ солдатами и съ головой уходила въ военные интересы. Всѣ игры у ребятъ носили теперь военный характеръ, на дворѣ шли безконечныя сраженiя, атаки, перемирiя. Солдаты, скучающiе отъ неизвѣстности и ждущiе очередныхъ отправокъ, успѣли сдѣлаться ихъ друзьями и участниками. По вечерамъ отыскивался какой-нибудь бывалый участникъ войны съ японцами и, собравъ многочисленную аудиторiю изъ ребятъ, кухарокъ и горничныхъ, разсказывалъ о своихъ геройскихъ подвигахъ.

— Георгiя имѣю... Вотъ онъ, Георгiй!

Женщины благосклонно и умилительно жались къ герою, а ребята смотрѣли на него съ восхищеннымъ изумленiемъ и почтительностью. Духъ захватывало то отъ страха, то отъ восхищенiя. Нашелся даже такой, который отсиживался въ Портъ-Артурѣ и былъ раненъ, своими глазами видѣлъ, какъ погибъ адмиралъ Макаровъ...

Коля Перепелкинъ и Вася Никоновъ, одноклассники, жившiе въ сосѣднихъ квартирахъ, закадычные прiятели, теперь сдружились еще болѣе. Водой не разольешь! Это были самые воинственные люди на всемъ дворѣ. Они коноводили въ сраженiяхъ, изображая непобѣдимыхъ генераловъ, и частенько увлекались такъ битвой съ врагами, что матери изъ подвальнаго этажа приходили съ жалобами къ родителямъ верхнихъ. Битвы на день-два прекращались. Коля съ Васей начинали ходить на вокзалъ встрѣчать воинскiе поѣзда, раненыхъ и плѣнныхъ. Воинственный духъ получалъ обильную пищу всюду: на улицахъ, на вокзалахъ, на дворѣ и за столомъ, около вечерней лампы, гдѣ сходились члены семьи и знакомые и начинались нескончаемые разговоры и споры на тѣ же темы, о войнѣ, о побѣдахъ, о раз-

ныхъ удивительныхъ случаяхъ. Изъ такихъ случаевъ особенно поразилъ Колю казакъ Крючковъ: одинъ зарубилъ одиннадцать нѣмцевъ, получилъ шестнадцать ранъ и находится въ добромъ здравіи! Когда Коля узналъ объ этомъ героѣ, онъ не вытерпѣлъ, сейчасъ же побѣжалъ къ сосѣду, Васѣ Никонову, и, задыхаясь отъ волненія и радости, спросилъ:

— Читалъ про Крючкова?

— А что?

— Одинъ зарубилъ... одиннадцать нѣмцевъ!

— Врешь?

— Читай самъ! Вотъ здѣсь, въ газетѣ! Шестнадцать ранъ получилъ!

— Умеръ?

— Какое! Живъ!

— Врешь?

— Въ добромъ здравіи! Читай самъ!

— Вотъ такъ здорово! Молодчина!

Весь дворъ на другой день говорилъ о казакѣ Крючковѣ. Солдаты кричали «ура». Мальчишки играли въ Крючкова. Конечно, имъ былъ Коля Перепелкинъ... У него была приготовлена изъ половой щетки казацкая пика, а у Васи не было ея. Кромѣ того, Коля, заведя въ укромный уголокъ товарища, показалъ ему настоящій револьверъ.

— Гдѣ взялъ?—съ завистью спросилъ товарищъ.

— Не выдашь?

— Вотъ дуракъ!

— У отца... Я рѣшилъ ѣхать на войну... Хочешь?

Такъ явилась первая мысль перейти отъ игръ въ войну къ настоящей войнѣ.

Никто не зналъ, что уединявшіеся въ запертой комнатѣ пріятели обсуждали теперь уже серьезный вопросъ о бѣгствѣ изъ родительскаго дома и поступленіи въ дѣй-

ствующую армію добровольцами. Немного жалко было папу съ мамой, но...

— У всякаго есть отецъ съ матерью! Этакъ никому нельзя итти...

— А деньги есть?

— А это видѣлъ?

— Гдѣ досталъ?

— Пять было, а три за книги дали... Восемь!

— Я тоже могу продать...

Все было готово, остановка была за оружіемъ для Васи. Вася бѣгалъ по товарищамъ, по рынку со старьемъ,—нигдѣ не удалось. Рѣшили, что достанутъ т а м ъ...

— У перваго убитаго нѣмца найдемъ все... Солдаты дадутъ...

Сбѣжали вечеромъ, вмѣстѣ съ уходившими съ пѣснями со двора солдатами. Всѣ видѣли, какъ они шли по панели, не отставая отъ отбивающихъ шагъ солдатъ, и такъ же въ тактъ пѣснѣ двигались по направленію къ вокзалу. Много ребятъ со двора провожали своихъ пріятелей на войну, поэтому никто не обратилъ особеннаго вниманія на Колю Перепелкина и Васю Никонова. А между тѣмъ у нихъ все было взвѣшено и обдумано. Пробравшись на запасные пути, гдѣ стоялъ воинскій поѣздъ, они забрались на груженую повозками платформу и залегли подъ брезентомъ, никѣмъ не замѣченные... Здѣсь было тепло и удобно. Размѣстились подъ одной повозкой рядышкомъ; брезентъ покрывалъ ихъ, какъ крыша палатки, нашлось сѣно для подстилки, ранцы были набиты провизіей. Была даже бутылка молока! Долго не отходилъ поѣздъ, и пріятели сидѣли смирно и терпѣливо, не выглядывая и не разговаривая, объясняясь одними жестами. Только бы двинулся поѣздъ! Мимо ходили солдаты, громко переговаривались; иногда казалось, что кто-то говорилъ именно о нихъ,—тогда они

грозили другъ другу кулаками и переставали дышать. О, какъ мучительно было ожиданіе!.. Но вотъ заигралъ сборный рожокъ жалобно такъ и протяжно, словно прощался навсегда съ кѣмъ-то. На одно мгновеніе у Васи явилась мысль о домѣ, о папѣ съ мамой, и захотѣлось соскочить съ платформы и поскорѣе вернуться домой. Не таковъ былъ Николай Перепелкинъ: при грустномъ звукѣ военнаго рожка онъ улыбнулся, снялъ фуражку, перекрестился и произнесъ:

— Ну, слава Богу!

Еще разъ проигралъ военный рожокъ. Толкнулась платформа, пріятели ткнулись головами, и желѣзный лязгъ пробѣжалъ, какъ судорога, по поѣзду. Донеслось громкое «ура», потомъ послышался жалобный вой заголосившей бабы, смѣшавшійся съ свисткомъ локомотива, и поѣхали...

— Ну-съ, а теперь можно покурить!—произнесъ Перепелкинъ довольно громко и вынулъ изъ кармана отцовскій портъ-сигаръ, биткомъ набитый папиросами...—Не угодно ли?

— Развѣ ты куришь?

— Раньше не курилъ, а теперь нельзя... На войнѣ безъ этого нельзя.

Всю ночь ѣхали спокойно, спали. Просыпаясь на рѣдкихъ остановкахъ, выглядывали въ щель на огоньки, слышали, какъ кричатъ «ура» и плачутъ, и снова засыпали. Когда утромъ проснулись, поѣздъ стоялъ у какой-то большой станціи. Очень было интересно, куда пріѣхали, и Вася выглянулъ изъ-подъ отвороченнаго брезента. И этимъ погубилъ все дѣло! У платформы стоялъ смазчикъ съ большимъ чайникомъ, готовясь нагнуться къ колесамъ. Сверкнувшіе подъ брезентомъ глаза Васи заставили смазчика пугливо вздрогнуть и отскочить отъ платформы.

— Кто забился?!

Коля оттянулъ товарища вглубь, сердито ткнулъ его кулакомъ подъ бокъ, но было уже поздно.

— Ребята! Кто у васъ тамъ сидитъ? Не нѣмецъ ли спрятался?

Все пропало! Два солдата и усатый жандармъ подошли къ платформѣ и отвернули брезентъ.

— Вы чего тутъ? А? Ну-ка, вылазьте, господа честные, да пожалуйте къ комендáнту!

Попробовали было объяснить, врали, что имъ кто-то разрѣшилъ ѣхать на войну. Не вѣрили и смѣялись. Повели, какъ воровъ, къ станціи. Было и странно, и обидно, такъ обидно, что на рѣсницахъ Коли дрожали слезинки.

— Откуда вы? Кто такіе?

— Добровольцы!

— Ага! Не о васъ ли, голубчики, сейчасъ только телеграмма получена? Фамилія?

— Перепелкинъ, Николай!

— А ты?

— Никоновъ, Василій!

— Такъ и есть! Арестовать ихъ и отправить съ первымъ поѣздомъ!

Коменданта не было. Пришлось запереть бѣглецовъ въ дежурной комнатѣ. По станціи быстро разнеслась вѣсть о поимкѣ двухъ бѣжавшихъ на войну гимназистовъ, и любопытные стали собираться подъ окномъ дежурной комнаты и показывать пальцами на плѣнниковъ. Они жались въ уголокъ и, поѣдая буттерброды съ огромнымъ аппетитомъ, старались не смотрѣть на окна и другъ на друга. Что тамъ собрались и разсматриваютъ ихъ чрезъ стекла, какъ звѣрей въ клѣткѣ? Коля не вытерпѣлъ: повернулся и показалъ языкъ. Не обидѣлись, только загоготали, и еще больше столпились у окна. Позоръ вмѣсто славы! И все это изъ-за Васьки!

— Оселъ! Зачѣмъ выглядывалъ?—сердито ворчалъ Коля на товарища.

— Не ругайся, пожалуйста, а то я...

Поссорились и не глядѣли другъ на друга. Пришелъ комендантъ. Веселый, довольный и ласковый. Думали,—будетъ бранить, а онъ вошелъ и сказалъ по-военному:

— Здорово, ребята!

Поговорилъ, какъ папа, когда онъ бываетъ добрый, погладилъ по головѣ Колю, а Васю потрепалъ по плечу. Повелъ къ себѣ въ комнату, напоилъ чаемъ и далъ телеграмму родителямъ.

— Надо подрасти! Вамъ рано на войну! Вы ружья не поднимете...

— У меня револьверъ!—признался Коля.

— Ну-ка, дай сюда!

Комендантъ взялъ револьверъ, осмотрѣлъ, покачалъ головой и сталъ разряжать его. Коля, видя явное намѣреніе коменданта отобрать револьверъ, робко признался:

— Вѣдь онъ не мой, а папинъ!

До вечера арестованные сидѣли въ дежурной комнатѣ и мучались неизвѣстностью, что хотятъ и будутъ съ ними дальше дѣлать. Поѣли всю провизію, помирились и обсуждали планъ новаго побѣга изъ-подъ ареста. Было очень страшно возвращаться домой и казалось, что лучше погибнуть... Бѣжать, однако, не удалось: пришелъ поѣздъ, и дежурный жандармъ, войдя въ комнату, строго приказалъ:

— Слѣдуйте за мной, господа добровольцы!

Привелъ въ вагонъ, усадилъ въ служебномъ отдѣленіи и самъ остался. Боже мой, какой позоръ! Пассажиры, заглядывая въ дверку и предполагая, что жандармъ поймалъ какихъ-нибудь воришекъ, злорадно усмѣхались.

— Карманники, что ли?

— Гимназисты! На войну хотѣли!

И всѣ хохотали и опять разсматривали арестованныхъ, трунили надъ ними:

— Герои какіе! Чуть отъ земли видать, а тоже...

На ближайшей остановкѣ появлялся новый жандармъ и садился на мѣсто уходившаго. Такъ было всю дорогу до родного города. Хорошо, что пріѣхали туда ночью, и никто не видалъ, какъ Коля съ Васей шагали, понуря головы, за сердитымъ городовымъ... Вотъ и домъ!.. Въ окнахъ второго этажа—огни. Не спятъ у нихъ...

— А вы шагайте! Впередъ идите!

— Мы сами! Теперь ужъ мы сами можемъ!

— Сами! Такъ я васъ и пустилъ! А потомъ отвѣчай за ваши глупости... Подъ расписку приказано сдать, Драть васъ надо!

Страшно было звонить. Коля чуть-чуть дотронулся до звонка и прямо обмеръ отъ ужаса, когда щелкнула задвижка двери... Отворила Альма Ивановна и радостно закричала на весь домъ:

— Бѣглый привели! Мадамъ!

Въ переднюю вбѣжали братъ и сестры, задыхаясь приплыла мать, выглянулъ изъ кабинета отецъ.

— Коля!

— Примите-ка! Расписочку выдайте, что доставлены оба...

— Я не ихъ, я живу рядомъ!—пискнулъ за спиной будочника готовый расплакаться Вася. Ребята визжали отъ радости, наперебой разспрашивая, видѣли ли нѣмцевъ, убили ли хотя одного непріятеля, страшно ли было и т. д. Мать расплакалась и рылась дрожащей рукой въ кошелькѣ, чтобы дать на-чай будочнику. Только отецъ сурово молчалъ и сверкалъ глазами... Будочникъ

повелъ Васю, чтобы и его сдать подъ расписку и получить на-чай... Появился снова отецъ и строго началъ:

— Какъ ты смѣлъ безъ спроса, безъ моего разрѣшенія взять мой револьверъ?

— Странно! Надо же чѣмъ-нибудь сражаться!.. — отвѣтилъ Коля, пожавъ плечами.

Отецъ хотѣлъ возразить, но не сразу нашелся, и неожиданно гнѣвъ его растаялъ.

А Коля продолжалъ, сдѣлавшись отъ страха храбрымъ:

— Скажешь, что умереть за отечество нехорошо? А что говорилъ тогда? А Крючковъ?..

Коля забрасывалъ отца вопросами, и тотъ начиналъ улыбаться...

— Ну, поди ко мнѣ, защитникъ отечества!.. Я хочу тебя поцѣловать...

— Не пойду! Вы всѣ насмѣхаетесь! А вотъ, если бы меня убили нѣмцы, тогда всѣ вы стали бы меня хвалить!.. И плакать стали бы!.. А теперь браните и насмѣхаетесь...

Долго отецъ и мать ластились къ герою, довольные, гордые втайнѣ, но не могли не улыбаться, слушая эти горячія обличенія. Когда герой, утомленный приключеніями и пережитымъ волненіемъ, уснулъ въ своей кровати, отецъ съ матерью тихо вошли въ комнату и умиленно разсматривали своего Колю.

— Тише! Не буди его!

— А я все-таки поцѣлую его!—прошепталъ отецъ и, приблизившись на цыпочкахъ къ постели, наклонился и осторожно коснулся горячей раскраснѣвшейся щеки мальчика.

— Пойдемъ! Тише!

Они, крадучись, выходили изъ комнаты. Мать отирала слезы...

БЕЗЪ КРЫЛЬЕВЪ.

Любовь прилетѣла на крыльяхъ. Это было такъ необычайно, такъ удивительно красиво, почти какъ въ сказкѣ или греческомъ миѳѣ, пожалуй, больше—какъ въ миѳѣ, ибо происходило на берегахъ Тавриды, тѣсно связанной съ греческой миѳологіей.

Позапрошлое лѣто я гостилъ въ одной милой, радушной семьѣ, имѣющей свою дачу на Бельбекѣ, подъ Севастополемъ. И дача, и семья, и жизнь здѣсь,—все было оригинально и необычно. Дача была начата съ широкимъ размахомъ и художественными замыслами; строилась и украшалась по замысламъ друзей-художниковъ покойнаго владѣльца, фантазера-писателя, безъ участія, впрочемъ, главнаго—архитектора. Вышло что-то среднее между виллой знатнаго римлянина и Бахчисарайскимъ дворцомъ великаго хана Гирея, и то съ одной оговоркою: многое осталось неоконченнымъ и недостроеннымъ, многое успѣло развалиться, ибо никогда не видало ремонта... Въ общемъ, дача милаго семейства теперь напоминала кусочекъ открытой археологами Помпеи. Столовая напоминала атріумъ,—посреди ея былъ бассейнъ съ фонтаномъ; передній фасадъ, обвитый разросшимся виноградомъ, выходилъ своей

колоннадой въ садъ и былъ разукрашенъ не то сфинксами, не то львами; по карнизамъ были расписаны красками картины на миѳологическіе сюжеты, картины поблекшія и полинявшія отъ дождей и времени. Въ густомъ тѣнистомъ саду зрѣли сочные фрукты и бурливо шумѣлъ скакавшій по камнямъ широкій зеленоватый ручей «Бильбекъ», который здѣсь называли почему-то Тибромъ. Дача стояла въ долинѣ межъ горъ, и близкое море было видно только съ верхняго обширнаго балкона, который по планамъ строителей долженъ былъ сдѣлаться воздушнымъ садомъ, но теперь служилъ исключительно для сушки бѣлья и въ дожди протекалъ, огорчая передвигающихъ кровати обитателей нижняго этажа. Были еще двѣ башни съ круглыми окнами, напоминающія огромныя тюремныя камеры, при чемъ въ одной изъ нихъ, обыкновенно, помѣщались гости - мужчины, а въ другой гости - женщины. Широкое радушіе и гостепріимство семьи, богатой теперь молодежью обоего пола, окрашивало лѣтнюю жизнь ея красивымъ и шумнымъ хаосомъ. Дача на Бельбекѣ уподоблялась какому-то страннопріимному дому съ одной, впрочемъ, особенностью: странники и странницы, находившіе пріютъ въ этой Помпейской развалинѣ, всѣ были молоды, веселы и жизнерадостны, какъ и сама благодатная сверкающая природа юга; во всѣхъ душахъ горѣлъ яркій пламень жизни, отражаясь въ глазахъ и на ланитахъ. Много было родныхъ, еще больше полу-родныхъ и знакомыхъ, которые, путешествуя по Крыму, считали необходимымъ заѣхать и погостить на дачѣ на Бельбекѣ. Одни пріѣзжали, другіе уѣзжали; одни чемоданы укладывались, а другіе вносились, и молодое шумное общество непрестанно освѣжалось и обновлялось новыми «загадочными личностями», постоянно пребывая въ какомъ-то повышенномъ настроеніи

отъ неожиданныхъ встрѣчъ и разлукъ, мимолетныхъ душевныхъ касаній, смутныхъ ожиданій и быстрой смѣны разноцвѣтныхъ впечатлѣній. То рано утромъ, когда молодежь, проснувшись, нѣжилась еще въ постеляхъ, то вечеромъ, когда всѣ собирались подъ колоннадой за чайнымъ столомъ,—во дворъ вкатывалась либо парная пролетка, либо линейка подъ зонтикомъ, а то и громоздкая крымская мажара, звенѣли новые голоса, тащили чемоданы, и всѣ вскакивали, чтобы поскорѣе посмотрѣть на новыхъ загадочныхъ личностей, какъ здѣсь называли всѣхъ вновь пріѣзжающихъ. И не безъ основанія: часто знакомые прихватывали съ собою совершенно незнакомыхъ. А, впрочемъ, почему бы всю эту зеленую молодежь не называть «загадочными личностями»? Милые, прекрасные странники и странницы, только что выходящіе въ долгій путь жизни съ радостно-любопытными глазами, съ огромнымъ неистраченнымъ запасомъ жизненной энергіи, съ ненасытною жаждою пить изъ полной чаши жизни, съ чистыми ясными душами, благоухающими, какъ цвѣты, распускающіеся на зарѣ навстрѣчу солнцу восходящему! Развѣ всѣ вы—не таинственные незнакомцы, приходящіе въ жизнь на смѣну уходящимъ?..

Такъ случилось и въ это лѣто. Однажды въ темную-претемную южную ночь съ огромными звѣздами въ темносиней глубинѣ небесъ, съ глубокими вздохами ночного моря, съ таинственными разговорами цикадъ, пріѣхала новая партія знакомыхъ и привезла прекрасную загадочную личность женскаго пола, которую никто изъ наличнаго состава страннопріимнаго дома на Бельбекѣ не видалъ никогда въ жизни.

— А это—Маруся Нечепуренко!—отрекомендовали ее гости хозяйкѣ дачи, доброй и милой женщинѣ, у которой голова шла кругомъ отъ суеты, шума и вѣчной

суматохи. И всѣ, особенно юноши, какъ говорится, глаза разинули: типичная красивая хохлушечка, съ большими пугливыми сѣрыми глазами, застѣнчивая, вспыхивающая огненнымъ румянцемъ, съ своеобразной пѣвучей рѣчью, представлявшей смѣшную помѣсь великорусскаго съ малорусскимъ. Такая миленькая дикарка изъ глухого угла Малороссіи! Только что окончила Черниговскій институтъ благородныхъ дѣвицъ, нигдѣ не была дальше Полтавы, безумно мечтала о морѣ и о какой-то встрѣчѣ съ неизвѣстнымъ еще рыцаремъ, который долженъ былъ похитить ее изъ родного Чернигова... Совсѣмъ растерялась Маруся въ незнакомомъ шумномъ молодомъ обществѣ и все жалась къ своимъ, прячась отъ пытливыхъ взоровъ обезкураженныхъ красотою новой гостьи молодыхъ людей за огромнымъ никелированнымъ самоваромъ. Въ эту же ночь водили Марусю на море, а море было какъ небеса, сверкало звѣздами и медузами и тяжело вздыхало, кидаясь прибоемъ на песчаный пляжъ, гдѣ сидѣла Маруся, обвороженная, подавленная величавой красотой и стихійною силой, вздрагивающая и отодвигавшаяся подальше отъ каждой волны, готовой, казалось, схватить и унести Марусю въ страшныя темносинія пучины безбрежной водяной пустыни.

— Та я жъ, боюсь вашего моря! — шептала Маруся, отодвигаясь за спины смѣющихся надъ ней спутниковъ.

Всю ночь не спала Маруся; страшное море все вздыхало въ ночномъ молчаніи, и все чудилось ей, что огромная волна ползетъ къ постели и вотъ-вотъ схватитъ и унесетъ ее въ пучины морскія. На душѣ было тревожно и радостно: наконецъ-то исполнилась ея мечта: увидала море! Скоро исполнится и другая мечта: никогда не видала Маруся, какъ летаютъ люди на аэропланахъ, видѣла только на картинкахъ. А здѣсь, говорятъ, ка-

ждый день летаютъ эти удивительныя птицы, и никто имъ не удивляется.

— Неужели вы никогда не видали?

— Такъ что жъ можно узнать у насъ въ Черниговѣ!

Приглядѣлись немного другъ къ другу, Маруся перестала бояться, прятаться и отмалчиваться. Дня черезъ три-четыре къ ней вернулась обычная непосредственность и веселость, дѣтская довѣрчивость къ окружающимъ, словоохотливость и пѣвучая хохлатская болтливость, полная неожиданныхъ сравненій, поговорокъ и междометій. Нечего и говорить, что Маруся сразу замутила нѣсколько юныхъ сердецъ. Не одинъ странникъ, стягивавшій ремни своего чемодана для дальнѣйшаго путешествія, откладывалъ свой отъѣздъ до завтра или опаздывалъ на поѣздъ и возвращался, всѣми силами оттягивая разлуку съ Марусей, неожиданно встрѣченной имъ на Бельбекѣ странницей.

Всю недѣлю дули вѣтры, и потому не появлялись пролетавшія обыкновенно изъ Севастополя или въ Севастополь бѣлыя птицы, аэропланы. А потомъ вѣтеръ стихъ и случилось то, что было похоже на внезапно ожившій погребенный въ вѣкахъ греческій миѳъ...

Дѣло было подъ вечеръ. Прятавшаяся отъ дневной жары молодежь понемногу выползала изъ Помпейскихъ развалинъ на балконы, кто съ книгой, кто съ вышивкой, кто съ одной тайной мыслью—увидать Марусю. Верхній балконъ, представлявшій изъ себя плоскую крышу нижняго, служилъ теперь какъ бы сборнымъ пунктомъ, ибо сюда были двери изъ обѣихъ башенъ, мужской и женской. Внизу звенѣла чайная посуда,—собирались пить чай, а наверху звенѣли дѣвичьи голоса. Самый звонкій и задорный голосъ былъ Марусинъ. Ахъ, какой голосъ былъ у Маруси! Не голосъ, а прямо музыка, да какая музыка! Эта музыка летала по всему саду, какъ волтор-

на, и заставляла тревожно настораживаться даже студента Антонова, который, казалось, ничего, кромѣ математики, не признавалъ, и даже въ Крыму, на Бельбекской дачѣ, не находилъ лучшаго времяпрепровожденія, какъ сидѣть въ тѣни, у гремящаго зеленаго потока, съ лекціями по интегральному счисленію... Долетѣлъ Марусинъ голосъ до математика и, насторожившись, онъ опустилъ тетрадь на колѣни. Въ душѣ шевельнулась радостная тревога, онъ всталъ, сладко потянулся и побрелъ къ Помпейскимъ развалинамъ... Конечно, и Антоновъ направился на верхній балконъ, откуда неслась пѣвучая рѣчь Маруси. Всѣ были въ сборѣ, когда внезапно раздался характерный шумъ летящаго аэроплана.

— Маруся изъ Чернигова! Слышите?

— Такъ то жъ автомобиль!

— Да нѣтъ же, это—аэропланъ!

Надо было видѣть Марусю въ этотъ моментъ! Она впервые увидала въ небесныхъ высотахъ плавно летящаго бѣлаго лебедя, закричала отъ радости, простерла руки къ небесамъ и разсыпалась цѣлымъ градомъ смѣшныхъ словъ и выраженій! Дружно засмѣялись всѣ надъ дѣтской непосредственностью миленькой дѣвушки изъ Чернигова, которая подпрыгивала и, казалось, хотѣла полетѣть слѣдомъ за исчезавшимъ въ голубыхъ туманахъ лебедемъ.

— Улетѣлъ!—шептала Маруся, готовая расплакаться, но скоро снова донесся шумъ пропеллера, и снова появился на небѣ бѣлый лебедь. Теперь онъ летѣлъ значительно ниже и, давая широкій плавный кругъ, казалось, намѣревался опуститься на землю. Послѣ второго круга лебедь пошелъ такъ низко, что можно было видѣть и самого летчика, одѣтаго въ военную форму. Маруся пришла въ такой восторгъ, что стала кричать, махая платкомъ летчику:

— Къ намъ! Къ намъ!

— Господа! А вѣдь что-то случилось... Опускается...

Лебедь сдѣлалъ еще кругъ, и вдругъ шумъ пропеллера прекратился. Былъ моментъ, когда всѣ смолкли и шарахнулись къ дверямъ: аэропланъ плылъ надъ балкономъ такъ низко, что всѣмъ показалось, что онъ неминуемо долженъ удариться лѣвымъ крыломъ въ башню. На мгновеніе всѣ замерли и сжались отъ ужаса. Но несчастія не случилось: лебедь проплылъ и, быстро понижаясь, пропалъ за горой, отдѣляющей дачу отъ моря...

— Упалъ! Упалъ!—закричала Маруся и, закрывъ лицо обѣими руками, заплакала.

— Нѣтъ! Не упалъ! Это такъ кажется...

— Онъ опустился. Это несомнѣнно...

— Идемъ, господа!..

Всѣ бросились съ балкона, толкаясь на узкой лѣстницѣ, взбудораженные, взволнованные необычайнымъ событіемъ, испуганные за участь летчика. Маруся почти бѣжала и, отирая слезы, смѣшно причитала уже на чистомъ малорусскомъ языкѣ, какъ простая деревенская дѣвушка.

Быстро пробѣжали дворъ, высыпались за ворота и, какъ козы, запрыгали по камнямъ и отрогамъ на гору. Маруся впереди всѣхъ. Радостный крикъ ея возвѣстилъ о благополучномъ исходѣ паденія. На опускавшемся къ морю плоскогоріи, какъ на огромномъ коврѣ блеклозеленаго цвѣта, рѣзко бѣлѣлъ крыльями аэропланъ, а около него стоялъ летчикъ, фигура котораго казалась вырѣзанной на синемъ фонѣ тихаго моря. На усѣянной камнями и поросшей чахлой зеленцой равнинѣ лежали розовые отсвѣты вечерней зари, море сверкало радостными улыбками, пахло соленой сыростью и іодомъ и въ

тихомъ ласковомъ прибоѣ такъ звонко и красиво звучалъ хоръ молодыхъ голосовъ. Подошли къ бѣлому лебедю и хороводомъ окружили летчика, молодого, красиваго и стройнаго офицера, закидывая его заботливыми вопросами и вниманіемъ. Маруся стояла ближе другихъ и восторженно-удивленными любопытными глазами съ благоговѣніемъ смотрѣла на смѣлаго красиваго человѣка, который только что леталъ подъ облаками и теперь сѣлъ на землю. Летчикъ сразу выдѣлилъ Марусю изъ всего молодого хоровода и, отвѣчая на вопросы, которыми его закидывали, обращался больше въ ея сторону, хотя она не разспрашивала, а только благоговѣйно смотрѣла большими сѣрыми глазами. Всѣ перезнакомились, начали разсматривать птицу и слушать объясненія летчика. Испортилась передача бензина, и летѣть нельзя.

— Какъ же быть? Что вы будете теперь дѣлать?

— Вызову механика изъ Севастополя. Гдѣ тутъ есть телефонъ?

— Есть! У насъ есть! — радостно закричалъ хоръ голосовъ.

— Отлично. Я пойду съ вами...

Оставили птицу подъ присмотромъ математика Антонова и всѣ шумной, веселой толпой двинулись къ дачѣ. О, какъ все это было любопытно! Маруся дрожала отъ неожиданной радости, которая бурлила въ ней, выливаясь смѣхомъ и пѣвучестью голоса. Какое счастье! Не только увидала, какъ летаютъ люди, а даже познакомилась и шла теперь рядомъ съ однимъ изъ такихъ смѣлыхъ удивительныхъ людей! Такой интересный и красивый! Даже неловко смотрѣть: щеки вспыхиваютъ, и горитъ шея... и уши! Затащили летчика къ себѣ на дачу и, пока не пріѣхалъ механикъ, поили его чаемъ, уха-

живали за нимъ наперебой и слушали его разсказы изъ жизни летающихъ людей. Маруся не сводила глазъ съ отважнаго человѣка, но словно боялась, пугливо прячась за спины другихъ дѣвушекъ и выглядывая оттуда огромными глазами. Потомъ она убѣжала въ садъ и вернулась, пряча за спиною пышную пунцовую розу. Когда пріѣхалъ на автомобилѣ механикъ, всѣ отправились къ аэроплану и толклись около. Ну, вотъ и кончено:

— Готово!

Стали прощаться. Какъ старые давніе знакомые. Летчикъ взобрался уже на свое сѣдло, а механикъ возился около пропеллера.

— Кто со мной?—шутливо спросилъ летчикъ и встрѣтился глазами съ Марусей.

Было замѣтно, какъ Маруся, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, рванулась, было, впередъ, но сейчасъ же остановилась, опустивъ глаза въ землю.

— Маруся! Что же вы? Садитесь!—ревниво сказалъ Антоновъ, и всѣ расхохотались, видя страхъ и ужасъ на лицѣ дѣвушки.

— Та яжъ боюсь!..—пропѣла Маруся, краснѣя до ушей.

Завертѣлся и засвистѣлъ пропеллеръ, шевельнулся бѣлый лебедь. Маруся протянула розу летчику, тотъ благодарно улыбнулся, сдѣлалъ попытку взять, но не успѣлъ: бѣлая птица побѣжала по землѣ все быстрѣе и быстрѣе, потомъ снялась и начала подниматься...

— Улетѣлъ!—прошептала Маруся, опуская руку съ цвѣткомъ.

Всѣ долго стояли, наблюдая за взвивавшимся къ небесамъ лебедемъ, и потомъ тихо пошли обратно, дѣлясь своими впечатлѣніями. Только Маруся поминутно пріостанавливалась и искала въ синихъ небесахъ глухо шумѣвшую гдѣ-то далеко подъ небомъ птицу...

Не знаю, какъ было дальше, и какъ все это вышло. Вскорѣ послѣ этого событія на Бельбекѣ я уѣхалъ изъ Крыма и, конечно, быстро забылъ за суетою жизни всю эту исторію и даже самоё Марусю. Зимой, повстрѣчавъ на Невскомъ студента Антонова, разомъ вспомнилъ Крымъ, Помпейскія развалины, сѣроокую красивую хохлушку Марусю и происшествіе съ бѣлой птицею. Вспомнилъ, почувствовалъ нѣкоторую грусть отъ рѣзко и красочно сверкнувшаго въ сумрачномъ столичномъ настроеніи воспоминанія о южномъ солнцѣ, морѣ и радостныхъ молодыхъ странникахъ и странницахъ жизни, задержалъ протянутую руку сгорбившагося отъ вѣтра и холода Антонова и сказалъ:

— А помните Марусю изъ Чернигова?

Антоновъ немного смутился, но быстро оправился и сказалъ:

— Замужъ она вышла.

— Неужели? Кто же сей счастливецъ?

— А помните случай съ аэропланомъ? За того самаго летчика!

— Какимъ же это образомъ?

Мимо шла хмурая торопливая толпа столичныхъ жителей, толкала насъ со всѣхъ сторонъ, и сами мы чувствовали, что нарушаемъ правильность движенія, стоя посреди панели. Наскоро пожали другъ другу руки и разошлись въ разныя стороны, слившись съ хмурымъ дѣловымъ потокомъ столичной публики... Я двигался машинально, натыкаясь на встрѣчныхъ, и не могъ сдерживать улыбки, удивляя своей неумѣстной веселостью дѣловой и хмурый народъ. Маруся изъ Чернигова вышла замужъ за того прилетѣвшаго съ голубыхъ небесъ красиваго человѣка! Какъ все это странно, неожиданно и красиво! Любовь прилетѣла на крыльяхъ. Развѣ все это не похоже на сказку, на миѳъ? Въ головѣ вертѣлся

миѳъ объ Амурѣ и Психеѣ, и было такъ радостно и весело на душѣ въ этотъ сѣрый, туманный и холодный день: предъ глазами стояла сѣроглазая Маруся съ смущеннымъ лицомъ и розою въ рукѣ, и бѣжалъ къ морю бѣлый лебедь, и все слышался грустный дѣвичій шопотъ:

— Улетѣлъ!

Не улетѣлъ-таки отъ Маруси изъ Чернигова! Да, бѣдный математикъ Антоновъ, жила-была Маруся Нечепуренко и нѣтъ ея! Теперь она на седьмыхъ небесахъ отъ счастья. Рѣшилась или нѣтъ она, Маруся, полетать съ своимъ возлюбленнымъ? Не знаю, почему вся эта исторія крѣпко засѣла въ моей душѣ и памяти, и меня не покидало желаніе, если не увидать, то хотя подробнѣе узнать о Маруси, объ ея счастіи, о любви, которая началась такъ необычно, странно и красиво. Какъ-то въ ту же зиму я столкнулся на концертѣ Шаляпина съ группой восторженно-неиствовавшихъ дѣвушекъ, повидимому, курсистокъ, сталъ къ нимъ приглядываться, и мнѣ показалось, что двухъ изъ нихъ я гдѣ-то когда-то встрѣчалъ. Тщетно ломалъ голову: гдѣ и когда? Но вотъ услыхалъ малорусскій акцентъ въ говорѣ и сразу вспомнилъ: Ба! Да вѣдь именно эти двѣ дѣвицы привезли тогда на Бельбекъ новую «загадочную личность» женскаго пола, Марусю изъ Чернигова! Вотъ теперь-то ужъ я узнаю всѣ подробности! Я не ошибся: оказалось, что дѣвушки меня давно узнали, но имъ показалось, что я не хочу узнавать ихъ. Самолюбивыя и гордыя. А теперь обрадовались и стали весело наперебой разсказывать мнѣ про Марусю. Въ десятиминутный антрактъ я узналъ про Марусю все, что хотѣлось узнать. Любовь, такъ странно начавшаяся, обѣщавшая счастливую и красивую жизнь, оказалась одной сплошной мукой. Любятъ оба другъ друга, какъ Ромео и Джульетта, и все время

терзаютъ и мучаютъ одинъ другого. Уже два раза расходились и снова сходились. Сейчасъ живутъ вмѣстѣ и снова терзаютъ другъ друга.

— Почему? Что мѣшаетъ ихъ счастію? Ревность?

— Нѣтъ, нѣтъ... Они не могутъ измѣнить другъ другу!— въ одинъ голосъ запротестовали дѣвушки.

— Такъ въ чемъ же дѣло?

Дѣло оказалось непоправимымъ. Маруся требуетъ отъ возлюбленнаго, чтобы тотъ бросилъ свою страшную профессію, не леталъ, потому что она живетъ въ вѣчномъ страхѣ и ужасѣ отъ тяжелыхъ ожиданій и предчувствій. Это не жизнь, а вѣчная мука. Если онъ ее любитъ, онъ долженъ понять, долженъ пощадить, долженъ поберечь свою Марусю. И развѣ не лучше жить на хуторѣ въ Черниговской губерніи маленькимъ помѣщикомъ? Марусѣ досталось маленькое, но благоустроенное имѣньице послѣ матери, и Марусѣ такъ хотѣлось бы спрятать тамъ свое счастье и свою нѣжную и пылкую любовь къ молодому мужу, который сдѣлался уже отцомъ и все-таки не соглашался разстаться съ бѣлымъ лебедемъ, на которомъ леталъ и которымъ безжалостно мучилъ бѣдную Марусю. Маруся такъ любитъ свой вишневый садъ, и свою рѣчку, и лошадокъ, и коровушку, и курочекъ-хохлатокъ, и никакъ не можетъ понять, какъ можно все это, а главное—ее, Марусю, у которой онъ цѣлуетъ ноги и плачетъ, расточая клятвы въ безграничной любви и вымаливая прощеніе за свою жестокость, какъ можно промѣнять на бѣлую страшную птицу, вѣчно носящую въ себѣ угрозу жизни и конецъ счастью? Нѣтъ, Маруся не можетъ понять и никогда не пойметъ этого. Нельзя понять! Мужъ сдѣлалъ Марусѣ уступку—перевелся изъ Севастополя въ Кіевъ, чтобы быть поближе къ хутору и чаще видѣться съ Марусей

и ребенкомъ. Но развѣ это мѣняетъ дѣло? Нѣтъ, нѣтъ! Конечно, онъ мало любитъ Марусю... и сѣроглазаго красиваго мальчика съ вьющимися волосиками на головѣ, который такъ страшно похожъ на Марусю!

Вихремъ налетѣла страшная война. Неисчислимыми массами двинулись къ границамъ защитники родины и, снявшись, туда же, на западъ, направили свой полетъ вереницы бѣлыхъ лебедей. И съ однимъ изъ такихъ лебедей улетѣлъ туда возлюбленный бѣдной Маруси, покинувъ и ее, и сѣроглазаго кудряваго ребенка... Не про нее ли, про Марусю, пишутъ теперь:

Въ тылу арміи появилась молодая женщина, жена летчика, и тщетно ищетъ своего мужа, разспрашивая солдатъ и офицеровъ. Не ей ли сказали, что, полетѣвъ на разведки, бѣлый лебедь скрылся за лѣсомъ и болѣе уже не возвращался? Не она ли, бѣдная Маруся, по цѣлымъ часамъ неподвижно смотритъ на западъ, въ синюю мглу осеннихъ небесъ, и со слезами въ глазахъ шепчетъ:

— Улетѣлъ... О, если бы крылья! Если бы крылья!..

ДЯДЯ АЛЕША.

Каждый день почтальонъ приносилъ письма и газеты, члены семьи набрасывались на почтальона, какъ грабители, рвали изъ его рукъ почту и по конвертамъ, не распечатывая писемъ, отыскивали среди нихъ знакомый почеркъ дяди Алеши. Нѣтъ! Опять нѣтъ... И души ихъ омрачались тревогою. Начинали подбадривать сами себя: въ походахъ и бояхъ не до писемъ, оборвалось правильное почтовое сообщеніе, ушли куда-нибудь въ деревню, свернули въ сторону, наступаютъ или отступаютъ. Какія же тутъ письма?

Такъ шли дни за днями. Тревога въ домѣ росла. Всѣ ее чувствовали, но тщательно скрывали другъ отъ друга. Особенно тревожно, даже страшно, бывало по утрамъ за чайнымъ столомъ, когда подавали газету. Всѣ разомъ стихали, словно въ комнату входилъ кто-то значительный, отъ котораго зависѣла судьба дяди Алеши. Словно являлся вѣстникъ съ войны, который сейчасъ объявитъ всю правду. Старушка, Алешина мать, сжималась отъ ужаса и торопливо выходила въ другую комнату: сейчасъ начнутъ читать списокъ убитыхъ офицеровъ и въ числѣ ихъ найдутъ ея младшаго любимаго бѣднаго Алешеньку! Всѣхъ храбрѣе въ данномъ случаѣ

оказывались дѣти, многочисленные племянники и племянницы дяди Алеши торопившіеся въ гимназіи на уроки, но не желавшіе уходить, прежде чѣмъ не убѣдятся, что въ новомъ спискѣ убитыхъ и раненыхъ нѣтъ дяди Алеши.

— Списокъ есть?

— Есть!

— Читай вслухъ!

— Нѣтъ, нѣтъ... Не надо вслухъ... Бабушка услышитъ.

Отецъ, братъ дяди Алеши, тоже боялся читать эти списки и потому не претендовалъ теперь на первенство, и газета поступала въ распоряженіе ребятъ.

— Не здѣсь! Идите въ гостиную и тамъ!..

Ребята бросались въ гостиную, кидались въ кучу на диванъ, и завладѣвшій газетою начиналъ вполголоса чтеніе списка. Когда кончали убитыхъ, кто-нибудь изъ дѣвочекъ, подбѣжавъ къ дверямъ въ столовую, громко и радостно, чтобы было слышно спрятавшейся бабусѣ, произносилъ:

— Слава Богу! Въ спискѣ убитыхъ дяди Алеши нѣтъ!

Ну, а это ребятамъ казалось самымъ главнымъ. Раненыхъ читали уже громко, потому что считали ихъ счастливыми. И всѣмъ очень хотѣлось, чтобы дядя Алеша попалъ именно въ этотъ списокъ. Чтеніе кончалось шумно: всѣ бѣжали въ столовую и хоромъ кричали:

— Дяди Алеши нѣтъ! Не убитъ и не раненъ!

А затѣмъ торопливо подхватывали книги въ ремняхъ и разбѣгались до обѣда.

Шли дни за днями. Нѣтъ писемъ! А газеты полны описаніями боевъ, геройскихъ подвиговъ, страшныхъ подробностей. Тревога начинала переходить въ молчаливую увѣренность, что дядя Алеша убитъ... Страш-

ные сны снились людямъ, большимъ и маленькимъ, по ночамъ. Старушка выходила изъ своей комнаты все рѣже; иногда случайно заглядывалъ къ бабусѣ внукъ или внучка, заставалъ ее на колѣняхъ передъ образомъ и, притворивъ тихо дверь, шепталъ:

— Бабуся молится...

И слезки сверкали на глазахъ готоваго расплакаться подростка: конечно, бабуся молится за дядю Алешу!..

Какъ-то ночью, когда въ домѣ не успѣли еще хорошенько разоспаться, громко и тревожно задребезжалъ электрическій звонокъ; всѣ очнулись отъ сладкой дремы и всѣ сразу вспомнили про дядю Алешу. Что-нибудь случилось... Сразу пропалъ сонъ, и все въ домѣ зашевелилось. Зашлепала туфлями бабуся, затопали босыя ребячьи ноги жесткими пятками по паркету, заговорили гдѣ-то дѣвочки съ матерью...

— Телеграмма!—сказала горничная гдѣ-то, и всѣ бросились въ столовую, большіе прикрывшись одѣялами, а ребята въ однихъ рубашонкахъ. Дѣвочки дрожали голенькими плечиками и жались, какъ въ лихорадкѣ, мальчики стыдились и возили за собой по полу одѣяла.... Отецъ держалъ въ рукахъ телеграмму и разсматривалъ ее, словно боялся распечатать.

— Папа! Скорѣй же! Это отъ дяди Алеши!

Отецъ дрожащими руками развернулъ, прочиталъ молча и, облегченно вздохнувъ, сказалъ:

— Раненъ въ руку!

Всѣ тоже облегченно вздохнули. Бабуся перекрестилась и расплакалась, а ребята закричали «ура» и съ радостнымъ смѣхомъ стали утѣшать бабушку:

— Скажи—слава Богу, а ты плачешь! Вѣдь, не убили! Самый счастливый!

Ребята взбудоражились и не могли спать. Не спали и большіе. То вздохъ, то шопоты слышались въ темнотѣ,

то смѣхъ изъ дѣтскихъ. О, тамъ, въ дѣтскихъ, давно уже не бывало такой радости и возбужденія! Дядя Алеша писалъ въ телеграммѣ, что, подлѣчившись, онъ пріѣдетъ къ нимъ до полнаго выздоровленія и обратной поѣздки въ армію. Ребята были въ восторгѣ. Дядя Алеша сражался съ нѣмцами, онъ очень храбрый, навѣрно убилъ много непріятелей...И вотъ сколько онъ имъ разскажетъ страшнаго и интереснаго!

— Дядя Алеша герой! Навѣрное, ему дадутъ Георгія!

— Опять поѣдетъ сражаться. Онъ храбрый!

Дѣвочки были недовольны однимъ: дядя Алеша уже сражался, его ранили и кончено: зачѣмъ ѣхать опять? Его счастье, что не убили, а поѣдетъ опять и могутъ убить...

Въ гимназіи пришли сонными, но гордыми:

— Что опоздалъ?

— У насъ дядю ранили!

— Какого дядю?

— На войнѣ. Нѣмцы!

— Да, вѣдь, дядя-то на войнѣ, а ты дома!

— Телеграмма пришла, и всю ночь не спали...

Домъ ожилъ. Перестали шептаться и ходить на цыпочкахъ. Бабуся перестала прятаться въ своей комнатѣ и все ходила по церквамъ, служила молебны, панихиды и вынимала части, возвращаясь съ просфорами. Стали переписываться съ Алешей и съ нетерпѣніемъ ждать его къ себѣ на поправку. Теперь опять разрасталась тревога, но она была радостная и нетерпѣливая, непохожая на ту, которую пережили. Ребята готовили торжественную встрѣчу дядѣ Алеши, подарки ему: кто цвѣты, кто сладкаго, кто образокъ въ футлярѣ изъ шелка. Спорили о томъ, какую комнату уступить Алешѣ. Всѣмъ хотѣлось, чтобы дядя Алеша спалъ рядышкомъ.

О, теперь здѣсь любили дядю Алешу въ десять разъ больше, чѣмъ раньше! Теперь здѣсь гордились дядей Алешей!

Ждали, что получатъ отъ дяди Алеши телеграмму о выѣздѣ, а онъ взялъ да и пріѣхалъ безъ всякой телеграммы. Пріѣхалъ рано утромъ, когда ребята еще валялись въ постеляхъ. Было воскресенье, въ гимназію итти было не нужно, и потому можно было поваляться и понѣжиться. Въ столовой уже звенѣли чайной посудой, и слышалось бормотаніе, похожее на чтеніе въ церкви: то отецъ читалъ бабусѣ телеграммы и стратегическія статьи военныхъ обозрѣвателей. Никто не слыхалъ звонка и не подозрѣвалъ, что горничная помогаетъ дядѣ Алешѣ стянуть рукавъ шинели съ больной руки. Горничная, улыбаясь, вошла въ дѣтскую и объявила:

— Вставайте, дядя пріѣхалъ, а вы...

— Врешь!

Но въ переднихъ комнатахъ уже шла суматоха: тамъ цѣловались, смѣялись, вообще чувствовалось нѣчто необычайное. Въ хорѣ голосовъ звучалъ новый басистый голосъ, который заставилъ ребятъ притихнуть, послушать и, спрыгнувъ съ кроватей, бѣжать къ дверямъ столовой. Заглянули и закричали:

— Дядя Алеша! Дядя Алеша!

И радостный ребячій гомонъ зазвенѣлъ на всѣ комнаты.

— Иди къ намъ! Сюда! Дядя Алеша! Ура! Сколько убилъ нѣмцевъ?

— Одного!

— Только-то?

Выскочили было въ столовую, но мать погнала:

— Одѣньтесь и умойтесь сперва!

Одѣваться и умываться! Никогда еще это занятіе не казалось такимъ скучнымъ и ненужнымъ, какъ те-

перь, въ это утро. Особенно чистить зубы! «Вотъ ерунда!..»

Дѣвочки торопливо натягивали и застегивали не на всѣ пуговицы башмаки, гнали мальчиковъ отъ умывальника, причесывались и старались понравиться дядѣ-Алешѣ, о чемъ мальчики совершенно не думали и бросали презрительно сестрамъ:

— Эхъ, вы, кокетки! А башмаки разстегнуты!

Спустя десять минутъ произошло нападеніе, да,— цѣлое нападеніе на дядю Алешу!.. Чуть не драка! Всѣмъ хотѣлось завладѣть исключительнымъ вниманіемъ храбраго дяди Алеши! Дядѣ не давали говорить съ бабусей, съ братомъ, съ невѣсткой, засыпали поцѣлуями и вопросами, подарками, улыбками и такимъ счастливымъ свѣтлымъ и звонкимъ смѣхомъ, что хотѣлось заплакать отъ радости...

— Покажи руку, гдѣ ранили!

— Чѣмъ? Штыкомъ или пулей?

— Разскажи, какъ было? А почему рука не привязана? У другихъ привязана...

— Зажила ужъ...

— Э! Значитъ, чуть-чуть?

Обступили вплотную, младшіе забрались на колѣни, обнимали теплыми ручками загрубѣвшую шею воина, гладили по головѣ, мусолили щеки. А бабуся все ходила около и посматривала на любимаго сына, все какъ-то не вѣрила, что это—онъ, что все это происходитъ наяву, а не во снѣ. Посматривала и отирала платочкомъ слезы. А мальчишки смѣялись надъ бабушкой:

— И дядя Алеша пріѣхалъ, а ты все плачешь!

Совсѣмъ размякъ дядя Алеша. Отвыкъ отъ ласкъ и радости, отвыкъ отъ безпечной и радостной ребячьей болтовни. Послѣ грома орудій, свиста шрапнелей и визга пуль, послѣ криковъ и стоновъ, непрерывно стояв-

шихъ въ ушахъ, эти звонкіе ребячьи голоса и ласки были такъ трогательны! Словно, послѣ долгой зимней стужи, пришла весна, засіяло солнышко на небѣ, пригрѣло щеки и душу, и первый скворчикъ запѣлъ у мокрой скворечницы, на голой еще ветлѣ.

— Ахъ, ребята, ребята!

— Ты что? И ты плачешь? Радъ, что не убили?

— Оставьте дядю! Дайте ему выпить чаю, посидѣть, отдохнуть!

— Иди на мою постель, дядя Алеша!

— На мою! У меня длиннѣе! На Володькиной не уляжешься!

— Нѣтъ, уляжется! У меня тюфякъ новый, а у тебя съ шишками!

— Я пойду къ... бабусѣ!

Стихло. Дядя Алеша отдыхаетъ. Весь домъ притихъ. Точно прислушивается къ общей тихой радости. Залаялъ было гдѣ-то маленькій шустрый фоксикъ, но пискнулъ и пересталъ, и чей-то шопотъ сказалъ:

— Муракъ! Дядя Алеша спитъ, онъ раненый, а ты лаешь!

Дядя Алеша слышитъ этотъ шопотъ. Онъ закрылъ глаза и счастливо улыбается. Боже, какъ хорошо дома! Кажется, что все пережитое было сномъ, далекимъ и страшнымъ сномъ!

Тихо отворяется дверь.

— Вы, мама?

— Не спишь... Ну, а какъ тотъ, молоденькій, съ которымъ ты тогда поѣхалъ на войну?

— Подпоручикъ Саладинъ?.. Гм... Убитъ. Въ первомъ бою...

— Совсѣмъ мальчикъ... Царство ему небесное! — шепчетъ старушка, поправляя огонекъ мерцающей передъ образомъ лампадки...

Окончательно завладѣли ребята дядей Алешей. Каждый день разсматриваютъ его раненую руку, заставляютъ разсказывать, какъ онъ убилъ нѣмца, какъ сражаются, какъ роютъ окопы и какъ устроенъ пулеметъ. Требуютъ геройскихъ столкновеній, самыхъ страшныхъ положеній и шумно радуются, когда разсказъ кончается пораженіемъ непріятеля. Такіе добрые, ласковые, чистые, но какіе жестокіе враги!

— Что жъ ты, одного только нѣмца убилъ? За это не дадутъ тебѣ Георгія! Вотъ казакъ Крючковъ: одинъ убилъ одиннадцать нѣмцевъ! Видѣлъ Крючкова?

— Нѣтъ.

— А мы видѣли!.. Въ кинематографѣ! Молодчина! Какъ онъ ихъ! Понимаешь, они ѣдутъ...

Ребятамъ хотѣлось бы побольше геройства отъ дяди Алеши. Вотъ, если бы онъ былъ въ родѣ Крючкова!

Какъ-то потащили дядю въ кинематографъ: нельзя не сходить—сегодня послѣдній разъ показываютъ Крючкова! Идутъ вечеромъ по улицамъ. На дядю Алешу посматриваютъ, военные отдаютъ ему честь! Онъ все-таки храбрый: былъ уже на войнѣ съ японцами и носитъ шашку съ красной лентой! Все-таки такимъ дядей можно гордиться! Тогда онъ былъ контуженъ, а теперь раненъ. Чего же больше? Младшій племянникъ, самый воинственный, досадуетъ: рука у дяди Алеши уже зажила, не на привязи, и никто не видитъ, что дядя Алеша раненый... Мало обращаютъ на нихъ вниманія. Обидно. Подходятъ къ кинематографу, и младшій племянникъ тихо совѣтуетъ дядѣ:

— Дядя Алеша! А ты хромай!

— Хромать? Зачѣмъ хромать?

— Все равно, вѣдь, ты раненый, а не простой...

Дядя Алеша и всѣ братья и сестры начинаютъ весело хохотать.

— Однако, ты хитрый!..

Успѣвшій за полтора мѣсяца на войнѣ одичать, дядя Алеша сдружился теперь съ ребятами, словно и самъ превратился въ мальчика, и только въ обществѣ племянниковъ и племянницъ находилъ теперь радость и отдыхъ. Послѣ обѣда, обыкновенно, дядя залегалъ на диванѣ, огромномъ, мягкомъ, удобномъ диванѣ, а дѣтвора облѣпляла его отъ головы до пятъ, борясь между собою за мѣсто поближе къ головѣ, чтобы лучше слышать и видѣть лицо дяди Алеши, разсказывающаго интересное и страшное. Все было уже разсказано, а ребята требовали. Иногда приходилось сочинять и придумывать. Когда фантазія работала плохо, и дядя мямлилъ и отказывался, всѣ требовали въ десятый разъ разсказать про то, какъ дядя Алеша убилъ нѣмца...

Быстро и незамѣтно пролетѣли три дня, прожитые дядей Алешей въ родномъ домѣ. Точно одинъ день, только длинный. Пришелъ противный вторникъ, день отъѣзда дяди Алеши. Въ гимназію не пошли. Весь день жались и ластились къ дядѣ Алешѣ, и въ домѣ снова сдѣлалось тихо-тихо, словно кто-то хворалъ. Всѣ были грустные, а дядя старался шутить и смѣяться, но было видно, что дядя Алеша прячетъ за шутками тревожныя и печальныя мысли. Онъ укладывалъ свой чемоданчикъ, грустно бунчалъ что-то, а ребята грустно смотрѣли на дядю и думали: «Можетъ быть, никогда уже не увидятъ больше милаго храбраго дядю Алешу»... Старушка бродила, какъ тѣнь, по комнатамъ и все припоминала что-то нужное и важное, что нужно сказать и сдѣлать. Тихо и мѣрно выстукивали часы въ столовой и, когда начинали бить, всѣ начинали тайно считать тяжелые удары... Все меньше оставалось до отъѣзда... и все тише дѣлалось въ комнатахъ. Послали за извозчикомъ, а дѣтвора съ отцомъ и матерью, простившись съ дядей Алешей

дома, рѣшили ѣхать провожать его на трамваѣ. Старушка не могла ѣхать: дрожали ноги, кружилась голова, что-то неладное дѣлалось въ сердцѣ.

— Ну, мама... Пора ѣхать...

Мать перекрестила сына, упала ему на грудь и долго не могла оторваться.

— Мама! Не надо, милая, плакать... Не надо! — шепталъ дядя Алеша, а у самого прыгали изъ глазъ на сѣдую голову матери крупныя слезы...

Сѣлъ на извозчика и посмотрѣлъ на домъ, который покидалъ... можетъ быть, навсегда... Заныло сердце. Смахнулъ слезу, поправилъ фуражку и шашку, запахнулся и сказалъ:

— Гони лошадь! Опоздаемъ на поѣздъ!

Уѣхалъ дядя Алеша! Погасли огни въ окнахъ, стихли и замолчали всѣ комнаты. Только часы въ столовой мѣрно отбивали удары маятникомъ, напоминая о быстротечности человѣческой жизни. Изъ полуоткрытой двери бабусиной комнаты выливался красноватый отблескъ горящей лампадки. Бабуся лежала въ постели. Она уже перестала плакать и молиться. Не вѣрилось, что милый бѣдный Алешенька часъ тому назадъ былъ здѣсь, въ этихъ угрюмыхъ, молчаливыхъ комнатахъ. Словно сонъ приснился, а наяву ничего не было. Томилась тоской и ужасомъ, считала Алешеньку убитымъ, молилась, и Господь ниспослалъ ей сонъ, видѣніе... Путалось въ головѣ бабуси: пришла ночь, всѣ спятъ, почему она не раздѣлась, а легла въ платьѣ? Опять видѣла во снѣ Алешеньку: будто пріѣхалъ съ войны...

Затрещалъ электрическій звонокъ въ передней, бабуся вздрогнула, и въ головѣ прояснилось: это вернулись съ вокзала ребята съ родителями! Вѣдь, они ѣздили провожать Алешеньку!

— Точно во снѣ было...

Зажглись огни въ комнатахъ, послышались родные голоса. Но не было смѣха и не возвращалась больше радость.

— Проводили?

— Да...

— Дядя Алеша велѣлъ тебя поцѣловать, бабуся!

И замолчали. Пили чай и разговаривали рѣдко и тихо и не смотрѣли другъ на друга. И всѣ чувствовали одно и то же: словно вернулись съ кладбища, гдѣ схоронили дядю Алешу...

ГЕРОИ.

— Что, Матреша, плачешь?

— Какъ же не плакать? И моего забрали... Онъ у меня, вѣдь, запасный!

Матреша стояла въ столовой, отирала слезы передникомъ и не уходила. Барыня не сразу поняла:

— Кто у тебя запасный?

— Да хозяинъ-атъ мой! Ужъ какой онъ солдатъ? Куда его: отвыкъ онъ совсѣмъ, да и кроткій ужъ очень, смирный...

— Какой хозяинъ?

— Что ты какая безтолковая! Да онъ, мужъ мой, Иванъ Егорычъ!

Наконецъ-то поняли другъ друга. Матреша только съ прошлой зимы пришла изъ деревни и впервые служила кухаркой, начавъ карьеру въ чиновничьей семьѣ средняго достатка. Въ семьѣ ее всѣ полюбили: добрая, трудолюбивая, честная и, хотя въ поварскомъ искусствѣ слабовата, но зато работаетъ за двоихъ; дешево и сердито. Держали раньше горничную, курносую дѣвчонку, но съ появленіемъ Матреши дѣвчонка оказалась лишней: Матреша такъ ревниво относилась къ работѣ, что горничная оказалась ненужной, только мѣшала Ма-

трешѣ. Ребята любили Матрешу за ея прямоту и непосредственность, которая часто смѣшила ихъ своей неожиданностью, образностью и мѣткостью выраженій. Было утро, Матреша только что подала самоваръ и, отирая слезы, продолжала стоять у стола. Конечно, ребята не могли остаться равнодушными къ слезамъ своей любимицы и начали ее утѣшать:

— Всѣ, Матреша, идутъ. У насъ дядю забрали.

Матреша раза два хмыгнула носомъ, еще разъ отерла насухо мокрые глаза, и тутъ выяснилось, почему она не уходитъ:

— Можно, что ли, барыня, заночевать ему въ кухнѣ? Завтра ужъ въ казармы уйдетъ.

— Хорошо.

Въ кухнѣ появился деревенскій гость. Всѣмъ было интересно, какой мужъ у Матреши. И барынѣ, и барину, и ребятамъ. Заходили туда и разговаривали. Небольшого роста, но крѣпкаго сложенія, мужикъ въ лаптяхъ, очень робкій и тихій. Матреша въ сравненіи съ нимъ казалась молодцомъ. Мужъ почтительно слушался ея замѣчаній и казался ея подчиненнымъ. Обращалась она съ нимъ, какъ взрослый съ малымъ: ласково, но строго.

— Куда тебѣ сражаться! — жалобно приговаривала Матреша, отпаивая своего хозяина жиденькимъ чаемъ, и торопилась совершенно опорочить его военныя доблести передъ бариномъ, словно надѣялась, что отъ этого Ивана Коптяева могутъ забраковать и отпустить домой:

— Вѣдь, ему и на службѣ-то, когда молодой-то былъ, кромѣ «бабы», другого званія не было!

— А ты ужъ оставь! Дѣло прошлое...

— Правду говорю! Баба да разиня—вотъ и всѣ чины твои, когда въ солдатахъ былъ.

И Матреша торопилась разсказать рѣшительно все,

что могло уронить военную репутацію призваннаго на вторичную службу мужика.

— Ужъ его и въ денщики пробовали,—тоже не годится: подержатъ господа да опять—въ строй! Сама слышала своими ушами; пришла къ нему на побывку, сижу у господина капитана въ кухнѣ, а катипанъ кричитъ на него, на моего Ивана-то: песъ, говоритъ, тебя Коптяевъ, знаетъ! И грамотный ты, и неуракъ какъ-будто, а ни къ чорту не годишься! Сама слышала, вотъ какъ передъ Богомъ!

И Матреша крестилась на образъ. А Иванъ Коптяевъ пыхтѣлъ, продолжая хлебать съ блюдца жидкій чай, и вообще велъ себя такъ, словно дѣло шло вовсе не о немъ.

— Я ничего не говорю: нечего Бога гнѣвить, мужикъ ты хорошій, непьющій, о семействѣ заботливый, ласковый, а только на войну—ни къ чему ты!

— Не тебя ли замѣсто меня взять надо было?—тихо произнесъ, наконецъ, Иванъ Коптяевъ, пожелавшій сказать что-нибудь въ свое оправданіе.

— Да ужъ я, хоть баба, а на войнѣ куда способнѣе бы...

Какъ ни отстаивала Матреша своего хозяина, а черезъ три недѣли пришлось провожать на войну. Наканунѣ Матреша ходила въ казармы и вернулась разстроенная. Опять плакала и шептала:

— Убьютъ.. Безпремѣнно убьютъ! Я ужъ вижу.. чувствую я...

— Да что это ты, Матреша, какъ ворона каркаешь?—разсердилась барыня.

— Вижу, вѣдь!

— Да чего ты видишь?

— Какой онъ воинъ! Поглядѣть—жалко: все-то у него на боку, съѣзжаетъ, шапку—на уши, ногами не по-

падаетъ, какъ другіе... Глядѣть жалко! Люди добрые глядятъ на него да смѣются... Бороденка треплется, уши врозь, ноги врозь... И какъ это начальство не видитъ, что не годится?.. Канфузитъ только воинство...

— Когда уѣзжаетъ?

— Завтра. На вокзалъ-то ихъ мимо насъ погонятъ! О, Господи, ужъ какъ болитъ сердце мое! Такъ бы взяла сама ружье и встала замѣсто его!.. Убьютъ розиню, чувствую.

На другой день утромъ мимо дома шли походнымъ порядкомъ изъ казармъ на вокзалъ длинныя колонны воиновъ. Выступали съ музыкой, поэтому всполошилась вся улица. Маршъ играли, и отъ него всѣмъ было не по себѣ: и выступающимъ и провожающимъ. Жалобно больно играли. Будто и весело, а на глаза слезы набѣгаютъ... Кто навстрѣчу попадается, остановится и долго глядитъ вслѣдъ, а потомъ вздохнетъ и вспомнитъ, что итти надо. Въ раскрытыя окна господа смотрятъ, а у всѣхъ воротъ—горничныя, кухарки, дворники. Женщины слезы отираютъ. Только безпечные уличные ребятишки не унываютъ: маршируютъ весело въ ногу около солдатъ.

— Вонъ наша Матреша бѣжитъ!

По другому тротуару, въ числѣ торопившихся за солдатами женщинъ, хозяева узнали свою кухарку. Бѣжитъ въ припрыжку, отираетъ глаза и торопливо крестится на попутную церковь.

— Вонъ онъ! Вонъ Иванъ!

Всѣ высунулись въ окно: и барыня и ребятишки. Въ послѣднихъ рядахъ шагалъ бородатый низкорослый солдатишко, не попадая ногами въ тактъ музыкѣ. Дѣйствительно, смѣшной: ребята расхохотались и закричали, махая платками:

— Иванъ! Счастливый путь! Иванъ Коптяевъ! Ура!

Но Иванъ былъ поглощенъ маршемъ и не слышалъ. Прошли солдаты, но долго еще народъ на улицѣ не могъ успокоиться. Долго слушали жалобную музыку, все тише и тише звучавшую гдѣ-то въ городѣ...

Вернулась Матреша съ узломъ. Глаза заплаканы. Въ глазахъ жалобное выраженіе. Опять заплакала:

— Гостинца-то не могла передать! Не пустили къ вагону-то!...

Она шевырялась въ узелкѣ, всхлипывала, и казалось, что главное горе ея было въ томъ, что не удалось передать мужу этотъ грязный узелокъ.

— Ничего не подѣлаешь, Матреша. Обойдется какъ-нибудь...

— Да ужъ больно онъ наказывалъ крестикъ ему купить отъ Спаса-Преображенія! А крестикъ тутъ же... Разиня какая! Я ему дорогой, когда они на вокзалъ шли, совала узелокъ,—не взялъ, а потомъ ужъ не пришлось...

Проводила съ музыкой своего разиню Матреша, и съ тѣхъ поръ онъ какъ въ воду канулъ. Точно никогда и не было на свѣтѣ Ивана Коптяева. Какъ пылинка на дорогѣ, какъ песчинка въ пескѣ, затерялся хозяинъ Матреши въ огромномъ потокѣ сермяжныхъ ратниковъ, двинувшихся со всей Руси къ вражескимъ границамъ. Ни слуху, ни духу. Три письма писали барышни подъ диктовку Матреши въ дѣйствующую армію, но отвѣта не приходило. Прошелъ уже мѣсяцъ; война, какъ огромный пожаръ, разгорѣлась, унося тысячи людскихъ жизней. Каждый день газеты приносили извѣстія о жестокихъ сраженіяхъ, длинные списки убитыхъ и раненыхъ, описанія разныхъ подвиговъ и лихихъ дѣлъ. Весь дворъ читалъ теперь газеты. Читали ихъ вслухъ и Матрешины господа. Внимательно слушала Матреша это чтеніе и все ждала, не напишутъ ли чего про тотъ полкъ, съ которымъ ушелъ на войну Иванъ. Нѣтъ, ничего не слыш-

но! Можетъ, убитъ давно,—какъ узнаешь? Никто не скажетъ... Только про начальниковъ пишутъ, а про солдатъ,—ихъ такъ много, что не напишешь! Какъ мошки!.

Задумается, пригорюнится Матреша въ сумеркахъ, сидя у окошечка въ кухнѣ. Поплачетъ потихоньку. Кому дѣло до ея горя? У всякаго теперь своего достаточно... Сходитъ подъ праздникъ въ церковь Спаса-Преображенія, повздыхаетъ передъ образомъ Заступницы, посмотритъ жалостными глазами въ Ея доброе, ласковое Лицо и повздыхаетъ. Кабы знать, живъ или нѣтъ! Можетъ, молебенъ бы о здравіи раба Божьяго Ивана отслужить надо, а кто скажетъ? Можетъ, давно панихиду надо... Говорятъ, что есть такое мѣсто, гдѣ и солдатамъ учетъ ведется, а только далеко это: не то въ Москвѣ, не то въ царской столицѣ. Развѣ туда поѣдешь?! Въ работѣ забываешься. Примется полы мыть или бѣлье стирать,— и легче. Сердце отходитъ. Иногда стираетъ и потихоньку принесенную изъ родной деревни пѣсенку запоетъ:

Гдѣ ты, милый скрылся? Гдѣ тебя искать?
Заставилъ крушиться, плакать, тосковать...

Однажды утромъ, когда Матреша возилась около самовара, который никакъ не соглашался закипѣть, въ кухню вошелъ солдатикъ:

— Матрена Коптяева не ты будешь?

Такъ и упало сердце. Самоварная труба выскользнула изъ рукъ Матреши и съ грохотомъ покатилась по полу. Духъ даже захватило. Разогнулась, посмотрѣла на солдата и сказала задрожавшими губами:

— Я самая. А что такое?

— Супруга вашего привезли. Въ первомъ лазаретѣ онъ, при емназіи. Зайтить просилъ!

— Что съ нимъ? Господи!..

Сразу заголосила, какъ по покойникѣ. Барыня прибѣжала въ кухню, заглянули въ дверь испуганныя личики барышень.

— Что, Матреша? Что, милая?

Матреша не могла отвѣтить. Выла. Солдатъ мялся у порога, вертѣлъ шапку и говорилъ:

— Онѣ полагаютъ, убили, а какъ же это можетъ случиться, если я присланъ отъ ихъ самихъ? Онъ раненый и совершенно не помретъ, а нога... Мало ли хромыми живутъ. Зря Егорія тоже не дадутъ! А они теперь—Егорія имѣютъ за храбрость! О чемъ выть? Мужъ ейный ероемъ вернулся, а онѣ воютъ! Счастливо оставаться!

Барыня наклонилась надъ Матрешей, спрятавшей лицо въ розовой подушкѣ, начала утѣшать и уговаривать. Ребята—тоже.

— Скажи слава Богу, что не убили! А ты воешь. Грѣшно, Матреша!

— Георгія получилъ за храбрость, а она реветъ. Ахъ ты, дура!..

— Дура и есть!—всхлипывая и смѣясь сквозь слезы, откликнулась, наконецъ, поднявшая съ подушки лицо Матреша.—Я ужъ и сама не знаю, али радоваться, али выть?.. Отъ радости, что ли... Бѣжать надо. Гдѣ онъ сказалъ искать-то моего разиню?.. Боюсь я одна-то... Кабы ты, Сенечка, довелъ меня, отыскалъ бы мнѣ ероя-то моего!

— Идемъ!—охотно согласился гимназистъ, которому очень хотѣлось поскорѣе увидать раненаго героя и разспросить, какъ было дѣло...

— Да будетъ тебѣ хныкать-то!—сердился Сеня, когда они вышли на улицу.

— Да не могу, баринъ, остановиться... Чего я надъ собою сдѣлаю? У меня и ноги и руки трясутся...

— Извозчикъ!.. Садись скорѣе!

Поѣхали въ гимназію, гдѣ помѣщался лазаретъ. Первые раненые. Собралось много любопытныхъ. Все господа. Принесли папиросъ, яблоковъ, гостинцевъ. Все нарядные, благородные. Кучками стоятъ около сидящихъ и лежащихъ раненыхъ и ласково разспрашиваютъ ихъ о разномъ. Матреша пугливо посматриваетъ и ищетъ глазами мужа.

Около кровати Коптяева куча народу. Не протолкаешься. Его не видать.

— Сестрица! Мнѣ бы къ мужу какъ...—робко шепчетъ Матреша молоденькой сестрѣ милосердія.

— Имя и фамилія?

— Иванъ Коптяевъ!

— А, нашъ герой! — улыбнувшись, произнесла дѣвушка и громко окрикнула:

— Иванъ Коптяевъ!

— Есть!—сиповато отвѣтилъ голосъ изъ толпы около кровати

— Къ тебѣ жена пришла!

Нарядная толпа сочувственно оглядѣла жену героя и пропустила Матрешу къ улыбавшемуся раненому солдату. Не сдержалась Матреша. Увидала несуразную забинтованную ногу мужа и заревѣла, припавъ на колѣняхъ къ кровати.

— Что ты, Богъ съ тобой!—укоризненно шепталъ Иванъ Коптяевъ, стараясь поднять Матрешу съ пола.— Чай, я не померъ!

Такъ спокойно, вразумительно сказалъ это раненый, что у многихъ изъ наблюдателей этой встрѣчи жены съ мужемъ навернулись на глазахъ слезы. Улыбка и слезы. Матреша притихла, но голову не поднимала, словно боялась или стыдилась посмотрѣть на своего разиню Тотъ поглаживалъ ее по спинѣ и шепталъ:

— Нехорошо!.. Перестань!.. Господа глядятъ и смѣются...

— Что съ тобой сдѣлали! Какъ теперь?

— Какъ? Какъ-нибудь, чай, обойдемся!? Не все на двухъ ходить!—острилъ Иванъ Коптяевъ, и всѣ, и раненые товарищи, и барыни-посѣтительницы, и сестрицы въ бѣлыхъ платочкахъ, не могли сдержать смѣха, а Иванъ серьезно утѣшалъ:

— На вотъ яблочко наливное! Господа принесли.. Анисовое яблочко. Утрись да скушай!.. Конечно, нога въ хозяйствѣ—дѣло неплевое, да теперь купить ее можно: нѣмцы мнѣ ногу сдѣлаютъ!

И снова палата огласилась веселымъ смѣхомъ. Опять у кровати Коптяева собралась публика. Всѣхъ интересовало, за что ему дали Георгія. Сеничка подсѣлъ на кровать, восхищенно смотрѣлъ на Ивана и приставалъ:

— Разскажи, Иванъ, какъ было!.. За что Георгія-то получилъ?

— Георгія-то? Да, вѣдь, какъ сказать? Дѣло Божье, а не мое! Захотѣлъ Господь свою милость нашей ротѣ явить, а я что же? Меня только Господь исполнить свою милость избралъ... Разя человѣкъ самъ можетъ, одинъ, безъ Его воли... А не захочетъ Онъ, такъ не только нога уцѣлѣетъ, а волосъ съ головы не упадетъ!..

— А все-таки вы разсказали бы! — просили окружающіе.

— Да ужъ я который разъ разсказываю...

— Мы не слыхали.

— Разскажи, коли господамъ охота послушать! — строго замѣтила Матреша, отирая глаза рукавомъ кофты.

— Даже ничего въ этомъ занятнаго-то нѣтъ... Какъ было? Обнакавенно. Въ бою были. Наша рота на лѣвомъ флангѣ шла. Больно они насъ огнемъ закидывали...

Страсти! На горѣ они, въ барскомъ имѣніи, въ хуторѣ засѣли, оттуда надо было ихъ вышибать. Засѣли вездѣ, какъ клопы! И въ господскомъ домѣ, и въ сараяхъ, и въ ригѣ, и въ конюшняхъ. Богатое помѣстье-то... А на горкѣ, за лѣскомъ, повыше имѣнія-то, батарея у нихъ была. Что съ ними сдѣлаешь? Цѣльный день выбивали,—не вышло... Вотъ къ вечеру командеръ приказалъ къ атакѣ готовиться. Хорошо. Помолились. Маленечко стемнѣло,—распоряженіе:

— Въ атаку, ребятушки! Ура!

Начали къ имѣнію подходить, какъ начнетъ пулеметъ косить! Коситъ нашихъ, какъ траву по лугу, а откуда—понять невозможно... А такъ видать, что они отступать начали. Батарея у нихъ притихла,—значитъ, теперь все дѣло въ этомъ пулеметѣ проклятомъ... Вотъ тутъ меня Господь и вразумилъ! Все одно, думаю, помирать, видно, надо. На перебѣжкѣ мы въ безпорядкѣ были, кто впередъ вылѣзъ, а кто позади остался. Мы двое съ товарищемъ вбокъ отбились. Впереди другихъ, а только сбоку, подъ овражкомъ, за которымъ заборы были, ограда имѣнія самаго этого.

— Куда теперь намъ?—спрашиваетъ.

— Въ тылъ надо! Айда садомъ-то! Слышь, наши «ура» кричатъ?

Бѣжать тяжело. Заморились. Пить охота, а нечего. А у меня еще пятку натерло на лѣвой ногѣ. Просто хоть плюнь,—больно, бѣжать не могу. И жарко очень. Загорѣлись. Я, знашь, присѣлъ, сапоги съ портянками долой, шинель бросилъ, сумку бросилъ, поясъ скинулъ, а шапку давно потерялъ! Что думаю, помереть и не по формѣ можно. Господь и такъ отличитъ, когда преставишься...

— Вѣрно, братъ!

— Ну, хорошо. Облегчилъ себя, перекрестился да и

маршъ! Босикомъ-то легко! Товарища обогналъ да черезъ ограду—разъ! Пробѣжалъ маленько задами... службы разныя. А дальше опять заборъ, а за заборомъ—садъ... Поглядѣлъ въ щель—черезъ дорожку видать бесѣдочку, а въ ней—непріятель. Вонъ откуда они, антихристы, изъ пулемета работаютъ! Ахъ, вы жулики! Ну, погоди же! Я вамъ, такъ вашу распроэтакъ... Тутъ мой товарищъ подбѣжалъ. И начали мы съ нимъ черезъ щель-то жарить! Глядимъ, — потерялись... задергались, затумашились... Я товарища на мѣстѣ оставилъ, а самъ отбѣжалъ да винтовку—черезъ заборъ и самъ за ней туда же! Кабы въ сапогахъ,—невозможно бы, а босикомъ разъ-два, и готово! Нагнулся, кусточками пробѣжалъ и началъ сзади ихъ еще угощать. А потомъ какъ закричу «ура» да на нихъ изъ кустовъ-то! Всѣ разбѣжались, одинъ у пулемета остался. Я къ нему:

— Ты что тутъ, сукинъ сынъ, дѣлаешь?

— Да за горло его! Но только что онъ, конечно, въ меня изъ револьверта началъ.

— Ахъ, ты такъ твою распроэтакъ!

Упалъ я ему подъ ноги да за ноги его какъ дерну!—онъ наземь, а я на него, конешно. Сижу на немъ, а онъ мнѣ палецъ кусаетъ... Кругомъ бой идетъ, наши въ хуторъ ворвались, а я сижу безъ дѣла верхомъ на супостатѣ и никакъ палецъ ослобонить не могу. Только гляжу, нашъ ротный:

— Ваше благородіе!

Подбѣжалъ ротный, револьвертъ наставилъ ему въ башку, онъ и выпустилъ палецъ-то. А то отгрызъ бы, пожалуй! И сейчасъ знакъ остался! Вотъ онъ!

И герой сталъ показывать любопытной публикѣ знакъ на пальцѣ, словно это обстоятельство было самымъ главнымъ въ его разсказѣ.

— А какъ же тебѣ ногу-то?—замирая отъ волненія, спросилъ Сеничка.

— Ногу-то? Это послѣ ужъ, въ другомъ бою! А тутъ все благополучно было...

— Ахъ, ерой ты какой оказался!—шептала Матреша иронически, а у самой въ глазахъ свѣтилась ласка и радость. А публика прибывала, и всѣ шли къ постели Ивана Коптяева, и слышался шопотъ:

— Вотъ этотъ самый пулеметъ взялъ!

А герой задумчиво разсматривалъ знакъ на пальцѣ и говорилъ:

— Кабы въ сапогахъ, — невозможно! Хорошо Господь разуться надоумѣлъ!

Ч У Д О.

Шумно и весело проходило послѣднее лѣто въ старомъ барскомъ имѣніи «Вишенкахъ». Давно уже не было такого съѣзда гостей, какъ въ это лѣто. Старый, разрушающійся уже отъ времени домъ съ облупившимися колоннами, два покривившихся флигеля, даже каменныя руины заброшенной бесѣдки на пруду въ паркѣ—все было биткомъ набито веселой молодой публикой, съѣхавшейся съ разныхъ сторонъ въ это разоренное гнѣздо павшаго крѣпостного барства, гдѣ до сихъ поръ еще многое напоминало о быломъ величіи, богатствѣ и причудахъ гнившихъ теперь въ фамильномъ склепѣ предковъ... Огромный заброшенный паркъ, переходящій въ настоящій сосновый боръ, столѣтнія липовыя аллеи, едва намѣчавшіяся теперь той правильностью, съ которой громоздились великаны-деревья, съ остатками каменныхъ ступенекъ и какихъ-то фундаментовъ; цѣлая система прудовъ, теперь заросшихъ водорослями и затянувшихся зеленой плѣсенью, съ таинственными дорожками подъ тѣнью старыхъ березъ, съ остатками причудливыхъ мостиковъ на зеленые островки прудовъ; звенящіе колокольчиками въ густомъ малинникѣ и травѣ ручейки; руины бесѣдки на одномъ изъ

7*

такихъ островов на пруду,—какой грустью вѣяло теперь отъ всѣхъ этихъ воспоминаній о канувшей въ вѣчность жизни!..

Въ «Вишенкахъ» были старики, потомки крѣпостныхъ, которые помнили и объясняли, какъ было прежде, гдѣ что стояло и куда вели дорожки, и какъ былъ расположенъ первый сгорѣвшій барскій домъ. На подволокахъ и въ сараяхъ стояли забытые пропыленные ящики съ разнымъ бумажнымъ хламомъ, отъ котораго нестерпимо пахло мышами и кошками; валялись поломанные станки, на которыхъ ткали крѣпостныя дѣвки, формы для набойки красочныхъ рисунковъ, какіе-то странные инструменты, употребленіе и цѣль которыхъ были теперь никому неизвѣстны. Среди гостей былъ молодой ученый археологъ, который цѣлые дни копался теперь въ этой ветхой рухляди, разбиралъ поѣденныя крысами бумаги и книги на толстой зеленой бумагѣ, читалъ письма закорючками, разбиралъ конторскія тетради и потомъ воскрешалъ предъ молодыми слушателями старую, отошедшую въ вѣчность жизнь на этомъ кладбищѣ крѣпостного барства. Былъ среди гостей хорошій музыкантъ, который игралъ на древнихъ уцѣлѣвшихъ клавикордахъ старинные романсы; были пѣвцы, охотники, игроки въ тенисъ и футболъ, а главное, — были влюбленныя парочки и одиночки, страдающіе втайнѣ. Никогда еще здѣсь не было такого разнообразія и скопленія молодой публики, какъ въ это лѣто, и хозяева, пожилые и уставшіе уже люди, были страшно довольны, что дѣти ихъ не скучаютъ и проводятъ лѣто дома, а не за границей, какъ бывало раньше почти каждое лѣто...

Дѣтей было трое: два сына и дочь. Старшій, Петръ, здоровенный и крѣпкій господинъ лѣтъ 25-ти, дѣлалъ карьеру и теперь отдыхалъ отъ этого тяжелаго и неве-

селаго занятія, получивъ возможность быть самимъ собою и отложить въ сторону личину корректности, воспитанности, почтительности и тысячу надоѣдливыхъ мелочей такта и приличій, принятыхъ въ томъ обществѣ, гдѣ карьеры дѣлаются. Теперь онъ распустился и, забывъ, что ему необходимо сдѣлать партію, ухаживалъ за миленькой, но бѣдной дѣвушкой, кузиной. Младшій, Павелъ, прямая противоположность Петру, только что кончилъ университетъ по филологическому факультету и не зналъ, что съ собой дѣлать. Это былъ маложизненный отпрыскъ вымирающаго дворянскаго рода, человѣкъ нѣжной души и тонкихъ нервовъ, женственный, тихій, застѣнчивый юноша, тайно писавшій стихи и мечтавшій о славѣ поэта. Петръ былъ любимецъ отца, а Павелъ—матери. Дочь, Наташа, еще не кончила института и съ жаднымъ любопытствомъ таращила свои красивые сѣрые глаза на раскрывавшійся предъ нею міръ Божій, наивная, восторженная, сентиментальная и влюбчивая дѣвочка лѣтъ пятнадцати...

Странный контрастъ рождало молодое, полное жизни общество съ повѣяннымъ грустью отжитого мѣстомъ, похожимъ на старое, заброшенное кладбище. Шумѣли старыя липы и плакучія березы, которымъ снились картины прежней шумной барской жизни; грезили тихіе пруды, вспоминая праздники съ разноцвѣтными фонариками, отражавшимися въ ихъ зеркалахъ, съ разгуломъ чувственныхъ наслажденій въ руинахъ бесѣдки и укромныхъ мѣстечкахъ густыхъ зарослей; удивленно смотрѣли со стѣнъ старинные портреты мужчинъ и женщинъ, молодыхъ и старыхъ, далекихъ и никому теперь неизвѣстныхъ забытыхъ предковъ, разодѣтыхъ въ смѣшные, неудобные костюмы... Было такъ тихо и спокойно всѣмъ: и старымъ липамъ, и дряхлымъ плакучимъ березамъ, и покрытымъ плѣсенью прудамъ, и

этимъ предкамъ, и вдругъ налетѣли дерзкіе и шумные современники и своимъ веселымъ хохотомъ и радостными голосами, играми новомодными и разговорами непонятными и дерзкими разбудили грустное мѣсто упокоенія отжитой жизни, отжитыхъ думъ и чувствъ, радостей и печалей. Ветхія ступени зазвенѣли подъ дерзкими башмачками и ботинками какъ-то испуганно и странно. Вѣдь, никто никогда не осмѣливается наступать на нихъ, напоминающихъ надгробныя плиты! Никому не было нужды тревожить ихъ покой, потому что никуда теперь не придешь, шагая по этимъ вросшимъ въ землю ступенькамъ. Въ тихій шумъ липъ и березъ теперь ворвались звонкіе голоса радостной жизни; тихіе зеленые пруды изборождены дорожками, оставленными новой крашеной лодкой, Богъ вѣсть, откуда вдругъ взявшейся, до смерти напугавшей карасей и щукъ, и огромныхъ лягушекъ съ выпученными отъ страха и изумленія глазами, и жирныхъ утокъ, считавшихъ пруды своей исконной собственностью. Странными и смѣшными казались современные люди и старымъ липамъ, и дряхлымъ березамъ, и тихимъ прудамъ, и руинамъ бесѣдки на островѣ, и еще одному прячущемуся въ старомъ домѣ существу—глухой бабушкѣ, Аннѣ Семеновнѣ. Она, какъ и старая дуплистая липа, поднимающая свою кудрявую лохматую голову высоко подъ небо и заглядывающая на верхній покосившійся балконъ, гдѣ временами сидитъ въ старинномъ креслѣ бабушка, грѣя свои кости на горячемъ лѣтнемъ солнышкѣ, смотритъ на молодежь и все удивляется. Не нравится ей: и костюмы, и слишкомъ звонкій хохотъ, и разговоры, и смѣлость современныхъ дѣвушекъ, и игры иностранныя, и юбки узкія, и романсы безсовѣстные, и танцы безстыдные... Бабушка тоже любитъ больше всѣхъ нѣжнаго Павла. Онъ напоминаетъ прежнихъ молодыхъ людей,

поклонниковъ и воздыхателей бабушки въ далекое время прожитой молодости!.. Робкій и застѣнчивый, краснѣющій передъ женщинами и религіозный, почтительный. Какъ сова, сидитъ на балконѣ старая бабушка въ темныхъ очкахъ съ костылемъ въ рукѣ и сердится, что всѣ неизвѣстно чему радуются, и что она не понимаетъ этой новой жизни, безтолковой, шумной и дерзкой, когда даже дворня позволяетъ себѣ обижаться на бабушку, если толкнешь глупую костылемъ...

Лѣто было въ разгарѣ. Катались верхомъ и на лодкѣ по прудамъ, ѣздили на Волгу ночевать съ кострами на песчаной отмели; играли въ тенисъ, пѣли, плясали и флиртовали, начинались романы и драмы. Нѣжный Павелъ безнадежно влюбился въ миленькую кузину, за которой волочился уже старшій братъ, и, блуждая въ лунныя ночи по тайнымъ дорожкамъ межъ прудовъ, слагалъ стихи или плакалъ отъ безнадежности. Кузина влюбилась въ студента и, отвергая обоихъ братьевъ, мечтала утопиться въ пруду и оставить записку, отъ которой у жестокаго студента разбилась бы отъ тоски и раскаянія вся душа; горничная Маша плакала по ночамъ, потому что старшій баринъ, успѣвшій соблазнить ее, пересталъ теперь ловить ее въ темныхъ коридорахъ и все бѣгаетъ за гостьей-барышней, «въ которой нѣтъ ничего хорошаго». Наташа полюбила товарища студента, гимназиста Васильева, и онъ ее тоже, рѣшили уже жениться въ самомъ ближайшемъ времени, какъ вдругъ... Вильгельмъ германскій разбилъ всю наладившуюся жизнь вдребезги! Неожиданно въ этотъ тихій уголъ прилетѣло извѣстіе о войнѣ, и гости, словно голуби отъ ястреба, быстро снялись и пугливо разлетѣлись въ разныя стороны. И снова стихло кладбище стараго барства, и старыя липы и древнія березы стали шептаться между собою; прудъ задремалъ, и успокои-

лись утки и бабушка... Уѣхали гости, потомъ уѣхали сыновья, потомъ Наташа съ родителями. Одна бабушка осталась, да и та заперлась въ своей комнатѣ: все молилась она теперь за любимаго внука Павла, который шелъ на войну прапорщикомъ. Вернулись, проводивъ Павла, родители съ Наташей, но не вернулась съ ними прежняя шумная радость, звонкіе голоса, любовные вздохи, свиданія въ руинахъ бесѣдки, игры и музыка. Все смолкло, притаилось и снова стало походить на старое заброшенное кладбище. Часто угрюмый разрушающійся домъ по ночамъ прислушивался къ тому, какъ кто-то внизу тихо плачетъ горючими слезами, тая слезы въ подушкѣ, а наверху кто-то, молясь, шепчетъ молитвы и читаетъ псалтирь тихимъ бормотаніемъ. То мать и бабушка тосковали и молились за бѣднаго Павла...

Все попрежнему ярко и ласково пригрѣвало солнышко старую усадьбу въ «Вишенкахъ», попрежнему плакучія березы, наклонясь, смотрѣлись въ тинное озеро прудовъ; въ саду за заборами наливались яблоки и стукала трещотка караульнаго Елисѣя, но никто больше здѣсь не смѣялся весело и радостно, никто не бродилъ въ любовной тоскѣ и грезахъ въ сумрачныхъ аллеяхъ заглохшаго парка и никто не шептался въ руинахъ бесѣдки... Оборвались пѣсни, вздохи и музыка, нечаянныя встрѣчи, мимолетные жгучіе взгляды... Тишина и молчаніе въ паркѣ, тишина и молчаніе въ домѣ. Сперва еще Наташа и ея нѣжный голосокъ и яркія платьица нарушали порой эту тишину и молчаніе въ опустѣвшей усадьбѣ, но вотъ увезли Наташу въ городъ, въ институтъ, и радость жизни совсѣмъ погасла. Въ домѣ осталась одна тревога и страхъ, вѣчный страхъ за любимаго сына и внука Павла... День и ночь проходили въ ожиданіи. Словно въ домѣ былъ тяжело больной, и приближался кризисъ, когда будетъ кѣмъ-то непреложно рѣ-

шенъ вопросъ о жизни или смерти. Изрѣдка залетала сюда радость, да и та была какая-то тревожная: радовала на одно мгновеніе и приносила новый страхъ и новыя ожиданія. Пріѣзжалъ съ почтоваго пункта Егоръ и вмѣстѣ съ газетами приносилъ иногда письмо отъ Павла изъ дѣйствующей арміи. Письмо узнавали по почерку адресата и всѣ облегченно вздыхали:

— Живъ! Слава Тебѣ, Господи!.. — произносили мысленно, но смотрѣли на дату письма и всѣмъ думалось: «Былъ живъ двѣ недѣли тому назадъ, а живъ ли теперь, сейчасъ? Кто знаетъ?»

И снова тишина, молчаніе и тревожное ожиданіе. И тяжелѣе всего было это молчаніе, потому что всѣ знали, что думаютъ объ одномъ, самомъ главномъ для нихъ на свѣтѣ: живъ ли Павелъ? Отецъ уходилъ въ газеты и разсматривалъ карту военныхъ дѣйствій, стараясь отыскать на ней самую главную для него точку: мѣстонахожденіе Павла, хотя приблизительное. И всѣ стратегическіе планы отставного подполковника разсматривались теперь съ этой именно точки. Мать не брала въ руки газетъ и отворачивалась отъ военной карты: въ газетахъ печатались списки убитыхъ офицеровъ, а при взглядѣ на карту съ наколотыми красными и синими флажками матери чудились окровавленныя поля сраженій, въ одномъ изъ которыхъ, можетъ быть, убьютъ и ея милаго нѣжнаго Павла...

— Уберите газеты! Я боюсь ихъ!.. Всѣ онѣ точно пропитаны кровью...

А бабушка все молилась и бормотала въ своей комнатѣ. А когда ей показывали письмо Павла, крестилась и мотала головой, показывая на лампадку и образъ въ сверкающей серебромъ и жемчугами ризѣ. Бабушкѣ казалось, что только ея молитвами Господь хранитъ Павла, потому что всѣ кругомъ—безбожники...

Подкралась осень. Груды желтыхъ листьевъ завалили усадьбу. По ночамъ глухо, страшно шумѣли старыя липы и березы, шептался мелкій дождикъ, выла цѣпная собака, и Елисѣй стрѣлялъ гдѣ-то изъ стараго ружья, пугая кого-то... Дни были сѣрые, съ скучнымъ небомъ, мокрыми стѣнами, съ неугомоннымъ карканьемъ воронъ. Всѣ думали о томъ, что и тамъ теперь, гдѣ Павелъ, тоже дождикъ, холодный вѣтеръ, грязь, и, забывая о томъ, что грозитъ смерть,—безпокоились о здоровьѣ: не простудился бы и не схватилъ воспаленія легкихъ. Вѣдь онъ слабогрудый!..

И вотъ однажды, въ такой тоскливый, мокрый день, пришелъ Егоръ съ грязными ногами и подалъ мокрыя газеты.

— И письмо есть... Я его за пазуху взялъ: мочитъ больно!

И когда взяли письмо, то сразу всѣ испугались, точно почувствовали его содержаніе не читая. Письмо изъ дѣйствующей арміи, но почеркъ чужой, незнакомый. Отецъ унесъ письмо въ свой кабинетъ и тамъ, одинъ, запершись на ключъ, прочиталъ страшную, ошеломившую его правду. Какой-то офицеръ, товарищъ по полку Павла, сообщалъ, что на его глазахъ Павелъ былъ убитъ и остался на полѣ сраженія... «Намъ пришлось отступить предъ превосходными силами непріятеля, и мы не смогли подобрать раненыхъ и похоронить убитыхъ товарищей»... Въ концѣ письма незнакомый человѣкъ извинялся за взятую имъ на себя тяжелую обязанность сообщить обо всемъ этомъ близкимъ людямъ и объяснялъ это взаимнымъ уговоромъ офицеровъ той роты, гдѣ служили они съ Павломъ. Долго отецъ кусалъ губы, долго крѣпился, но не выдержалъ: тихія слезы прорвались громкими рыданіями, и молчаливыя комнаты

стараго дома донесли страшную правду до слуха и сердца каждаго изъ живущихъ...

Вотъ и случилось то страшное, чего всѣ смутно ждали каждый день, каждую ночь. Рыданія, то и дѣло оглашавшія старый домъ, смѣнялись полной тишиной, мертвенной, страшной тишиной. Тогда казалось, что весь домъ вымеръ, и нѣтъ больше въ немъ никакой жизни. Но приходила ночь, дождь шумѣлъ за окнами, завывалъ и плакалъ въ липахъ вѣтеръ, выла цѣпная собака,— и вдругъ въ эту тоскливую осеннюю мелодію снова врывалось человѣческое страданіе: мать начинала снова неутѣшно оплакивать любимаго сына... Такъ было нѣсколько дней. Потомъ обезсилѣли отъ непрерывныхъ мукъ и страданія и застыли въ своей скорби, покорные Господней волѣ. Бродили тихо, едва передвигая ноги; говорили протяжнымъ шопотомъ и ласково-ласково. Пріѣхалъ батюшка, служили панихиду и не плакали: не было больше слезъ. Привезли изъ института Наташу Какъ одинокій лучъ свѣта солнечнаго выглянулъ изъ черныхъ, мрачныхъ тучъ жизни. Всѣ перенесли любовь и нѣжность съ Павла на Наташу. Въ этой нѣжности искали сами себѣ помощи въ страданіи... Молчаливое горе поселилось въ домѣ и не уходило. Люди ласково берегли это горе въ своихъ душахъ. Когда пришла газета съ спискомъ убитыхъ и раненыхъ, прочитали о немъ, о своемъ бѣдномъ Павлѣ: остался на полѣ сраженія Опять немного поплакали. Теперь утѣшеніемъ была мысль поѣхать т у д а, отыскать трупъ сына и привезти его домой. Ждали побѣдъ и отступленія непріятеля, чтобы можно было поѣхать на поиски. Отецъ писалъ куда-то письма и прошенія, хлопоталъ около фамильнаго склепа, гдѣ надо было приготовить могилу для Павла...

А бабушка все молилась. Ѣздила въ деревенскую цер-

ковь, служила панихиды. Такъ прошло двѣ недѣли. Отецъ поѣхалъ въ дѣйствующую армію, чтобы приблизить послѣднее завѣтное желаніе—отыскать и привезти трупъ сына. Остались однѣ женщины. Теперь ничто уже не интересовало ихъ на свѣтѣ и потому не посылался больше Егоръ на почту за письмами и газетами. Зачѣмъ? Все уже извѣстно и все покончено. Письма отъ родныхъ съ соболѣзнованіями... ихъ лучше не трогать. Пусть отецъ по пріѣздѣ пошлетъ и заберетъ и письма, и телеграммы, и газеты...

Однажды темнымъ осеннимъ вечеромъ громко залаяла цѣпная собака и долго не унималась, нарушая гробовую тишину усадьбы, въ которой еще свѣтились тусклые огни въ двухъ-трехъ окнахъ. Мать, бабушка и Наташа, сбившись въ кучу около самовара въ столовой, молчаливо коротали вечеръ, долгій и тоскливый, желая быть теперь поближе другъ къ другу. Бабушка бормотала, читая свой постоянный собесѣдникъ—псалтирь, мать застыла въ воспоминаніяхъ о прошломъ, такомъ близкомъ еще, когда вотъ тутъ на стулѣ, рядомъ, сидѣлъ Паня. Наташа раскладывала карты и разговаривала сама съ собой, гадая на папу...

— Что это Волчокъ нашъ такъ безпокоится?

— Чуетъ что-нибудь.

— Мама? А не могутъ прійти волки?

— Я слышу колокольчики,—прошептала мать.

— Папа ѣдетъ!—подумала вслухъ Наташа.

— Нѣтъ, онъ не можетъ пріѣхать такъ скоро.

Колокольчики то смолкали, то звучали громче. А Волчокъ такъ и рвался съ цѣпи. Наконецъ, стало ясно, что ѣдутъ къ нимъ въ усадьбу. Наташа не могла сидѣть и ждать: она подбѣжала къ окошку и, прижавъ свой лобъ къ холодному стеклу; стала смотрѣть въ темную

бездну осенней ночи. Тусклое влажное стекло. Ничего нельзя разсмотрѣть.

— Къ намъ! Ѣдутъ!

— Сиди! Не бѣгай въ сѣни, — простудишься и умрешь!

Пара лошадей подъѣхала къ крыльцу, застучали шаги въ сѣняхъ. Кого-то впустила въ домъ Маша и спрашиваетъ, кого угодно. Не догадалась встрѣтить съ огнемъ, выбѣжала со сна. Въ столовой тревожно насторожились, подняли головы и устремили взоры на входную дверь...

Страшное, непонятное чудо свершилось въ этотъ мигъ въ домѣ: въ дверяхъ, какъ живой, съ ласковой улыбкой на губахъ появился молодой офицеръ, въ которомъ всѣ сразу узнали Павла и закричали отъ овладѣвшаго всѣми ужаса... Мать рванулась, было, къ видѣнію, но упала и забилась въ судорогахъ, Наташа убѣжала въ залъ и тамъ спряталась, бабушка крестилась сама и крестила не исчезающее видѣніе...

— Мама! Бабушка! Господь съ вами!—закричалъ со слезами въ горлѣ страшный гость.

Павелъ бросился къ матери. Бабушка испуганно отшатнулась на спинку стариннаго кресла и застыла въ позѣ ужаса, потомъ опустила на грудь сѣдую голову и, казалось, прислушивалась къ тому, что кричалъ Павелъ:

— Мама! Милая! Опомнись! Я вернулся...

Мать сѣла на полу, пристально остановилась безумными глазами на сынѣ и, коснувшись рукою его головы, вдругъ радостно закричала, бросаясь къ нему на шею:

— Паня! Ты! Но... какъ же? Какъ же это? Не понимаю... Мнѣ кажется, что я схожу съ ума... Дай мнѣ воды!.. Поскорѣе!..

И снова плачъ, радостный плачъ безъ удержа, какъ дождь, начавшій вдругъ хлестать ливнемъ въ окна.

Выглянула изъ двери Наташа. Казалось, что она все еще не вѣритъ, что видитъ живого Павла. Въ большихъ сѣрыхъ глазахъ дѣвочки застыло радостное изумленіе и недовѣріе ко всему, что она видитъ.

— Вѣдь, писали, что ты убитъ, а ты...

— Развѣ вы не получили моей телеграммы?

— Нѣтъ. Мы получили письмо отъ твоего товарища, офицера... Онъ писалъ, что ты убитъ...

— Паня!—вскрикнула Наташа, словно только теперь повѣрила чуду, и повисла на шеѣ брата...

— Наташа! Осторожнѣе: у меня болитъ рука...

— Ты раненъ?

— Да...

Только сейчасъ увидали, что рука Павла виситъ на повязкѣ.

— Чудо! Ты словно воскресъ изъ мертвыхъ...

Да, свершилось чудо. Развѣ это не чудо? Развѣ для нихъ не воскресъ убитый Павелъ, для котораго уже была приготовлена могила?

Мать свалилась отъ радости. Тихая, молчаливая, лежала она на диванѣ съ закрытыми глазами, въ которыхъ сверкали слезы, съ кроткой, счастливой улыбкой на побѣлѣвшихъ губахъ. Сынъ сидѣлъ около нея съ опущенной головою. Онъ нѣжно гладилъ худую, съ синеватыми жилками руку матери, цѣловалъ ее и тихо разсказывалъ, какъ все случилось: сначала его ранили въ руку, потомъ контузило, и онъ потерялъ сознаніе; очнулся въ непріятельскомъ лазаретѣ, въ которомъ его перевозили съ мѣста на мѣсто; освобожденіе явилось неожиданнымъ: цѣлый день трещала голова отъ канонады, а потомъ все стихло... и Павелъ услыхалъ русское «ура»; австрійцы побросали и орудія, и лазаретъ съ ранеными, и плѣнныхъ...

Чудо! О немъ говорили теперь и въ домѣ, и въ люд-

скихъ, и на кухнѣ. Не всѣ вынесли это чудо: когда вспомнили про бабушку, сидѣвшую все попрежнему, съ опущенной головой въ старинномъ креслѣ, и Наташа, приблизившись, закричала ей на ухо «Паня воскресъ!»,— бабушка не подняла головы. Наташа взяла ее за руку и, вздрогнувъ, выпустила: рука была холодная...

Всю ночь лилъ дождь. А утромъ яркое солнышко радостно засмѣялось мокрой землѣ, травѣ и деревьямъ, старому дому, вороньимъ гнѣздамъ и всѣмъ тварямъ. Взлохмаченный Волчокъ, сорвавшійся съ цѣпи, сладко потягивался и вертѣлъ хвостомъ, радостно заглядывая въ глаза вернувшагося Павла, который стоялъ на крыльцѣ и съ любовью разсматривалъ каждую мелочь родного гнѣзда...

О бабушкѣ никто не плакалъ. Общая радость поглотила новое горе. Бабушка лежала въ залѣ среди высокихъ восковыхъ свѣчъ съ золотомъ вся въ бѣломъ, и сѣдая голова ея гордо и величественно смотрѣла изъ грустныхъ осеннихъ цвѣтовъ и золотыхъ и красныхъ листьевъ. На бабушку заглядывало яркое осеннее солнышко, и украшавшая бабусю цвѣтами Наташа думала:

«Павелъ воскресъ, а бабуся умерла. Но, вѣдь, всѣ-всѣ мы умремъ и тамъ всѣ снова увидимся... О чемъ же плакать? Спи, милая бабуся! Царство тебѣ небесное!»

ИВАНЪ ВЪ РАЮ.

Кабы не война съ нѣмцами,—не пришлось бы итти въ солдаты Ивану: счастливый жеребій выкинулъ, въ ратники зачислили. Только въ прошломъ году женился. Хорошую работящую дѣвку въ домъ взяли. Не такъ, чтобы въ полномъ довольствѣ жили,—неурожаи одолѣли, пришло такъ, что и самоваръ продали!—а все-таки дома лучше. Главное, дѣвку по сердцу взялъ. Не приневоливали: сами слюбились. Ну, а съ милой, какъ говорится въ пословицѣ, и въ шалашѣ—рай! Поцѣлуешься и сытъ! Лучше чаю съ сахаромъ. Однако, гдѣ тонко, тамъ и рвется: нынче лѣтомъ, во время жнитва, деревня, почитай до-чиста сгорѣла. Хоть по міру иди! Жили въ банѣ, на рѣчкѣ, семья большая, изозлились всѣ, измучались, обижать другъ дружку начали, хлѣбомъ корить. Дуня каждый вечеръ на рѣчкѣ подъ ветлой плакала. Надо было чего-нибудь выдумать. Посидѣли вмѣстѣ рядышкомъ на огородѣ, а на другой день чуть-свѣтъ помолились, котомки на спину взяли, подожки въ руки, поклонились въ ножки отцу съ матерью:

— Счастливо вамъ оставаться, батюшка съ матушкой! Спасибо за хлѣбъ, за соль!

— Куда вы?

— Въ городъ. Счастья свое искать.

Много тамъ этакихъ оказалось, дураковъ-то изъ лѣсу. Чуть съ голоду не подохли. Не знай, что бы и было, кабы не случай. Стояли на базарѣ да глядѣли, какъ люди говядину покупаютъ. А барыня куль всякаго добра накупила, а поднять не можетъ.

— Донеси, говоритъ, до дому,—на чай получишь!

Ну, и пошли всѣ втроемъ. А дорогой разговоръ барыня завела:

— Что, говоритъ, на мѣсто не поступаешь? Лѣнтяи, говоритъ, вы и больше ничего.

А Иванъ ей,—такъ и такъ, и рады бы, да некуда. Изъза хлѣба бы одного согласились. А у барыни домъ свой, квартиранты есть,—вотъ она и опредѣлила: Ивана въ дворники, а Дуню въ прачки. Слава Тебѣ, Господи, хоть съ голоду не помрешь. Какъ ни какъ, а сыты и пристанище есть. Только опредѣлились, а тутъ война съ нѣмцами. Объявили, что всѣмъ надо итти, и ратникамъ. Дуня при мѣстѣ осталась, а Иванъ попрощался съ молодухой,—оба маленько поплакали,—да обратно, въ свой уѣздъ, въ присутствіе. Поучили Ивана солдатскимъ наукамъ, и опомниться не успѣлъ, какъ въ чужой, дальней сторонушкѣ очутился. Словно на коврѣ-самолетѣ перелетѣлъ. Думалъ,—далеко еще до нѣмца и нескоро сражаться придется, а слѣзли съ чугунки, прошли верстъ тридцать скорымъ шагомъ и громъ услыхали. Что такое? Неужто изъ пушекъ палятъ? Упало сердце, дрожь по спинѣ пробѣжала, Дуня, какъ живая, въ памяти встала... Такъ съ этого дня и пошло. На ночь окопались и до темноты слушали, какъ и впереди и позади пушки громыхали, а надъ головой шрапнели рвались и пули свистѣли. Чуть-свѣтъ въ атаку пошли и боевое крещеніе приняли. Иванъ думалъ, что всѣмъ смерть пришла, а

послѣ атаки оказалось, что не одинъ онъ живъ остался, а всего изъ роты сорокъ три человѣка выбыло. Посмѣлѣй сталъ. А потомъ такъ привыкъ, что ругаться началъ, когда шрапнель близко разрывалась. Тяжело было. Каждый день бои пошли, вздохнуть некогда: либо идешь впередъ, либо—въ бою. Обозъ за полкомъ не поспѣвалъ, по трое сутокъ, кромѣ сухаря, во рту ничего не было. Стемнѣетъ, оборвется бой, притихнетъ стрѣльба,—надо раненыхъ подобрать, мертвыхъ зарыть, окопы поглубже вырыть, себя маленько въ порядокъ привести. Савсѣмъ, почитай двѣ недѣли, не спали. Ужъ какой тутъ сонъ? Кончится работа поздно, спрыгнешь въ свою канаву, ткнешься головой въ землю, закроешь глаза и, какъ птица на вѣточкѣ, дремлешь. Только забываться начнешь, стукнетъ кто-нибудь изъ товарищей ружьемъ или вздохнетъ, сейчасъ же опомнишься и за ружье схватишься. Такъ, однимъ глазкомъ спишь, а настоящаго сна нѣтъ. Часа три-четыре поклюешь этакъ носомъ, и опять началось. Чуть-чуть свѣтокъ, зорька пугливая появится, и опять пули посвистывать начинаютъ. Пора, значитъ, на работу! Глядишь, и отъ насъ полетѣли... А такъ пушка ахнетъ, другая, третья... И опять, какъ въ аду!.. Далеко ушли, все врага гнали. Измотались вотъ какъ: упадешь и заснешь! Проспишь часа три, въ себя придешь и валяй скорымъ шагомъ своихъ догонять. Когда ранили Ивана, упалъ онъ и подумалъ: «Ну, слава Тебѣ, Господи, донесъ свой крестъ до могилы». И больше ничего не помнитъ. А оно вышло не такъ: Господь еще пострадать велѣлъ. Какъ пришелъ въ себя, такъ сразу и понялъ, что живъ, а только лучше, если бы померъ: лежитъ въ сараѣ на соломѣ, а кругомъ враги непонятное бормочутъ. «Значитъ, конецъ, — подумалъ Иванъ.—Прощай мать-Рассеюшка, прощай, милая Дунюшка, прощайте, батюшка съ матушкой, и весь вольный

свѣтъ!» Слышалъ Иванъ, что нѣмцы нашихъ плѣнныхъ мучаютъ и приканчиваютъ, и готовился мученическую кончину принять...

Двое сутокъ лежалъ, все ждалъ смерти. А она не приходила. Пить-ѣсть не давали, дѣйствительно, а не трогали. А потомъ, на третьи сутки, тихо вдругъ стало. Далеко гдѣ-то бой шелъ, а кругомъ словно всѣ померли. Одинъ въ сараѣ на соломѣ лежалъ, и отъ голоду въ головѣ мутилось, и губы высохли, запеклись. Хотѣлъ до двери доползти, не вышло: нога такъ заныла, что отъ боли, какъ ребеночекъ, заплакалъ. Можетъ, и померъ бы съ голоду или отъ раны, если бы не случай. Собачка подъ дверь сарая залѣзла, увидала Ивана и давай лаять. А потомъ человѣческій голосъ услыхалъ: плачетъ женщина на дворѣ. Она, эта женщина, Ивана и обнаружила. Сперва-то оба они другъ дружку испугались, а потомъ ничего... Напоила, кусочекъ хлѣба принесла и понимать другъ дружку стали. Говоритъ женщина, хотя и не по-нашему, а все-таки понять можно. Черезъ три дня послѣ этого наши солдаты мимо шли, женщина ихъ въ сарай привела. А Иванъ въ жару горѣлъ, какъ въ огнѣ. Вытащили его изъ сарая на солнышко и опять ничего не помнитъ, какъ было дальше... Помнитъ только, что словно все летѣлъ куда-то, какъ птица на крыльяхъ. И сколько времени летѣлъ, не знаетъ. Будто очень долго... Потомъ чудилось, что въ рай попалъ, и кругомъ будто апостолы въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, и Матушка-Заступница, и святые мученики и мученицы въ бѣлоснѣжныхъ ризахъ и будто разговоръ идетъ объ Иванѣ, сколько грѣховъ и добрыхъ дѣлъ за нимъ числится? Когда болѣзнь силу потеряла, рай больницей оказался. Глядитъ и глазамъ не вѣритъ: горница барская, постель барская, одѣяло барское, бѣлье, какъ снѣгъ, свѣтло, и чистота такая, словно все новое. И сидитъ у его постели

женщина въ бѣломъ платьѣ и въ бѣломъ платочкѣ, ласково улыбается всей красотой своей и говоритъ:

— Думали, ногу придется отнять, а, слава Богу, обошлось безъ этого!

Тутъ только Иванъ вспомнилъ, что ему пережить пришлось, все вспомнилъ до послѣдняго пустяка, даже собачку, какъ живую, передъ глазами увидалъ, что въ сараѣ на него лаяла. И такъ вдругъ ему радостно стало на душѣ, что все это прошло, и что живъ онъ остался,— что сталъ смѣяться, плакать и смѣяться... А кругомъ не понимаютъ, въ чемъ дѣло, почему плачетъ и смѣется:

— Не въ себѣ онъ!—говоритъ солдатъ на сосѣдней койкѣ.—Въ родѣ, какъ бы тронулся разумомъ-то...

Хотѣлъ Иванъ сказать имъ про ошибку, да говорить неохота. Все бы хорошо, да ѣсть мало даютъ.

— А ты, сестрица, каши бы съ саломъ, али щецъ солдатскихъ!

— Нельзя еще. Вотъ что будетъ черезъ недѣльку...

Молокомъ поили, яичко въ смятку давали, сухарикъ бѣлый. Развѣ отъ этого сытъ будешь? Цѣлую недѣлю лежалъ и все ждалъ: только о кашѣ да щахъ и думалъ, да еще о Дунюшкѣ. Вмѣсто недѣли двѣ прождалъ, а потомъ въ другую горницу перевели, гдѣ съ легкими ранами были, выздоравливающіе. Вотъ тутъ ужъ и начался настоящій рай. Кормить стали не хуже господскаго, работы никакой: либо полеживаешь и картинки смотришь, либо, какъ баринъ, въ халатѣ погуливаешь, а кисточки болтаются... На ногахъ—туфли мягкія, ходишь, словно по лугу. Два разъ въ недѣлю въ купель сажаютъ,—тѣло бѣлое стало, словно дышитъ все. Обхожденіе ласковое. Чай тебѣ на подносѣ подаютъ, съ молокомъ или съ лимономъ, сестрицы, голубки бѣлыя, одна другой красивѣе и все о здоровьи справляются:

— Какъ ваше здоровіе?

— Покорно благодаримъ! Какъ вы поживаете?

— Какъ нога ваша?

— Ничего. Тоже оправляется, свое дѣло хочетъ исполнять!

Каждый день докторъ осматриваетъ, очень безпокоится о ногѣ Ивана. Словно родственникъ! А по воскресеньямъ и четвергамъ — гостей видимо-невидимо. Все господа больше. Барыни и барышни. Есть которые на автомобиляхъ пріѣзжаютъ. За ручку когда здороваются и угощаютъ: и яблочками, и папиросами, и пряниками, газеты читаютъ и все разспрашиваютъ, какъ было. Жалостливыя очень! Одна, очень даже видная изъ себя, послушала разсказъ, какъ Иванъ смерти ждалъ, отерла слезу платочкомъ и цвѣточковъ ему на столикъ положила... У меня, говоритъ, мужъ на войнѣ. Какая жизнь! Помирать не надо... Словно бариномъ сдѣлался! Всѣ тебѣ услужить желаютъ и всѣ о тебѣ безпокоятся. Кабы поглядѣла Дунюшка! Вчерась господа пріѣхали съ музыкой. Играли и пѣли. Словно въ раю ангелы поютъ!—Ей-Богу! А какъ на балалайкахъ заиграли, такъ сидѣть невозможно: кабы не нога больная, такъ бы сорвался и пошелъ ногами раздѣлывать! Говорятъ, кажній праздникъ эти забавы будутъ для нихъ... Вотъ кабы Дунюшка послушала! Далеко она отсель. Писалъ ей, да отвѣту нѣтъ. Можетъ, прогнали съ мѣста, и опять въ деревню ушла. Вспомнитъ и соскучится Иванъ въ раю своемъ. Хоть бы однимъ глазкомъ Дунюшку увидать да ласковымъ взглядомъ обмѣняться! Въ тягостяхъ, вѣдь, она осталась, Дунюшка-то: къ Рождеству родить должна...

— Что, Иванъ Егорычъ, призадумались?

— А такъ... разное въ голову лѣзетъ. Письмецо бы надо супругѣ написать, а только неизвѣстно, гдѣ онѣ находятся... супруга наша.

— Я вамъ могу письмо написать. Вечеркомъ, когда съ дежурства освобожусь!

Постарайтесь, сестрица милосердная!

Исполнила обѣщаніе: вечеромъ съ чернильницей и съ бумагой къ столику подсѣла:

— Ну, говорите, что писать!

«Любезной супругѣ нашей, Авдотьѣ Миколавнѣ шлю поклонъ въ первыхъ строкахъ и цѣлую безсчетное число разъ въ уста сахарныя. По милости Господа живъ и здоровъ, въ лазаретѣ нахожусь съ пулей въ ногѣ, а только прошу не безпокоиться, нога при мнѣ останется, а докторъ пулю вытащутъ благополучно, такъ что полное дѣйствіе будетъ, и тогда вернусь къ вамъ, любезная супруга наша, Авдотья Миколавна. А только неизвѣстно, гдѣ васъ искать. Живу я такъ, какъ словно изъ мужиковъ въ господа переписался, халатъ на мнѣ и тухли и никакой работы не имѣю, окромя какъ пить, ѣсть, въ купели плавать, спать и разныя забавы господскія слушать. Полагаю такъ, что въ раю не лучше, а между прочимъ однимъ недоволенъ, что нѣтъ въ раю этомъ супруги нашей, любезной Авдотьи Миколавны, которая при томъ же находится въ тягостяхъ. Немедленно имѣю честь просить отвѣтить письменно о вашемъ здравіи и благополучіи, о коемъ денно и нощно молю Бога о васъ, любезная супруга наша, Авдотья Миколавна, а пока остаюсь въ надеждѣ на скорое свиданіе—законный супругъ вашъ, взводный 12 роты Иванъ Егоровъ».

СЕСТРА.

Семья была большая, жила въ постоянныхъ недохваткахъ, въ надоѣдливыхъ, убивающихъ радость жизни заботахъ о завтрашнемъ днѣ. Когда умеръ отецъ, вся тягота легла на хворую мать и на старшую въ семьѣ, Анюточку. Обѣ служили, мать—на желѣзной дорогѣ, дочь—въ конторѣ банка и, какъ пара ломовыхъ лошадей, тянули тяжелый возъ жизни на гору. На возу сидѣли: два гимназиста, Петя и Гриша, двѣ гимназистки, Надя и Катя, нянька съ трехлѣтней Олечкой. Анюточка была самая красивая въ семьѣ. Когда она училась въ гимназіи, за ней вѣчно тянулся хвостъ влюбленныхъ воздыхателей, гимназистовъ, потомъ—студентовъ, но Анюточка была гордая, всѣхъ отвергала и все ждала какой-то особенной, идеальной любви. А такая любовь медлила приходомъ. Анюточка была на курсахъ, когда умеръ отецъ. Пришлось эти курсы бросить и поступить въ банкъ, чтобы многочисленное семейство могло продолжать свое существованіе. На пенсію и на заработокъ матери и Анюточки ухитрялись не только жить, но и учиться. Жизнь кое-какъ наладилась, но для Анюточки эта жизнь была не лучше каторжныхъ работъ... Пишущая машина сдѣлалась для ней той галерой, къ кото-

рой приковываютъ преступниковъ: даже по праздникамъ Анюточка стучала на машинкѣ, выстукивая нѣсколько лишнихъ, добавочныхъ къ жалованью гривенниковъ. Съ утра до сумерекъ. Съ огнемъ уходила и съ огнемъ возвращалась она домой въ осеннiе и зимнiе дни, а потомъ, послѣ обѣда надо было помочь братьямъ и сестрамъ выучить уроки, сдѣлать задачи, написать сочиненiе. Лѣтомъ нанимали подъ городъ дешевую дачку, чтобы ребята получали побольше «кислорода», и матери съ Анюточкой приходилось много лишняго времени тратить на проѣздъ въ городъ на службу и обратно. Очень уставали, сердились, страдали мигренями... Такъ проходили годы. Личной жизни у Анюточки не было. Приходилось отказываться отъ всѣхъ радостей... Въ бѣлыя весеннiя ночи Анюточка часто плакала, запершись въ своей комнаткѣ. О чемъ? Она сама не знала. Можетъ быть, потому, что въ такiя ночи острѣе чувствовалось одиночество, въ которомъ блекла дѣвичья красота, никому-никому, даже ей самой, ненужная... Вѣдь, ей уже двадцать шесть лѣтъ. Двадцать шесть! Неужели? Неужели она, Анюточка, старая дѣва? Почему это такъ страшно? Глупо...

И Анюточка начинала хохотать сквозь слезы. Подавляемый плачъ, а потомъ странный, непрiятный смѣхъ тревожили мать. Она тихо подкрадывалась къ запертой двери, затаивъ дыханiе, прислушивалась и потомъ окликала тревожнымъ полушопотомъ:

— Анюточка! Ты что это?

— Ничего! Идите и спите. Завтра рано вставать.

— Ты здорова?

— Очень.

— Гм... А мнѣ показалось, что ты... плачешь?

— О чемъ мнѣ плакать? Ну, о чемъ? Я очень счастлива, очень!

Изрѣдка семью навѣщали старые знакомые, все больше старушки и вдовы. О, эти доброжелательныя женщины не знали никакой жалости! Онѣ начинали съ того, что прямо брали за горло одиноко-страдающую дѣвичью душу:

— Говорятъ, Анюточка у васъ замужъ выходитъ?

— Кто ее знаетъ. Она отъ меня скрываетъ свои сердечныя дѣла...

— Никакихъ сердечныхъ дѣлъ у меня нѣтъ. И... не будетъ!

— Ну, ужъ это, положимъ, глупости! Какія ваши года! Сколько вамъ? Тридцати нѣтъ еще?

Мать обижалась за Анюточку:

— Да что вы это! Откуда? Ей двадцать... четыре, что ли, будетъ.

— Мама! Зачѣмъ вы врете? Мнѣ двадцать шесть!

— Какъ такъ?

— Теперь, вѣдь, поздно женятся...—утѣшала гостья и, прищурясь, всматривалась въ лицо покраснѣвшей дѣвушки. А потомъ удивлялась:

— Такая миленькая, хорошенькая дѣвушка сидитъ въ дѣвкахъ! Не понимаю нынѣшнихъ мужчинъ...

— У меня есть выигрышный билетъ перваго займа... Вотъ перваго января выиграемъ 200 тысячъ, тогда...

— Тогда сразу вкусы перемѣнятся!

— Какая пошлость!—вспыхивая, шептала Анюточка и исчезала, бросивъ мать съ гостьей.

Пошлость, кругомъ пошлость, одна пошлость. Какая тамъ идеальная любовь! Въ юности Анюточка вѣрила въ такую любовь и ждала ея, а теперь... Сколько разъ разные начальники, пузатые, плѣшивые съ одышкой и кашлемъ, объяснялись Анюточкѣ въ любви съ наглымъ предложеніемъ сдѣлаться содержанкой! Хотѣлось ударить, закричать, затопать ногами, разрыдаться, а при-

ходилось мило улыбаться и не понимать оскорбленія. О, какъ ненавидитъ Анюточка этихъ жирныхъ пошляковъ! Иногда Анюточкѣ начинаетъ казаться, что всѣ мужчины—такіе же пошляки, только одни глупѣе, а другіе хитрѣе...

Вотъ такъ и уходитъ молодость, и жизнь уходитъ. И съ каждымъ годомъ около глазъ появляются новыя тонкія, какъ паутинки, морщинки, и кожа на рукахъ и на лицѣ теряетъ прежній блескъ и нѣжность, точно сохнетъ. Руки... О, проклятая машинка!.. Тонкіе, сухіе пальцы, синеватыя жилки, краснота на суставахъ... Совсѣмъ старыя руки! Онѣ стучатъ, стучатъ, стучатъ, вѣчно стучатъ и кажутся рычагами машинки, такими же рычагами, какіе скачутъ при ударахъ пальцами на бумагу, оставляя строчки синихъ буквъ... Иногда хочется плакать,—такъ некрасивы стали руки! Иногда Анюточка, причесываясь передъ зеркаломъ, вдругъ опуститъ глаза и руки и застынетъ въ неподвижности. Закроетъ глаза крѣпко-крѣпко и выдавитъ ими слезы. Побѣгутъ слезки по щекамъ, защекотятъ...

— Старая дѣва... старая дѣва...—шепчутъ губы.

Жестоко смѣется иногда надъ нами жизнь. Такъ случилось съ Анюточкой. Отдала она семьѣ свою молодость, радость и счастье всей своей жизни, и когда сдѣлалась старой дѣвой, оказалось вдругъ, что жизнь не приняла ея личной жертвы, посмѣялась надъ ней и тихо шепнула на ухо:

— Теперь ты совершенно свободна!

Да, теперь она свободна. Началось съ того, что въ семью ворвалась скарлатина и унесла сперва Олечку, потомъ Гришу и Катю. Въ тотъ же годъ старшій братъ Петръ, изъ котораго, къ изумленію и ужасу Анюточки, вышелъ типичный студентъ-бѣлоподкладочникъ, фатъ и прожигатель жизни, женился на богатой вдовѣ-купчи-

хѣ съ каменнымъ домомъ, съ дачей въ Крыму, съ процентными бумагами, успокоилъ на старости лѣтъ свою мамашу и взялъ подъ свое покровительство и ее, и кончавшую гимназію Надю, а Анюточкѣ сказалъ:

— Если тебя, Анюта, не компрометируетъ наша принадлежность къ «союзу русскаго народа», заходи, будемъ очень рады!..

— Мерси,—сказала Анюта, плотно сжимая губы...

И осталась Анюточка одна, съ выигрышнымъ билетомъ перваго займа, который подарила ей, умирая, мать. Ничего не стало, только одинъ этотъ выигрышный билетъ! Это было все, что получила Анюточка взамѣнъ молодости, радости и счастья жизни, взамѣнъ любви къ семьѣ и любви семьи къ ней, Анюточкѣ, взамѣнъ всѣхъ привязанностей и всѣхъ жестокихъ жертвъ. Казалось, что судьба ликвидировала вдругъ самую жизнь Анюточки, подвела всѣ итоги, взвѣсила и оцѣнила всю прожитую до сихъ поръ Анюточкой жизнь въ одинъ этотъ выигрышный билетъ перваго займа. Развѣ это такъ плохо? Вѣдь, кто знаетъ?—Можетъ быть, именно этотъ билетъ выиграетъ 200 тысячъ!..

Анюточкѣ было уже тридцать пять лѣтъ. Въ этотъ годъ ей было особенно тяжело. Быть можетъ, близкая осень жизни возвращала старѣющую дѣвушку къ порывамъ юности, къ воспоминаніямъ о быстро и украдкой убѣжавшей молодости. Никогда еще не хотѣлось ей такъ любить, быть любимой, имѣть близкую душу, съ которой можно было бы раздѣлить непочатый запасъ всѣхъ способностей женской души и тѣла! Никогда не хотѣлось такъ на кого-нибудь излить свою неистраченную потребность дѣйственной женственности, страшную жажду интимной близости, дружбы, самопожертвованія!.. Никому не нужно! Вотъ если одно

твое красивое еще и стройное тѣло,—тогда такъ, а тѣло съ душой... Какая наивность со стороны тридцати пятилѣтней старой дѣвы!..

Лѣтомъ тоска одиночества перешла въ отчаяніе. Зачѣмъ жить? Кому нужна ея жизнь? Чего ей ждать впереди, кромѣ сроковъ выигрышей и тиражей билетовъ перваго внутренняго займа? Все чаще по ночамъ приходила къ Анюточкѣ мысль о самоубійствѣ. Смерть улыбалась ей во тьмѣ безсонныхъ ночей, снилась покойная мать, чудился ея голосъ:

— Иди, бѣдная Анюточка, ко мнѣ! Здѣсь такъ спокойно и хорошо...

— Да, да, мама... Я скоро приду къ тебѣ... Я такъ измучилась, такъ устала...

Быть можетъ, такъ и случилось бы, если бы предъ одинокой, побѣжденной уже мракомъ душой Анюточки не раскрылось новаго неожиданнаго выхода: война! Можно пойти въ сестры милосердія, связать свою жизнь съ людскими страданіями, почувствовать себя нужной на свѣтѣ, найти выходъ изъ страшнаго тупика жизни... О, такъ много еще силъ, здоровья, способности страдать чужими страданіями, такъ сильна еще жажда отдавать себя людямъ, сознавать себя полезной, доброй и ласковой! А гдѣ, какъ не тамъ, на войнѣ, люди нуждаются въ любви и ласкѣ?

Словно повязка спала съ глазъ Анюточки, и она снова увидала міръ солнечнымъ и красочнымъ. Нѣтъ, она не хочетъ умирать, она хочетъ жить, жить, жить! Хотя бы только для другихъ! Только для другихъ!..

— Мама! Милая мамочка! Прости меня... Только теперь я почувствовала и поняла, какой подарокъ ты мнѣ сдѣлала!—думала Анюточка, торопливо шагая въ банкъ, чтобы продать свой выигрышный билетъ. Да, она уже выиграла 200 тысячъ! Вѣдь, если бы не было этой

бумажки, она не могла бы освободиться отъ проклятаго банка и поступить на курсы сестеръ милосердія!

Все случилось такъ быстро, удивительно быстро. Словно въ другой міръ переселилась вдругъ Анюточка. И вся жизнь, казалось, раскололась на-двое: «тогда» и «теперь». Странно, когда посмотришь на «тогда». Словно два разныхъ человѣка. Развѣ «Анюточка» похожа на сестру Анну? Нѣтъ. Та такая бѣдная, несчастная, никому ненужная. А эта...

— Сестрица милосердная! Подойди ты ко мнѣ, Христа ради!

— Иду, иду, голубчикъ!

— Гдѣ сестра Анна?

— Сестра Анна! Сестра Анна!

Всѣмъ нужна сестра Анна. Въ палатѣ три сестры, но кажется, что всѣмъ нужна только она, Анна. И больнымъ, и здоровымъ, и доктору, и фельдшеру, и другимъ сестрамъ. Какъ бѣлый ангелъ сестра Анна въ своей палатѣ. Такая огромная, неизсякаемая сила дѣйственной любви, рождающая всеобщее тяготѣніе къ этой прекрасной женщинѣ въ бѣломъ одѣяніи. У ней такое милое, свѣтлое лицо, такая тихая, ласковая улыбка и такой удивительный свѣтъ источаютъ ея грустные глаза! Чудо любви: когда сестра Анна садится на постель къ больному, стонущему отъ боли солдату и, наклонившись, начинаетъ тихо говорить ему самыя обыкновенныя слова, тому кажется, что боль ослабѣваетъ, что ему легче, что страданія стихли... Больной возьметъ руку сестры, закроетъ глаза и тихо заснетъ съ улыбкой на сухихъ, запекшихся губахъ. Когда сестра Анна дѣлаетъ перевязку, то не такъ больно и скорѣе заживаетъ... Когда сестра Анна подаетъ пищу, она кажется вкуснѣе. Легче умирать, когда рядомъ она, милосердная сестрица Анна... Какъ мать! Страшная ночь. Долго борется

сильное, молодое тѣло со смертью. Еще вчера началась агонія, а вотъ и ночь прошла, и новый день прошелъ, пришла опять ночь, а все еще теплится сознаніе, вздрагиваетъ и вспыхиваетъ, какъ догорающій огарокъ.

— Сестру Анну зоветъ!

Тихо входитъ бѣлый ангелъ въ палату и склоняется къ постели умирающаго. Тотъ словно чувствуетъ эту близость: раскрываетъ отяжелѣвшіе глаза и кротко улыбается: онъ узналъ! Говорить не можетъ. Только держитъ и судорожно сжимаетъ руку бѣлаго ангела. Какъ мать! Ткнулся головой въ грудь сестры Анны и хрипитъ, тяжело вздымая простреленную грудь... Можетъ быть, умирающему чудится, что это мать пришла проститься въ послѣднія минуты жизни... Не выпускаетъ руку и все крѣпче цѣпляется пальцами... Все рѣже хрипъ, все тяжелѣе тѣло, а рука еще горяча и не выпускаетъ... Сестрица Анна сидитъ, и слезы прыгаютъ съ ея рѣсницъ. Можетъ быть, легче человѣку умирать, когда надъ нимъ и его жизнью, внезапно и насильственно оборванной, есть кому пролить горячія слезы?..

Безграничными страданіями и ужасами полна жизнь. Иногда хочется закричать всему міру:

— Будетъ же! Будетъ! Развѣ не одинъ Богъ надъ вами?!

Но ярче горитъ въ этихъ страданіяхъ любовь къ человѣку, и въ душѣ пожаромъ разгорается жажда подвиговъ милосердія.

— Сестра Анна уходитъ отъ насъ!

— Можетъ быть, вы передумаете, сестра?

— Нѣтъ. Я хочу т у д а... Здѣсь насъ много, а тамъ я буду нужнѣе.

— Сестра Анна уѣзжаетъ на передовыя позиціи!

— Почему? Развѣ не все равно, гдѣ работать?

— Не знаю. Мнѣ кажется, что тамъ я буду нужнѣе...

Уѣхала сестра Анна, и словно душа отлетѣла отъ палаты, въ которой она работала.

— А что не видать сестрицу милосердную Анну?—справляется, словно стонетъ, доживающій послѣдніе дни солдатъ Коробовъ и тревожно озираетъ палату воспаленнымъ взоромъ.

— А зачѣмъ тебѣ ее?

Зачѣмъ ему сестра Анна? Онъ и самъ не знаетъ.

— А такъ... Соскучился что-то. Посидѣла бы возлѣ меня!.. Хуже мнѣ что-то...

— Нѣтъ ея. Уѣхала она отъ насъ.

— Что это она? Поглядѣлъ бы на нее...—плачетъ Коробовъ.

Коробову даютъ лѣкарство. Отпилъ и отказывается:

— А ты дала бы мнѣ того, чѣмъ поила сестрица Анна! То помогало мнѣ, а это...

— Капризничаешь...

Нѣтъ сестры Анны, а каждый день приходятъ письма въ лазаретъ на ея имя,—это не могутъ забыть сестрицу милосердную тѣ калѣки, которые вышли изъ лазарета и на которыхъ излилась частица чистой женской души...

Гдѣ теперь она, сестра Анна, этотъ кроткій бѣлый ангелъ, отлетѣвшій на поля, политыя человѣческой кровью?.

II.

ТАМЪ.

ВЪ ПЕРЕДОВОМЪ ОТРЯДѢ.

I.

Ѣхать вольнымъ пассажиромъ или военнымъ корреспондентомъ,—о, это совсѣмъ непохоже на передвиженіе съ отдѣльнымъ эшелономъ въ спеціальномъ воинскомъ поѣздѣ. Съ того момента, какъ нашъ отрядъ погрузился и отошелъ отъ Москвы, мы очутились какъ бы на кораблѣ. Въ Москвѣ мы тонули въ страстныхъ разговорахъ и безчисленныхъ впечатлѣніяхъ отъ войны; теперь насъ словно отрѣзали отъ нея. Первые дни жевали старую военную пищу, ибо у насъ были послѣднія газеты, но скоро очутились въ безбрежномъ просторѣ полной неизвѣстности. Проплывали станціи, долго стояли на запасныхъ путяхъ, не вѣстя ни дня, ни часа, въ которой двинемся дальше; никто этого, казалось, не зналъ, отлучаться не полагалось, отходили безъ всякихъ сигналовъ. Казалось, что поѣздъ самъ, когда хотѣлъ, тогда и двигался. Какъ лошадь съ норовомъ. Поѣздъ превратился въ обособленный мірокъ, съ сотней душъ жителей, и главная и, пожалуй, пока единственная радость наша была въ томъ, что большинство жите-

9*

лей обоего пола были молоды, здоровы, бодры и жизнерадостны. Все больше—учащаяся молодежь. А старшіе, распорядители отряда, хотя и солидные люди, подобрались такъ удачно, что очень скоро мы почувствовали себя одной большой и дружной семьей. Приспособляясь къ новымъ необычнымъ условіямъ походной жизни, населеніе поѣзда быстро выработало свой modus vivendi, свой укладъ и порядокъ дня, свои обычаи, развлеченія, и первую недѣлю корабль нашъ плылъ, хотя и очень медленно, но съ окрыляющей надеждою достигнуть, наконецъ, опредѣленнаго, заранѣе намѣченнаго пункта. (Мы ѣхали на фронтъ Ченстоховъ—Краковъ). При долгихъ остановкахъ въ чистомъ полѣ, когда чувствовалось, что паровозъ нашъ подвергся припадку норова, молодежь высыпала изъ вагоновъ, устраивала кругъ и начинались хоровыя пѣсни, а затѣмъ появлялась гармонія и бубенъ, и начиналась пляска съ посвистомъ, въ которой, обыкновенно, принимали косвенное участіе и сбѣгавшіеся жители... Мужики и бабы умиленно смотрѣли на нашъ бравый, молодецкій отрядъ въ папахахъ, мужики ласково ухмылялись, а бабы смотрѣли жалостливо, задумчиво... Сильно запечатлѣлось лицо одной молодой бабы. Быть можетъ, мужъ ея ушелъ на войну. Подпершись рукою, она долго смотрѣла на пляску, потомъ въ глазахъ ея показались слезы:

— Милые, голубчики! Соколики мои ясные! — прошептала она, отирая кончикомъ платка слезы, и такое страданіе освѣтило ея лицо, что съ него можно было рисовать Mater dolorosa!..

Какъ оазисы въ пустынѣ, были для насъ большіе города съ многочасовыми остановками, гдѣ намъ разрѣшалось пріобщиться къ міру и культурѣ: посидѣть въ буфетномъ залѣ, поѣсть горячей пищи, посибаритничать и схватить мѣстную газетку, изъ которой мы по-

черпали нѣчто новое. Въ Оршѣ встрѣтили огромную партію плѣнныхъ австрійцевъ изъ-подъ Кракова. Они были такъ голодны, что буквально вырывали изъ рукъ сестеръ хлѣбъ, которымъ тѣ запасались въ путь, эти жалкіе, приниженные, плохо одѣтые защитники Кракова, спѣшившіе униженно заявлять о своей лойяльности.

— Сколько ихъ?—спрашиваю солдата изъ охраны.

— Больше тысячи.

— Все австрійцы, или...

— Все наши!

Австрійцевъ солдаты называютъ почему-то «нашими», а про нѣмцевъ говорятъ:

— Гордый онъ, нѣмецъ!

— Въ плѣнъ не сдается?

— Сдается, когда приспичитъ, а такъ не любитъ. А эти—жестъ на плѣннаго австрійца,—эти ласковые! Вотъ какой случай у насъ былъ. Были мы въ сторожевомъ охраненіи при лектрическомъ фонарѣ... Какъ его?

— Прожектеръ!—подсказалъ другой.

— Да, при ёмъ самомъ. Вотъ ночью сидимъ, и чудится,—идутъ. А темень,—хоть глазъ выколи! Слушаемъ,—идутъ, много ихъ. Хотѣли стрѣлять, а только подумали,—много, а у насъ полурота. Побѣгли на постъ, къ фонарю; господинъ прапорщикъ освѣтилъ дорогу, глядимъ, а ихъ человѣкъ пятьдесятъ идутъ, руки вверхъ держатъ. Въ плѣнъ, значитъ! Смѣху было!.. Думали, насъ въ плѣнъ возьмутъ, а вышло...

Добрались до Брестъ-Литовска. Отсюда начались уже наши великія стоянія. Стояли съ ранняго утра до ночи, и здѣсь получили первое извѣстіе, что туда, куда мы ѣхали, не поѣдемъ, а куда именно поѣдемъ, пока неизвѣстно, и узнаемъ объ этомъ въ Ивангородѣ. Прибыли въ Ивангородъ и сѣли на мель. Здѣсь уже все го-

воритъ только о войнѣ. Вокзалъ съ утра и до утра кишитъ публикой въ военной формѣ и съ красными крестами, дымъ идетъ коромысломъ. Главный контингентъ публики—части, обслуживающія тылъ арміи, застрявшіе санитарные отряды, мѣстное крѣпостное офицерство, возвращающіеся вторично въ армію боевые прапорщики, герои, командированные за теплой одеждою офицеры, врачи, сестры, сестры, сестры, разные уполномоченные, военные чиновники. Все это жадно ѣстъ и жадно пьетъ; звонъ и гулъ въ залѣ отъ посуды, криковъ, звона шпоръ и шашекъ. Картина красочная и пестрая. Вотъ, браво опершись рукою о столъ, стоитъ красивый донецъ въ распахнутой поддевкѣ, за которой ярко горитъ голубая рубаха; вотъ тонкій красивый летчикъ въ оригинальной скуфеечкѣ съ позументомъ; вотъ военный прокуроръ, вотъ полевой контроль, «финансы»,—все это въ движеніи, въ особенной суетѣ. Знакомлюсь съ летчикомъ. Нервный красивый французъ.

— Ѣдете летать?

— Летаю по желѣзнымъ дорогамъ, отыскиваю свой куда-то засланный аппаратъ!

На лицѣ раздраженіе.

Заговариваю съ донцомъ. Бравый вояка съ серьгой въ ухѣ, съ карими сверкающими удалью глазами. Разсказываетъ удивительный случай: увѣряетъ, что въ ихъ сотнѣ у одного хорунжаго послѣ боя носъ поплылъ съ своего мѣста, а потомъ снова всталъ на прежнее мѣсто. Увѣряетъ, что это—отъ нервнаго напряженія. Кругомъ удивляются.

Простояли двое сутокъ и только благодаря энергіи нашего уполномоченнаго проскочили, наконецъ, дальше. Выяснилось, что подъ Краковъ не поѣдемъ, туда направили другой отрядъ, а нашъ путь на Конскъ. Пока мы

ѣхали, успѣло многое измѣниться. Отъ Ивангорода можно наблюдать уже много слѣдовъ пребыванія непріятеля: разрушенныя водокачки, желѣзнодорожныя мастерскія, нѣкоторыя фабрики. Въ общемъ всѣ эти разрушенія не носятъ характера безцѣльнаго злодѣйства, а имѣютъ съ военной точки свое основаніе. «Звѣрства» выразились только въ реквизиціи лошадей и экипажей подъ квитанціонныя расписки и въ отобраніи съѣстныхъ припасовъ и спиртныхъ напитковъ. Переживъ еще одну мель въ Скаржиско, пріѣхали, наконецъ, въ городокъ Конскъ, гдѣ нѣкогда пребывалъ въ замкѣ графа Тарновскаго принцъ Іохимъ и генералъ Гинденбургъ. Принцъ маленько покутилъ, поохотился за куропатками и женщинами и уѣхалъ, но ничего съ собой не увезъ. И вообще никакого вреда графскимъ владѣніямъ не причинилъ. Городокъ маленькій, носящій въ себѣ рѣзкую распрю польской и еврейской національностей, отчего страдаютъ, конечно, обѣ стороны, ибо раздоръ сей чреватъ послѣдствіями. По городу ходитъ слухъ, похожій на анекдотъ. Какъ анекдотъ, онъ заслуживаетъ быть разсказаннымъ. Болтаютъ, что, когда русскіе покинули городъ и туда вошли нѣмцы, евреи будто бы обратились къ нѣмецкимъ властямъ съ жалобой на поляковъ и съ просьбой разрѣшить имъ устроить польскій погромъ!.. Нѣмцы, увы,—не разрѣшили.

Выѣхали изъ Москвы 21 ноября. Сегодня уже 2-е декабря, а мы все еще не знаемъ, когда и куда насъ двинутъ. Началось поголовное томленіе духа. Молодежь жаждетъ работы, груститъ, настроеніе понизилось. Транспортъ разгруженъ, истомились и люди, и лошади. Одна лошадь съ тоски пала... Ночью наблюдали игру прожекторовъ на небѣ и слушали отдаленную канонаду...

Говорятъ, что съ часу на часъ мы получимъ назначеніе...

II.

Сегодня—второе декабря, а небеса синѣютъ, солнышко ласково улыбается. Кажется, что дѣло происходитъ въ концѣ сентября, въ хорошій ведренный день. Весь отрядъ обѣдаетъ и ужинаетъ на вольномъ воздухѣ, около своихъ дымящихъ подвижныхъ кухни и кипятильника. Притягательная сила этихъ машинъ дѣйствуетъ на большомъ разстояніи: вокругъ стоятъ и жадно смотрятъ въ ротъ голодныя дѣти съ кувшинами и плошками, ожидая остатковъ, крутятся собаки, свои и чужія. (Дорогой мы набрали нѣсколько собакъ, которыя получили соотвѣтствующія военному времени клички!). Продукты дороги и трудно добывать ихъ, поэтому сердечная доброта наша не можетъ особенно проявляться къ этимъ худымъ голоднымъ дѣткамъ. На первыхъ порахъ многіе старались умышленно не доѣсть, чтобы вылить остатокъ въ протянутый кувшинъ. Но голодъ не тетка. Вообще на войнѣ человѣческая гуманность очень быстро тускнѣетъ... Кухня, пища, «ѣдево»—становятся главнымъ центромъ человѣческаго мышленія. Безпечная молодежь давно поѣла свои московскіе запасы, сласти и деликатесы, развлекаясь въ пути взаимнымъ угощеніемъ. Теперь можно побаловать себя только въ грязной цукернѣ: тамъ дадутъ кофе, пирожнаго, колбасу съ капустой. Предъ Конскомъ къ намъ подсѣлъ молодой военный врачъ, г. П. Веселый, жизнерадостный и остроумный человѣкъ, очень ядовито описывавшій нашу будущность:

— Главнымъ дѣломъ вашимъ будетъ: свертываться и развертываться!—пугалъ онъ рвущихся на живое дѣло людей.

— Почему?

— Только развернетесь, — приказъ: передвинуть госпиталь туда-то, а такъ какъ вы довольно- таки нагружены, то... Такъ будетъ при наступленіи и... стратегическомъ передвиженіи. Летучки—другое дѣло: онѣ подвижны, а это на войнѣ главное.

Мы погрузились на сорока подводахъ и ждали съ нетерпѣніемъ движенія впередъ. Наканунѣ перваго декабря выяснилось: въ Новорадомскъ. Однако, въ ночь снова послѣдовала перемѣна. Пришла экстренная депеша измѣнить направленіе. А мы было уже поѣхали. Что такое? Въ чемъ дѣло? Увы!—Теперь мы не должны ничего знать.

— Господа! Насъ въ Опочну!

— Куда угодно, только бы ѣхать, наконецъ!

— Обозъ готовъ? Трогайте!

Поползли сорокъ паръ фурманокъ, кухни на колесахъ, кипятильники; запрыгали около обрадовавшіяся собаки. Санитары, конюха, повара и нѣсколько братьевъ милосердія двинулись съ обозомъ, загудѣли автомобили — ихъ у насъ семь, — часть администраціи поѣхала въ автомобиляхъ, а остальные—медицинскій персоналъ и сестры остались въ вагонахъ, чтобы ѣхать въ Опочну поѣздомъ. Отъ Конска до Опочны верстъ тридцать пять. Къ вечеру были въ Опочнѣ всѣ, кромѣ обоза, который заночевалъ на полпути: непрерывный потокъ движенія и непролазная грязища на шоссе позволяли двигаться со скоростью не болѣе 3-хъ верстъ. Ночью слушали канонаду и смотрѣли на пожарища въ направленіи Петрокова. Ночь была темная, по сторонамъ дороги пылали костры; какъ бурливая рѣка, гудѣло шоссе подъ непрерывнымъ живымъ потокомъ людей и животныхъ; ночную темноту прорѣзало конское ржанье, сердитые окрики всадниковъ и обозныхъ. Да, теперь всей душой

и всѣмъ тѣломъ чувствовалось, что мы добрались до района военныхъ дѣйствій. Занятые нами пустые дома—нетоплены, грязны; поминутно хлопаютъ двери, скрипятъ подъ тяжелыми ногами лѣстницы. Никому не спится. Сестры, послушавъ канонаду, собрались въ своихъ двухъ комнатахъ и съ нервнымъ возбужденіемъ дѣлятся своими впечатлѣніями. Ночью пришла новая депеша:

— Обождать развертываніемъ!

— Что бы это могло значить?

Гудитъ огненноглазый автомобиль у крыльца. Наше начальство поддерживаетъ связь съ военными сферами. Нервная повышенность мѣшаетъ всѣмъ успокоиться, такъ какъ каждая новая депеша можетъ перевернуть вверхъ ногами всѣ наши предположенія.

— Можетъ быть, опять насъ—въ другое мѣсто?

— Пока нельзя развертываться.

— Канонада слышна?

— Да.

Гдѣ-то идетъ бой. Вѣтерокъ со стороны Петрокова, а Петроковъ отъ насъ верстахъ въ сорока слишкомъ. Неужели слышно такъ далеко? И почему подъ Петроковомъ? Вѣдь, когда мы выѣзжали изъ Москвы...

— Стратегическое развертываніе...—объясняетъ кто-то, кутаясь подъ солдатской шинелью.

— Штабъ нашей арміи переѣхалъ въ ...

— Значитъ мы—впереди?

— Впереди.

— Собачій холодъ!

— Летучка «А» истопила печь заборомъ.

Чихаютъ, кашляютъ, кряхтятъ. Изрѣдка ярко вспыхнетъ въ ночной темнотѣ электрическій фонарикъ: это смѣна дежурства. Опять тихо ворчатъ молодые баски:

— Слышно?

— Здорово!

Плохо спали ночь. А пришло утро, и тревога отлетѣла. Опять веселое солнышко, ничего не слышно и, если бы не военная сутолока въ городѣ, трудно было бы повѣрить, что недалеко происходятъ бои. Въ цукернѣ—кавардакъ, звонъ шпоръ, оружія, посуды, табачныя облака, стукъ билліарда. Въ дальней комнатѣ—разбитый старомодный рояль; клавиши его сточились отъ употребленія, особенно въ средней части клавіатуры. Разбитъ и разстроенъ до предѣльныхъ размѣровъ. И все-таки музыкальный голодъ здѣсь такъ силенъ, что рояль не смолкаетъ. Среди офицеровъ есть прибывшіе съ позицій: играютъ и даже поютъ романсы! Военный ветеринарный врачъ, обладающій недурнымъ баритономъ, поетъ изъ оперъ подъ дребезги собственнаго аккомпанимента, и всѣ умиленно слушаютъ... На мгновеніе на всѣхъ загорѣлыхъ и красныхъ лицахъ появляется мечтательно-задумчивое выраженіе. Къ пѣвцу льнутъ со всѣхъ сторонъ, и онъ не заставляетъ себя упрашивать: пытается даже сыграть на этой разбитой балалайкѣ маршъ фенебръ Бетховена!.. И все-таки всѣ съ удовольствіемъ слушаютъ. Затѣмъ играетъ молоденькій артиллеристъ, видимо прекрасный музыкантъ. Морщится, но играетъ... Знакомлюсь съ офицерами, пытаюсь узнать новости. Увы,—они знаютъ меньше меня! Скоро, впрочемъ, новость вылѣзаетъ сама собою: нашъ отрядъ получаетъ предложеніе принять до 800 раненыхъ. Мы не можемъ: у насъ прекрасное помѣщеніе подъ госпиталь—новое каменное двухъэтажное зданіе училища, но мы, согласно депеши, не рѣшаемся развертываться и потому къ пріему не готовы. Медицинскій персоналъ въ огромной досадѣ: работа сама просится, а приходится ждать... Къ вечеру приходитъ разрѣшеніе временно развернуться, ибо предвидится потребность. Всѣ ожили, и

закипѣла работа. Предложено подготовить и «Летучку»... Весь день тянулись фуры съ ранеными. Теперь уже мы знаемъ, гдѣ былъ бой и какъ онъ кончился...

Третьяго и четвертаго декабря отрядъ въ спѣшной, горячей работѣ. И лазаретъ спѣшно развертывается, и готовятся къ событіямъ. Изъ городка выбываетъ почта, казначейство и все прочее, что любитъ мирную жизнь и дѣятельность. Магазины торопливо распродаютъ оставшійся товаръ, шоссе гудитъ отъ копытъ и колесъ, отъ криковъ, ржанья. Ютящійся въ одной комнатѣ занимаемаго нами дома житель, обремененный тремя дѣтьми и хорошенькой подругой жизни, собирается покинуть свое жилье:

— Что такъ рано?

— Дѣтки!..

— Куда же?

— Въ Россію. Я не могу здѣсь жить, убьютъ меня...

— Полноте! За что?

— Я жъ полякъ!

— Ну, такъ что же изъ этого?

— Я вчера помогалъ ловить одного человѣка... Замѣтилъ я, что онъ, хотя и въ солдатской шинели и съ рукой на повязкѣ, а держитъ себя подозрительно: очень ужъ высматриваетъ. Теперь такихъ много. Я сталъ слѣдить за нимъ. А онъ пошелъ къ одному жиду. Тогда я позвалъ туда вахмистра. Пришли. Окно завѣшано, а они пьютъ чай.

— Ну!

— Говоритъ, раненый, запасный. Тоже—жидюга!

Хотя арестованный оказался дѣйствительно запаснымъ изъ евреевъ, но на другой день по городу всѣ говорили, что поймали шпіона. Почва очень благодатная. Темныя личности дѣйствительно бродятъ, ибо въ непрестанномъ броженіи живетъ все населеніе районовъ,

близкихъ къ боямъ. Разсказываютъ о такомъ происшествіи, имѣвшемъ мѣсто на этихъ дняхъ. Легко раненый, съ рукою на привязи, въ солдатской фуражкѣ, подошелъ къ группѣ обозныхъ, игравшихъ въ карты. Присѣлъ, поговорилъ и присоединился къ игрѣ. По мѣрѣ игры онъ входилъ въ куражъ и неожиданно, къ удивленію партнеровъ, освободилъ пораненную руку и началъ ей работать лучше, чѣмъ здоровой!

— Ты, братъ, какъ же это? Рукой-то?

Разсмотрѣли внимательно руку партнера,—никакого пораненія. Скрутили и повели къ властямъ.

Сегодня дождь. Небеса хмуры, тускло и какъ-то зловѣще. Грязища феноменальная.

Всѣ сестры въ большихъ сапогахъ мѣсятъ эту грязь, путешествуя отъ лазарета къ постою и обратно. Госпиталь почти готовъ. Къ вечеру и, можетъ быть, и ранѣе, начнется пріемъ раненыхъ, и закипитъ, наконецъ, долго жданная работа. Уже подъѣзжало нѣсколько фуръ, похожихъ на длинные гроба. Плотно, въ соломѣ, какъ мертвая кладь, лежатъ, едва видимые, тяжко раненые и сидятъ бочкомъ легко раненые въ ногу...

— Третій день горячаго не ѣли!..

Блѣдныя, безкровныя лица, закрытые глаза, неподвижность и покорность судьбѣ... Словно уже покойники...

Завтра задымятъ наши кухни на колесахъ и загудятъ кипятильники. Раненые будутъ не только перевязываться, но и подкармливаться горячей пищей...

III.

Съ вечера подъ Николинъ день отчетливо доносилась канонада тяжелыхъ орудій, а по грязному шоссе тянулись вереницы бѣженцевъ, спѣшно покинувшихъ

свои очаги. Тяжелое зрѣлище! Въ фурманкѣ—названіе мѣстной телѣги—цѣлое семейство съ домашнимъ скарбомъ; ребятки, съ испуганными глазами, какъ гуси, вытягиваютъ тонкія шеи, озирая передвигающіяся войска, скачущихъ верхами казаковъ; мать съ заплаканными глазами, отецъ за кучера; безлошадные бредутъ тоже семьями, гоня впереди корову, теленка; за ними неизмѣнные друзья—собаки... Громыхаютъ фуры съ краснымъ крестомъ, въ глубинѣ которыхъ трясутся и стонутъ раненые...

— Далеко бой, братцы?

— Недалече. Верстъ восемнадцать...

— Меньше! — поправляютъ другіе.—Верстъ двѣнадцать...

Быстро темнѣетъ. На небосклонѣ все ярче разгорается зловѣщее пожарище. Нашъ отрядъ, развернувшій лазаретъ и приготовившій «Летучку»,—въ приподнятонервномъ состояніи. Мы разбиты на три дома, но ежеминутно поддерживаемъ связь другъ съ другомъ. Близость боя сказывается по-разному: одни проявляютъ чрезмѣрную словесную храбрость, другіе сдѣлались серьезнѣе, молчаливѣе, третьи не могутъ скрыть волненія и въ напускной шутливой формѣ обсуждаютъ, что дѣлать и какъ вести себя въ томъ случаѣ, если нѣмцы прорвутся въ Опочну... Странно, что женскій персоналъ въ общемъ болѣе уравновѣшенъ, за малыми, впрочемъ, исключеніями. Къ ночи канонада стихаетъ, зато сильнѣе движеніе на шоссе: подъ покровомъ ночной темноты спѣшатъ къ позиціямъ обозы съ военными припасами... Нашъ уполномоченный, всегда спокойный, ровный и положительный, не проявляетъ ни малѣйшаго безпокойства, и это дѣйствуетъ на всѣхъ окружающихъ великолѣпно. Какъ пріемъ брома! Здоровый, жизнерадостный, бодрый и такой свѣжій и крѣпкій. Побываетъ, погово-

ритъ,—и публика перестаетъ прислушиваться къ тревожнымъ звукамъ за окнами...

Раннимъ утромъ шестого декабря, когда было еще совершенно темно, дверь стукнула и блеснулъ фонарь:

— Получена телеграмма выдвинуть одну летучку къ бою!

Весь домъ приходитъ въ движеніе: онъ—трехъярусный, начинается топотъ на многочисленныхъ лѣстницахъ. Собираться надо одной летучкѣ «А»,—а въ ней 20 человѣкъ,—но развѣ можно спать? Необходимо проводить товарищей. А они, отправляющіеся къ бою летучники, уже чувствуютъ себя героями! Остающіеся посматриваютъ на нихъ съ нѣкоторой завистью. Летучка готова: всего семь фурманокъ, кухня и кипятильникъ на колесахъ, своя собачка, впереди—верховой...

— Съ Богомъ, господа!

— Сколько верстъ отъ боя будемъ?

— Версты двѣ-три!..

Спустя часъ мы съ уполномоченнымъ садимся въ автомобиль и ѣдемъ въ штабъ дивизіи, къ которой нашъ отрядъ прикомандированъ. Легкій морозецъ, бѣлый иней; день ясный и бодрый. Непролазная грязь замерзла и получился острый кочкарникъ, по которому высоко подпрыгиваетъ легкій увертливый автомобиль. Мѣстами сходимъ съ шоссе, перескакиваемъ канавы и ѣдемъ по грунтовой дорогѣ, гдѣ поровнѣе. Уже гремятъ впереди орудія, и гулъ ихъ все слышнѣе и отчетливѣе. Ѣхали около часа до деревни, гдѣ въ небольшомъ помѣщичьемъ домикѣ съ тремя колоннами, среди деревъ сада, пріютился штабъ. Ого! — слышно уже, какъ, словно горохомъ сыпятъ, стрѣляютъ залпами ружья. То въ разбродъ, то снова — горохомъ. А орудія грохаютъ такъ внушительно, что

кажется, будто бой идетъ рядомъ, вонъ тамъ, за лѣскомъ, надъ которымъ кружатся испуганные голуби, сверкая на солнышкѣ бѣлизной своихъ крыльевъ. Какъ странно: въ четырехъ-пяти верстахъ—бой, а здѣсь—никакого вниманія! Дымитъ кухня, около которой мурлычитъ солдатъ, не торопясь прохаживаются офицеры, спокойно говорятъ о какомъ-то молебствіи и объ обѣдѣ. Сегодня здѣсь—полковой праздникъ, молебствіе и торжественное награжденіе георгіями отличившихся солдатъ дивизіи. Встрѣчаютъ радушно, привѣтливо, разспрашиваютъ, что дѣлается въ Россіи: вѣдь, мы—свѣженькіе, только 15 дней, какъ были въ Москвѣ! Летучка благополучно водворена въ деревнѣ, верстахъ въ трехъ отъ штаба, и мы остаемся въ немъ на праздникъ...

На дворѣ парадъ, молебствіе съ водосвятіемъ. Недурной хоръ изъ любителей-военныхъ. Умиленно звучитъ голосъ полкового священника, смиренно несутся кроткія слова молитвы къ Богу, грустно-покорно поетъ хоръ «Святителю, Отче Николе, моли Бога о насъ!», а орудія, какъ нарочно, грохаютъ залпами, и ружья словно торопятся. И контрастъ кротко-молитвеннаго настроенія съ близкой борьбой на-смерть оставляетъ странное, удивительное впечатлѣніе, котораго не передашь словами...

Кончился молебенъ, началось пожалованіе георгіевскихъ орденовъ. Герои съ гордыми, довольными лицами, по командѣ, выдвинулись впередъ, и полковникъ собственноручно навѣшивалъ имъ ордена. О, стоило посмотрѣть на лица солдатъ въ этотъ торжественный моментъ въ ихъ жизни! Точно причащались!

— Господа! Просимъ съ нами откушать!

Никогда еще я такъ не обѣдалъ! Рамы оконъ и стекла дрожатъ отъ канонады, а люди спокойно ѣдятъ, произносятъ тосты, острятъ и шутятъ. Невольно отлетаетъ

всякая тревога, и очень быстро свыкаешься съ положеніемъ и начинаешь чувствовать вкусъ курицы, приготовленной по-кавказски. Недурно и венгерское... Рядомъ со мной оренбургскій казакъ, начальникъ сотни, очень тихій и незамѣтный человѣкъ. Почему его здѣсь такъ любятъ, этого скромнаго Матвѣя Ивановича? Оказывается, что онъ однажды спасъ штабъ дивизіи отъ непріятеля! Въ критическій моментъ вскочилъ на коня безъ шапки и оружія и, увлекши своихъ молодцовъ, лихой неожиданной атакой выручилъ весь штабъ!

— За ваше здоровье, Матвѣй Ивановичъ!

Пообѣдали, простились и двинулись обратно. Навстрѣчу кавалькады оренбуржцевъ. Какіе все бравые ребята! А лошадки—маленькія, и отъ этого всадники кажутся великанами. Ѣдутъ на позиціи, а на лицахъ добродушныя улыбки, полнѣйшая безпечность. Успокоеніе, почерпнутое въ штабѣ, привозимъ домой, въ Опочну, гдѣ насъ ждали съ трепетнымъ нетерпѣніемъ. Все отлично! Дѣло наладилось.

— А у насъ въ лазаретѣ уже раненые!

— Завтра или послѣзавтра выдвинемъ и вторую летучку.

— Поскорѣй бы!—просятъ летучники, завидующіе ушедшимъ уже на позицію.

Около нашего обоза стоитъ Ньюпоръ № 3.

— А гдѣ летчикъ?

— У насъ внизу, пьетъ чай и разсказываетъ...

Направляюсь къ летчику.

— Позвольте познакомиться!

— Леонидъ Алексѣевичъ Агѣевъ!

Молодой пріятный офицеръ Севастопольской авіаціонной школы. Летаетъ съ августа мѣсяца. Жизнь, полная острыхъ, волнующихъ впечатлѣній и приключеній.

На-дняхъ едва не попался въ лапы непріятеля. Леталъ надъ Петроковомъ, отъ котораго наши уже отошли, достигъ линіи непріятельскаго расположенія и вдругъ— взрывы въ моторѣ...

— Положеніе критическое! Во что бы то ни стало надо перелетѣть Пилицу. Взрывы повторяются, я выключаю моторъ и лечу планирующимъ спускомъ, потомъ снова включаю моторъ,—снова взрывъ и т. д. Чуть-чуть перелетѣлъ Пилицу и опустился. Версты четыре волокъ аппаратъ на рукахъ, чтобы отодвинуться подальше. Подойдутъ за ночь къ Пилицѣ и разстрѣляютъ аппаратъ. Выручилъ случай: наткнулся на меня разъѣздъ и помогъ добраться до штаба. Здѣсь мнѣ дали 20 солдатъ, и я добрался до Опочны. А бывало и хуже... Въ нашемъ положеніи скоро дѣлаешься фаталистомъ. Все случай, судьба!.. Моя судьба счастливая! Я вѣрю въ нее. Однажды я чуть было не опустился въ Краковъ. Имѣлъ порученіе обозрѣть его окрестности, полетѣлъ, и предо мною въ туманѣ уже вырисовывался городъ... Неожиданно замѣчаю дождевую тучу, ползущую мнѣ навстрѣчу, и поворачиваю обратно. Спустя полчаса у меня лопается бензинная трубка, и я вынужденъ опуститься... Не замѣть я тучи, поломка вышла бы какъ разъ надъ Краковомъ, и пришлось бы попасть въ лапы непріятеля. Одинъ аппаратъ у меня погибъ: опустился и завязъ въ болотѣ. Спасъ только моторъ... Сейчасъ у меня легкій аппаратъ, но бѣда наша въ томъ, что я безъ механика и, при мало-мальски серьезной поломкѣ, вынужденъ томиться въ бездѣйствіи.

Пошли къ аппарату. Вокругъ сгрудился большой отрядъ казаковъ.

— Въ небесахъ часто видимъ, а вблизи—впервые!

— Смотрите, смотрите, чтобы не дѣлать ошибокъ: не стрѣлять по своимъ!

Летчикъ объясняетъ примѣты русскаго аппарата, разсказываетъ про случай подъ Люблиномъ, гдѣ наши подстрѣлили собственнаго летчика, г. Гудиму...

На другой день утромъ мы провожали летчика въ путь. Пожалъ всѣмъ руки, усѣлся, побѣжалъ, снялся и, сдѣлавъ два круга надъ городкомъ, потянулъ, какъ бѣлый лебедь, къ югу....

IV.

Николинъ день прошелъ довольно тревожно. Орудійный грохотъ, начавшійся еще наканунѣ, почти не смолкалъ всю ночь. Быть можетъ, часа за два предъ разсвѣтомъ грохотъ притихъ; казалось, что и пушки, утомясь, прикурнули, вздремнули маленько. Но едва разсвѣтало,—снова зарокотали громы, то дальніе, то близкіе. Я вамъ разсказалъ уже, какъ мы обѣдали въ этотъ день въ штабѣ дивизіи. Спокойствіе, съ которымъ относились здѣсь къ результатамъ происходящаго боя, было для меня, профана, страннымъ и необъяснимымъ...

— Ничего! Сегодня имъ будетъ хорошая вздрючка!—шутливо бросалъ мнѣ штабный офицеръ, когда я начиналъ дѣлать пробы на эту увѣренность.

Такъ оно и случилось. Къ вечеру бой разгорѣлся по всему ближайшему фронту. Въ Опочнѣ отлично былъ слышенъ огонь ружей и пулеметная трескотня. Ужасный инструментъ придумали люди для взаимнаго истребленія! Даже на большомъ разстояніи, находясь въ полной безопасности, начинаешь чувствовать смятеніе духа, когда начинаетъ работать этотъ инструментъ. Ружейная стрѣльба по фронту напомнила мнѣ рубку капусты въ деревнѣ. Помню, въ хорошій ведреный осенній день вся деревня, гдѣ я жилъ, встала на рубку капусты: въ каждой избѣ рубили всѣмъ семействомъ ка-

10*

пусту въ корытахъ. Такъ вотъ и теперь казалось, что по всему фронту начали рубить капусту. Рубили долго, не меньше получаса, и вдругъ въ двухъ мѣстахъ словно заработали двѣ швейныхъ машины!

— Эге! Нарвались, голубчики!.. — радостно бормочетъ слушатель, обозный солдатишко.

— А, можетъ быть, это не наши пулеметы, а непріятельскіе?

— Наши! Разя не слышите? У нихъ по-другому, они такъ не могутъ...

— Въ чемъ же разница?

— У нѣмца рѣже, спокойнѣе, съ остановками, а у насъ какъ зачнетъ барабанить, такъ и жаритъ...

— Вонъ еще, третій! Это означаетъ, что нарвались они, сволочи!.. Нѣтъ, пожалуй, тамъ не нашъ: слышь, порѣже! Вотъ-вотъ, съ остановками... Не нашъ!..

Страшны артиллерійскіе залпы: точно громъ прокатится въ синеватыхъ горахъ съ частыми ударами молніи.

Такъ спокойно чувствовалось въ средѣ увѣренныхъ людей—спеціалистовъ своего дѣла, въ штабѣ, когда рамы тряслись отъ орудійнаго грохота, а вотъ теперь эта рубка капусты и «швейныя машины» съ орудійными залпами снова рождаютъ сомнѣніе. Результаты боя начинаютъ казаться случайностью, предсказать ихъ нельзя, а потому...

— А вѣдь бой недалеко?

— Близехонько! Верстъ шесть-семь не дальше...

А вдругъ... Все можетъ быть! Тогда мы не успѣемъ «свернуться». Нашъ подвижной лазаретъ вышелъ столь комфортабельнымъ, что ничѣмъ не уступаетъ тыльному... Въ случаѣ чего,—придется многое бросить...

— Заберемъ главное — медикаменты, инструменты, дорогіе предметы, а...

— А какъ мы? Мы, сестры?

— Пожалуйста, не волнуйтесь! Весь дамскій персоналъ посадимъ на автомобили и вывеземъ въ первую голову.

— Кланяйтесь и благодарите: вы попадаете въ число дорогихъ предметовъ!

— И медикаментовъ съ инструментами!..

— Я останусь съ ранеными, не поѣду, если...

Поднимается вопросъ о долгѣ медицинскаго персонала, о нравственной оцѣнкѣ поведенія, цѣлесообразности его.

— Медицинскихъ силъ у насъ не такъ много, чтобы изъ-за десятка раненыхъ жертвовать всѣмъ отрядомъ! Это безсмысленно.

— А я останусь,—кротко и рѣшительно говоритъ одна изъ сестеръ, побывавшая уже на войнѣ съ Японіей.

— Да, конечно. Это надо предоставить желающимъ... Кто захочетъ, пусть остается, но докторскій и фельдшерскій персоналъ долженъ сохранить себя для массы будущихъ солдатъ, которымъ онъ понадобится...

— Ну! Опять на швейной машинѣ заработали!

— Какая мелкая строчка!

Стемнѣло, и перестали рубить капусту и строчить на швейныхъ машинахъ. Только изрѣдка громыхаетъ еще артиллерія, но и она не торопится. Очевидно, наши дѣла недурны. Къ ночи дѣлается извѣстнымъ, что дѣйствительно «они» нарвались, и мы ихъ «вздрючили». Улеглись спать съ успокоеннымъ духомъ и съ какимъ-то чувствомъ удовлетворенія и гордости. «Здорово мы имъ всыпали!»

— Говорятъ, что взяли два пулемета и около тысячи плѣнныхъ...

— Молодцы кавказцы!

— Отборные молодцы! Сколько разъ они выручали и выносили на своихъ плечахъ армію!

Лежу съ закрытыми глазами и прислушиваюсь къ тихимъ разговорамъ товарищей по комнатѣ. И все не могу выкинуть изъ памяти работу на швейныхъ машинахъ. Самое страшное оружіе придумалъ человѣкъ не для дикаго звѣря, а для себѣ подобнаго, сотвореннаго по образу и подобію Божьему! Какой кошмаръ! Машинное производство смерти, труповъ! Вѣдь, какая подлая машина: не требуетъ особенной храбрости, величія духа и гордости, ничего не требуетъ, кромѣ умѣнья шить на этой машинѣ. Одинъ трусъ можетъ выйти съ ней противъ тысячи храбрецовъ и побѣдить ихъ. Нѣтъ, раньше войны были благороднѣе, красивѣе, индивидуальнѣе; каждый воинъ носилъ въ себѣ самомъ свою, только ему присущую, доблесть; прежнія войны рождали витязей, рождали легенды и красивыя пѣсни и сказанія.

— Господа! Посмотрите, какое зарево!

Вскакиваютъ съ постелей; накинувъ шинели, выходятъ на балконъ съ побитыми стеклами. Горитъ деревня. Тревожное зрѣлище. Все думаешь: еще сотня семей лишилась крова и должна пойти по-міру... И не только непріятель выжигаетъ жителей, а и сами мы вынуждены это дѣлать: тактика боя вынуждаетъ насъ обстрѣливать орудійнымъ огнемъ деревни, въ которыхъ, по расчетамъ штаба, можетъ находиться въ данную минуту непріятель. А деревни полны соломы, крыши загораются при первомъ разрывѣ снаряда. Тушить некому и нельзя. И горитъ деревня, освѣщая небеса трепетнымъ свѣтомъ пожарища, а выброшенныя семьи бродятъ теперь гдѣ-нибудь, спасая только одно, что можно спасти: свою жизнь!..

Вспоминается видѣнная сценка: еврейское семейство

бѣжитъ откуда-то. Ничего не удалось спасти, кромѣ пѣгаго, недавно рожденнаго теленка. Ведутъ и теленка: спереди онъ привязанъ за шею на веревку, а позади вмѣсто веревки служитъ хвостъ теленка... Охаютъ, причитаютъ, почти плачутъ. А мимо мчится автомобиль. Испугалъ всѣхъ: и семейство бросилось вразсыпную... Теленокъ вырвался... И тяжело, и смѣшно, и не знаешь, плакать или смѣяться...

V.

Подвижной лазаретъ нашего отряда, благодаря особо благопріятной случайности, занялъ исключительное положеніе: онъ сдѣлался единственнымъ близкимъ центромъ, куда теперь шлютъ тяжело раненыхъ два корпуса, ведущихъ непрестанные бои въ районѣ Опочны. Бои эти приняли упорный, затяжной характеръ, и потому наплывъ раненыхъ весьма значителенъ. Популярность лазарета растетъ все шире не только среди офицеровъ, но и солдатъ. Офицеровъ привлекаетъ возможность получить быструю оперативную помощь подъ руководствомъ хирурга-профессора, а солдатъ—кухня съ горячей пищей и ласковый пріемъ и теплое отношеніе, которыми они, конечно, не избалованы...

— Какъ къ сродственникамъ привезли! — говорятъ солдаты про нашъ лазаретъ.

Здѣсь ихъ перевяжутъ, одѣнутъ во все чистое, уложатъ въ постель, накормятъ, чайкомъ напоятъ, покурить дадутъ, поговорятъ ласково. На первыхъ порахъ, по кодексу военной дисциплины, существующей въ военныхъ лазаретахъ, солдаты говорятъ только «Такъ точно!» и «Никакъ нѣтъ», но скоро замѣчаютъ, что попали въ такое мѣсто, гдѣ, получивъ папиросу, можно

сказать и «мерси», поговорить по душѣ, разсказать про свое семейство, которымъ никто до сей поры не интересовался... Съ грустью и неохотой оставляютъ они лазаретъ, прощаясь съ персоналомъ, и разносятъ молву добрую среди сермяжныхъ ратниковъ про Сибирскій лазаретъ. Мѣсто не позволяетъ задерживать сравнительно легко раненыхъ, ибо оно необходимо тяжело раненымъ. Партіями отправляютъ получившихъ медицинскую помощь и накормленныхъ на вокзалъ, въ санитарные поѣзда, а новыя партіи плывутъ и плывутъ въ лазаретъ. Операціи совершаются ежедневно, часто даже ночью. Сосредоточеніе тяжело раненыхъ связано съ неизбѣжными смертями, ибо многіе привозятся уже въ безнадежномъ состояніи. Тяжелы были моменты первыхъ смертей, особенно, въ тѣхъ случаяхъ, когда была надежда, хотя и слабая, спасти молодую жизнь. Такъ было съ подпоручикомъ Ново-Баязетскаго полка Гаврилкевичемъ. Юноша съ едва пробившимися усиками, съ пухомъ на подбородкѣ, синеглазый и нѣжный, онъ сразу привлекъ общее вниманіе и симпатіи. Тяжко раненый въ нижнюю часть живота навылетъ, онъ старался не стонать и все пробовалъ улыбаться намъ. Самъ продиктовалъ телеграмму матери и сестрамъ: «Я раненъ тяжело, но есть надежда», а мы всѣ знали, что надежды нѣтъ, ибо были уже ясные признаки зараженія крови. Трогательны были отношенія подпоручика и его денщика, который, какъ нянька или кормилица, все вздыхалъ въ углу коридора и все разсказывалъ, какой хорошій, душевный человѣкъ его баринъ. Только два дня прожилъ несчастный юноша. Почти до послѣдняго часа онъ былъ въ сознаніи, зналъ уже, что умретъ...

— Нѣтъ... Конецъ всему... Умираю, докторъ!.. Я уже плохо вижу...

Позвалъ денщика и сказалъ ему:

— Пошли телеграмму, что я скончался тихо, безъ мученій...

А денщикъ стоялъ въ ногахъ съ поникшей головой и отиралъ слезы. Къ утру юноша скончался. Денщикъ одѣлъ на него полную форму, положили покойнаго въ простой черный гробъ.

— Эхъ, Костя, Костя! — шепталъ денщикъ, отирая слезы рукавомъ, и мы всѣ потихоньку дѣлали то же.

На другой день похоронили. Денщикъ вернулся и все терся въ лазаретѣ, потерянный какой-то, словно онъ утратилъ центръ своей жизни... И всѣмъ разсказывалъ про Костю.

Но зато какое радостное удовлетвореніе испытываешь, когда почти безнадежный случай начинаетъ принимать благопріятный исходъ! Тогда плачутъ отъ радости. Поступилъ въ лазаретъ солдатъ-еврей, раненый въ голову. Мозгъ сочился изъ раны. Ему сдѣлали трепанацію черепа, вынули осколки косточекъ изъ мозга. Нѣсколько дней онъ былъ въ безсознательномъ состояніи, осложненномъ еще непроизвольными движеніями конечностей: правыя рука и нога раненаго находились вѣчно въ движеніи, и было жутко видѣть, какъ широко раскрытые безсмысленные глаза смотрѣли въ одну точку, а рука все что-то ловила, словно хотѣла схватиться за что-то. Такъ и днемъ, и ночью, всегда!.. Уже считали дѣло конченнымъ. Какъ вдругъ рука и нога перестали искать опоры, глаза стали закрываться и раскрываться! Попробовали дать ложку бульона, — проглотилъ! Радость обуяла всѣмъ персоналомъ палаты. На другой день больному показали найденный въ его вещахъ фотографическій портретъ. Онъ долго и удивленно смотрѣлъ, потомъ улыбнулся и прошепталъ:

— Мама!..

Жутко и страшно въ палатахъ лазарета ночью.

Нельзя передать этихъ тяжкихъ стоновъ, глубокихъ воздыханій, тихаго плача, безсильнаго, жалобнаго, призывовъ и обращеній къ Богу, которыми пронизывается ночная тишина. Море страданій человѣческихъ! Хочется выбѣжать на улицу и кричать, изступленно кричать...

— Люди! Что же вы дѣлаете? Опомнитесь же!

И никакъ не укладывается въ головѣ этотъ огромный, поразительный абсурдъ: одни изо всѣхъ силъ стараются, какъ можно сильнѣе и какъ можно больше убить и искалѣчить себѣ подобныхъ, а другіе изо всѣхъ силъ стараются поправить дѣло! И никакъ не разберешься въ собственныхъ душевныхъ противорѣчіяхъ: чувствуешь радость, когда узнаешь, что изрубили сотни непріятеля, искалѣчили сотни себѣ подобныхъ...

Теперь о «Летучкахъ».

«Летучка»—это отрядъ, выдѣленный лазаретомъ для первоначальной медицинской помощи по близости отъ боя. Задача его дѣлать перевязки, спасать раненыхъ отъ потери крови, кормить ихъ и переправлять въ лазаретъ. Отрядъ состоитъ изъ врача, двухъ фельдшеровъ, двухъ сестеръ, кошевара съ кухней, конюховъ и санитаровъ. Всѣхъ 20 человѣкъ. При отрядѣ—верховой. Такой отрядъ выставляется по указанію штаба дивизіи въ пунктѣ, по возможности близкомъ къ бою и удобномъ для уловленія раненыхъ. Обыкновенно, это—маленькая деревушка изъ нѣсколькихъ брошенныхъ жителями халупъ, недалеко отъ шоссе или вообще дороги, по которой предполагается естественное теченіе раненыхъ. Случается, что бой идетъ всего въ двухъ верстахъ, такъ что нѣкоторая опасность имѣется. Здѣсь, во время боевъ, да и вообще, жизнь суровая. Случается не спать и работать по двое сутокъ, бываетъ, что некогда поѣсть. Если удастся, спятъ на полу на соломѣ, или на носилкахъ для раненыхъ. «Летучка» находится въ по-

стоянномъ общенiи съ лазаретомъ: отъ него въ «Летучку» и отъ «Летучки» къ лазарету ежедневно тянутся подводы, туда пустыя, оттуда съ ранеными, нерѣдко «Летучку» навѣщаетъ старшiй врачъ и уполномоченный. Для экстренныхъ надобностей—верховой. Сперва у насъ дѣйствовала только одна «Летучка», ибо первые лазаретные дни требовали много людей и персонала. Затѣмъ, когда дѣло вполнѣ наладилось, рѣшили отправить вторую «Летучку». Это совпало съ экстреннымъ вызовомъ «Летучки» къ деревнѣ Р, верстахъ въ 12 отъ Опочны. Выступленiе второй «Летучки» вышло не совсѣмъ удачнымъ. Произошелъ эпизодъ, взволновавшiй всѣхъ насъ, но оказавшiйся, въ концѣ-концовъ, просто комичнымъ недоразумѣнiемъ... Вторая «Летучка» двинулась въ походъ 11 декабря, часовъ въ 12 ночи. Съ огромнымъ трудомъ она добралась въ ночной темнотѣ, по непролазнымъ грязямъ и болотамъ, до указаннаго пункта и начала развертываться, въ то время, какъ верховой долженъ былъ произвести небольшую рекогносцировку окрестныхъ дорогъ и вообще орiентироваться. Не успѣли развернуться, какъ верховой прискакалъ обратно и впопыхахъ сообщилъ:

— Свертывайтесь! Наши отступаютъ!

— Какъ? Откуда вы узнали?

— Встрѣтилъ раненыхъ, а потомъ офицеровъ С-аго полка! Ругаются, что лѣземъ прямо къ непрiятелю подъ носъ!..

Суматоха, волненiе. Появляются солдаты. Сообщенiе верхового, видимо, оправдывается. Быстро свернулись и поѣхали обратно. Выбрались съ проселочной дороги на шоссе и услыхали передвиженiе войска. Полкъ, дѣйствительно, довольно спѣшно удаляется съ позицiй; наши фурманки мѣшали движенiю по шоссе, и офицеры сердились. Надо сказать, что всякимъ передвиже-

ніемъ частей, вплоть до полка, распоряжается штабъ, въ данномъ случаѣ—дивизіонный, а потому никто, даже полковой командиръ, не знаетъ, что происходитъ: отступленіе или тактическая передвижка. Раненые и солдаты всегда склонны думать, что, если приказано оставить позицію, то, стало быть, мы отступаемъ, и наше дѣло проиграно... Очевидно, и въ данномъ случаѣ психологія отходящаго полка была такая. Шли спѣшно. Въ ночной темнотѣ чувствовалась нервозность, волненіе, которыя передались и нашему отряду. Фурманки оказались рысистыми. Вспомнили, что забыли верховую лошадь! Зарево пожарища позади, сверкавшее на небесахъ за оставленнымъ лѣсомъ, казалось подтвержденіемъ близости непріятеля. Но было странно, что непріятель молчитъ, не стрѣляетъ...

На другой день выяснилось: полкъ не отступалъ, а вслѣдствіе тактическихъ цѣлей боя былъ передвинутъ на позиціи при другой деревнѣ. Деревушку Р, гдѣ осталась наша лошадь, непріятель не занималъ и занять вовсе не могъ. Поѣхали и спокойно и благополучно привели покинутую лошадь, мирно жевавшую сѣно...

А сильное ощущеніе пережили: для всѣхъ это было отступленіемъ подъ угрозою насѣдающаго врага!..

VI.

Вотъ уже въ теченіе двухъ сутокъ, и днемъ и ночью, верстахъ въ двѣнадцати отъ Опочны идутъ бои, и въ лазаретъ тянутся фурманки съ ранеными. На станціи вторыя сутки стоитъ прекрасно оборудованный санитарно-питательный поѣздъ «Всероссійскаго земскаго союза» и набираетъ комплектъ раненыхъ,—до 500 человѣкъ. Оставалось уже не такъ много свободныхъ коекъ,

и назавтра готовились къ отбытію. Еще днемъ я перезнакомился съ медицинскимъ персоналомъ и получилъ приглашеніе старшаго врача поѣхать съ ними на позиціи, къ бою, искать раненыхъ и подкормить хлѣбомъ и сахаромъ больныхъ и здоровыхъ воиновъ. Бой шелъ вблизи полотна желѣзной дороги, и потому задача значительно облегчалась. Паровозъ и двѣ приспособленныхъ для перевозки раненыхъ теплушки—вотъ и весь составъ поѣзда, въ которомъ мы, ровно въ двѣнадцать часовъ ночи, двинулись впередъ, рѣшивъ пробраться какъ можно ближе къ бою. Докторъ, нѣсколько сестеръ и санитаровъ; мѣшокъ пиленаго сахару, мѣшокъ соли, груда хлѣба. Сперва шли съ порядочной скоростью, но скоро потушили всѣ огни и поползли медленно, отъ одной будки до другой, останавливаясь, вылѣзая, осматривая окрестности и маленькія деревушки вдоль полотна дороги. Отчетливо въ ночной темнотѣ трещали ружейные залпы, и казалось, что эти выстрѣлы несутся со всѣхъ сторонъ: сухой стукъ ихъ отражался въ ближайшемъ лѣсу, и трудно было разобраться по звукамъ огня въ расположеніи нашего и непріятельскаго фронтовъ. Выстрѣлы неслись и навстрѣчу, и съ боковъ, а ночь притаилась, и поля были безмолвно-молчаливы. Ни одного посторонняго звука, ни единаго человѣческаго голоса, крика, стона. Точно кто-то усердно и усидчиво работаетъ на пишущихъ машинахъ, и никому до этого нѣтъ дѣла... Странное и жуткое впечатлѣніе осталось отъ маленькой деревеньки изъ пяти халупъ. Покинута! Ни одной живой души...

— Кто есть? Нѣтъ ли раненыхъ?—вполголоса спрашивали санитары, постукивая въ запертыя двери, въ окна; прислушивались. Молчаніе... Шли на дворы, на огороды, посвистывали осторожно, чтобы дать знать о себѣ, если кто-нибудь, добравшись до халупъ, схоронил-

ся въ хлѣвѣ или въ соломѣ, истекая кровью. Никого нѣтъ! На крыльчикѣ одной халупы сидѣла, поджавъ подъ себя лапки, кошка и не двинулась даже, когда я подошелъ къ ней. Тронулъ по спинѣ,—встала и, мурлыкая, стала выгибать спину и крутить поднятымъ трубою хвостомъ. Не боится кошка войны, не боится близкой ружейной стрѣльбы и не желаетъ оставлять своего отечества! И не боится затрещавшаго вдругъ пулемета, отъ работы котораго какъ-то невольно чувствуется неловкость и безпокойство во всемъ организмѣ. Что ей пулеметъ? Это люди устроили не для кошекъ. Счастливая индивидуалистка!

— Господа! Ѣдемъ дальше! Не зажигайте спичекъ! Нельзя!

— Курить, докторъ, хочется...

— Подождите, не умрете.

— А посмотрите на нашъ паровозъ: труба дымитъ, какъ огромная сигара!..

Влѣзаемъ въ вагонъ и снова тихо полземъ впередъ. Справа опять деревушка, въ одной изъ избенокъ едва мерцаетъ красный огонекъ, обращенный на зады дворика.

— Военный перевязочный пунктъ!

Заходимъ въ избушку. Военный врачъ, фельдшеръ, встрепанные, странные какіе-то, можетъ быть, уставшіе, а, можетъ быть, только что проснувшіеся. На полу влежку спятъ нѣсколько человѣкъ, на рукавахъ которыхъ красные кресты.

— Раненые есть?

— Три солдата съ «пальчиками»!..

— Эй! Гдѣ вы тамъ, съ пальчиками?

— Есть! — доносится глуховатый голосъ, и появляются три темныхъ фигуры у сѣней съ бѣлыми куколками на рукахъ.

— Идите въ поѣздъ!

— А дальше можно проѣхать?

— Попробуйте!

— Раненые тамъ возможны?

— Конечно. Осторожнѣе только.

Снова садимся въ вагонъ и полземъ. Ружейная пальба все отчетливѣе, и кажется, что она ближе будки, маячащей на горизонтѣ. Пріостанавливаемся, вылѣзаемъ, забираемъ нѣсколько носилокъ и пѣшкомъ идемъ вдоль полотна, осматривая по сторонамъ, посвистывая, углубляясь въ ночную темноту съ оглядкой на паровозъ, который, какъ нарочно, начинаетъ усиленно коптить небеса чернымъ дымомъ...

— Чортъ бы его побралъ! Не открыли бы орудійнаго огня...

— Тише! Какъ-будто... Тс!

Молчаніе. Трескотня ружейныхъ залповъ. Вдали синеватый отблескъ по землѣ: свѣтъ электрическаго фонарика, направленнаго въ землю и осторожно прикрываемаго рукою. Потомъ свистокъ и тихій окрикъ:

— Носилки!

Торопливо идутъ въ сторону съ носилками; мы спѣшимъ за ними. Близко уже темнѣетъ фигура сидящаго на землѣ человѣка, а вотъ слышно, какъ изъ могилы:

— Гос...поди! Что же это... ааа!

Сидитъ и качается изъ стороны въ сторону солдатъ безъ шапки и окровавленной рукою гладитъ себя по ногѣ. Сердце сжимается отъ состраданія, отъ тихихъ, покорныхъ стоновъ и отъ поднятыхъ къ намъ глазъ, полныхъ страданія и мольбы...

— А!.. думалъ, доползу... а нѣтъ... не могу...

— Берите на носилки!

— Аааа!

— Осторожнѣй!

Понесли къ поѣзду. Я отсталъ и прислушивался, какъ въ тишинѣ носилось это ужасное солдатское:

— Аааа!

У поѣзда на носилкахъ, при свѣтѣ электрическаго фонарика, докторъ осмотрѣлъ рану и сдѣлалъ наскоро перевязку. Отъ солдата узнали, что тамъ, у темнѣющей впереди будки, есть раненые, но некому имъ помочь. Рѣшаемъ двинуться до слѣдующей будки. Странно, что нѣтъ никакого страха. Оттого ли, что насъ много, или самое дѣло притупляетъ чувство самосохраненія? Почти до половины подъѣхали поѣздомъ, а затѣмъ снова пѣшкомъ... Вотъ она, будка! Молчаливая и загадочная... Входимъ: на полу шевелятся люди и опять это ужасное:

— Аааа!

— Сколько васъ?

— Четверо...

— Еще двое носилокъ!

Одинъ въ грудь, трое въ ноги.

— Хлѣбца нѣтъ ли, братцы?

— Дадимъ, дадимъ! Сперва надо перенести въ вагонъ...

— Аааа!

Мучительно жалко и какъ-то совѣстно: какъ-будто бы ты тоже въ чемъ-то виноватъ передъ всѣми этими страдальцами...

Всѣ перенесены и жадно, какъ звѣри, огромными откусами рвутъ данные имъ куски хлѣба. Если бы вы видѣли, съ какой угрюмой жадностью и почти звѣриной радостью работаютъ движущіяся скулы! Никогда въ жизни я не видалъ такой картины поѣданія человѣкомъ пищи!

— Давно не ѣли?

— Двое сутокъ... Не до ѣды было... Вотъ бы туда, поближе къ окопамъ хлѣбца-то...

— Аааа!

— А ты что не ѣшь?

Лежитъ, держитъ хлѣбъ въ лѣвой рукѣ и шепчетъ:

— Слава Тѣ, Господи... Кончилось теперь!..

На лицѣ блаженная улыбка...

— Скоро поѣдемъ-то?.. Скорѣй бы ужъ отсель!..

— Ну, господа, какъ? Поѣдемъ дальше, или...

— Давайте еще маленько продвинемся! Братцы, опасно дальше ѣхать?..

— Чай, Богъ сохранитъ... Тутъ съ полверсты резервъ стоитъ, на всякъ случай... А потомъ съ полверсты — окопы-то...

Посовѣщавшись, рѣшаемъ продвинуться еще немного. Полземъ, какъ тараканъ, выглядываемъ изъ пріоткрытыхъ дверей, прислушиваемся... Что тамъ? Солдаты?.. Ползутъ вереницами къ нашему локомотиву. Окружили густой толпой и волной полилась мольба:

— Хлѣбца нѣтъ ли?

Сотни рукъ, снятыхъ шапокъ потянулись къ намъ, и мольба, похожая на жалобу, понеслась изъ густой толпы:

— Ѣсть хотимъ!

— Дайте хлѣба-аа!

— Хлѣ-баа!

Стали раздавать хлѣбъ, сахаръ, соль... Увы, капля въ морѣ! Тутъ около пятисотъ человѣкъ, что имъ мѣшокъ сахару, соли и пять пудовъ хлѣба?

— Ужъ какъ-нибудь, братцы, дѣлите сами!

— Нѣтъ, кажнему сами дайте!.. Драться будемъ...

Вотъ и все! Мѣшки пусты, а еще сотни рукъ съ надеждой тянутся, подставляютъ шапки и молятъ дать имъ поѣсть.

— Воды у васъ нѣтъ ли? Пить хотимъ, а нечего...

Въ безсиліи опускаются и руки, и глаза... Поѣздъ двинулся обратно, а сотни рукъ такъ и остались протянутыми...

Возвращались быстро, и всѣ молчали. У всѣхъ на душѣ плотно осѣла какая-то тягота, неудовлетвореніе, безсильное желаніе всѣхъ накормить. Молчали. А въ вагонѣ шевелились на висящихъ койкахъ раненые, и время отъ времени наше молчаніе нарушалось ужаснымъ, сверлящимъ душу и совѣсть стономъ:

— Гос... поди! Аааа!..

СВИДАНІЕ.

Послѣднее письмо отъ брата было нѣсколько необычнымъ: оно напоминало духовное завѣщаніе человѣка, приговореннаго къ смерти... «Стоимъ на передовыхъ позиціяхъ подъ Ч-мъ, невылазно сидимъ въ окопахъ подъ непрерывными разрывами нѣмецкихъ «чемодановъ» и вылѣзаемъ изъ своихъ могилъ только во время непріятельскихъ атакъ. Двѣ атаки отразили, но ждемъ третью, и у меня такое чувство, что на сей разъ счастье измѣнитъ мнѣ, а потому я и пишу тебѣ, какъ и что сдѣлать въ этомъ случаѣ. Прощай, всѣхъ васъ крѣпко цѣлую!..»

Письмо было отправлено съ оказіей: съ раненымъ въ послѣдней атакѣ товарищемъ, и потому пришло сравнительно скоро. Нашъ передовой отрядъ направлялся на фронтъ Ченстоховъ—Краковъ, и меня настойчиво преслѣдовала мысль о свиданіи съ братомъ. Пока мы пробирались къ дѣйствующей арміи, нашъ маршрутъ внезапно измѣнился, затѣмъ—прошло уже около трехъ недѣль отъ даты письма, и когда мы доползли до Опочны, я не зналъ не только о томъ, гдѣ находится теперь братъ, но даже—живъ ли онъ. Раньше подъ рука-

ми были печатаемые въ газетахъ списки убитыхъ и раненыхъ, а теперь—полная неизвѣстность: въ Опочну не доходили газеты и письма, городокъ былъ отрѣзанъ отъ остального міра и жилъ своей собственной жизнью. Было слышно, что наши арміи свершили какую-то диверсію, совершенно измѣнивъ свой фронтъ; по всей линіи гремѣла канонада... Послѣ удачнаго боя подъ Опочной нервное напряженіе городка разрядилось; въ единственной цукернѣ опять воцарилось оживленіе, растворились двери многихъ закрытыхъ было лавокъ... Неожиданно нашелся попутчикъ въ штабъ той арміи, гдѣ находился мой братъ... Рѣшено: ѣду искать его и, во что бы то ни стало, повидаюсь съ нимъ, если, конечно, онъ существуетъ еще на свѣтѣ. Маленькій ручной чемоданчикъ со смѣной бѣлья и съ бутылкой коньяку и фунтомъ паюсной икры, подаренныхъ мнѣ при отъѣздѣ друзьями и до сей поры непочатыми, сбереженными именно на этотъ случай,—вотъ весь мой багажъ.

Благополучно, подъ непрерывную музыку пушекъ, свершили переѣздъ до штаба арміи, и здѣсь я узналъ, какъ и гдѣ слѣдуетъ искать мнѣ брата.

— А живъ онъ?—спросилъ я съ тревогою въ сердцѣ.

— Простите, этого мы вамъ сказать не можемъ. Къ намъ поступаютъ свѣдѣнія, но не такъ быстро. Справьтесь, Н. Н.!

Томительное и мучительное ожиданіе! Минуты кажутся часами. И здѣсь слышна канонада, глухо такъ, словно тяжко вздыхаетъ въ горахъ великанъ.

— Недѣля тому назадъ былъ живъ.

— Благодарю васъ!

Недѣля тому назадъ! Въ этой войнѣ недѣля—долгій срокъ, слишкомъ долгій!

Такой милый, любезный народъ:

— Вамъ придется—на Кѣльцы. Хотите, я васъ довезу до Кѣлецъ на автомобилѣ?

— Какъ же не хотѣть? Я вамъ буду страшно благодаренъ! Вѣдь, на желѣзной дорогѣ теперь проѣдешь сутокъ трое минимумъ...

— Да. А то и пять сутокъ бываетъ...

— А подводу не найдешь за сто цѣлковыхъ.

— Комендантомъ посланы казаки ловить фурманки... Такъ завтра къ десяти будьте готовы.

На другой день мы мчались по сравнительно мало попорченному шоссе на Кѣльцы. Съ утра день хмурился, въ воздухѣ стояла пронизывающая сырость, плыли туманы, бѣлѣлъ снѣгъ на поросшихъ сосной вершинахъ горъ, отроговъ Карпатскихъ. Прекрасный сильный автомобиль преодолѣвалъ всѣ препятствія, а на ровныхъ мѣстахъ, когда не мѣшали встрѣчные обозы, мчался со скоростью 80 верстъ въ часъ, каскадомъ разбрасывая жидкую, похожую на растворенный въ молокѣ шоколадъ, грязь. Рѣзкій, мокрый вѣтеръ бьетъ въ лицо, мерзнутъ уши, надоѣдаетъ насморкъ... Спустя часъ-два, день проясняется, туманы таютъ, и изрѣдка начинаетъ ласково улыбаться солнышко. Ярко зеленѣютъ озими, сосновые лѣса, горизонты въ синихъ горнихъ силуэтахъ. Должно быть, здѣсь великолѣпно лѣтомъ! Такъ красивы эти горнія плато, холмы и горы, рѣчки, бѣлѣющіе хуторы. Природа напоминаетъ крымскія долины, и мысль невольно несется къ мирнымъ и ласковымъ воспоминаніямъ о нашемъ южномъ побережьи, о золотомъ пескѣ, горячемъ солнцѣ и сладостной истомѣ, и кажется страннымъ, что люди истребляютъ другъ друга, позабывши о всѣхъ радостяхъ, которыя разбросаны такъ щедро Творцомъ для человѣка по всей землѣ... Господи, какая красота! А лицо моего спутника озабочено, хмуро, онъ такъ далекъ въ эту минуту отъ

меня и моихъ мыслей. Онъ—летчикъ, начальникъ авіаціоннаго отряда. Умное, энергичное лицо, въ петлицѣ ленточка Георгія.

— Простите: я не знаю вашей фамиліи!

— Ткачевъ!

— За что получили Георгія?

Хмурое лицо сразу просвѣтляется, и милая улыбка скользитъ и прячется подъ хохлацкаго типа усами.

— За удачную развѣдку во время Люблинскихъ боевъ у Красника.

Разсказываетъ подробности. Успѣлъ раскрыть обходъ, намѣтить расположеніе непріятеля, и получились прекрасные результаты. Раздобывъ всѣ нужныя свѣдѣнія, летѣлъ обратно, попалъ подъ непріятельскій обстрѣлъ и потерпѣлъ аварію: пуля перебила трубку, передающую масло, и волей-неволей надо было опуститься въ районѣ непріятельскихъ войскъ...

— Однако, выкарабкался! Въ такіе моменты мысль работаетъ съ тройной энергіей: сбросилъ сапогъ, заткнулъ пробоину ногой и остановилъ потокъ масла. Оно, конечно, лилось, но значительно слабѣе, и потому мнѣ хватило его добраться до линіи своихъ войскъ, и такимъ образомъ я спасъ аппаратъ, себя, а главное—сохранилъ результаты развѣдки...

Спутникъ преобразился и началъ говорить о полетахъ, какъ поэтъ. Онъ нарисовалъ мнѣ картину одного полета надъ боемъ во время вечерней зари и чудесъ на небѣ.

— Не умѣю передать чувства, которое я испытывалъ въ этотъ моментъ!.. Если бы я владѣлъ кистью и красками, я написалъ бы, попытался бы написать, особенно запомнившійся мнѣ моментъ, какую-то фантастическую комбинацію красокъ въ небѣ и надъ землей, крыло моей птицы, горящую деревню съ черным облакомъ тяже-

лаго дыма, которое румянила вечерняя заря... Я летѣлъ и думалъ: даже въ ужасахъ войны есть красота, величіе и поэзія... Съ тѣхъ поръ какъ я сталъ летать, я вылѣчился отъ хандры и скуки. Я былъ артиллерійскимъ офицеромъ и томился отъ скуки жизни, а теперь... Ахъ, если бы намъ побольше и получше аппаратовъ! Ѣду съ надеждами все это выяснить и... Вотъ видите: мнѣ бы слѣдовало полетѣть, а я ѣду на автомобилѣ!—съ горечью кончилъ собесѣдникъ, и лицо его снова нахмурилось. До Кѣлецъ ѣхали около трехъ часовъ и затѣмъ разстались: я остался въ номерахъ, а спутникъ помчался далѣе. Ну, слава Богу, теперь только 20 верстъ до брата! Послѣ пребыванія въ уѣздныхъ городкахъ и мѣстечкахъ Кѣльцы кажутся столицей. Чистый номеръ съ мягкой постелью, съ чистой простыней, съ электричествомъ, съ умывальникомъ, съ электрическимъ звонкомъ, къ которому стоитъ только прикоснуться, какъ появляется панъ кельнеръ и спрашиваетъ:

— Цо треба пану?

— Баня въ городѣ есть?

— Ни! Може панъ хце ванна?

— Прекрасно!

Иду къ ваннѣ. Увы! Надо ждать очереди.

— А когда будетъ очередь?

— Ютро на вечуръ!

Это значитъ—завтра вечеромъ! Попасть въ ванну скоро—все равно, что выиграть въ лотерею. Можете судить, сколько грязнаго народа пріѣзжаетъ въ Кѣльцы, если надо записаться въ очередь на завтра вечеромъ?! Отправился въ ресторанъ при номерахъ и наслаждался: ѣлъ порцію за порціей, и все было такъ вкусно, что аппетитъ не потухалъ. Я съ удивленіемъ и упрекомъ смотрѣлъ въ глубину своей души и не узнавалъ себя: обжора, положительно обжора! Меня, однако, уже узнали:

— Простите: вы... не писатель Чириковъ?

Я сконфузился. Мнѣ подумалось: этотъ человѣкъ видѣлъ, какъ жретъ писатель... Хотѣлось отрѣчься отъ своего имени, но...

— А что?

— Позвольте познакомиться!

Спѣшу использовать новаго знакомаго по части подводы. Одна надежда на коменданта, но едва ли! Даже офицеры, отправляющіеся въ свои части, ждутъ по трое сутокъ очереди...

— Пожалуй, легче попасть въ ванну!

Такъ и вышло. Подводъ нѣтъ. Кѣльцы сдѣлались такимъ пунктомъ, гдѣ теперь огромное передвиженіе. Весь ресторанъ кишмя кишитъ военнымъ людомъ. Среди него съ перваго взгляда отличишь боевиковъ, т.-е. офицеровъ съ передовыхъ позицій: они худы, лица ихъ зеленоватаго цвѣта, глаза безпокойно блуждаютъ, одѣты некрасиво, грязновато, безъ претензій, но практично; чувствуютъ они себя какъ-то неловко, стѣсняются. Одичали, милые! Подсаживаюсь къ такимъ милымъ дикарямъ, завожу разговоръ. Охотно разсказываютъ и очень много интереснаго. Боюсь, что всѣ эти разсказы уже сдѣлались воспоминаніями и, можетъ быть, о нихъ въ свое время писалось въ газетахъ, а потому не рѣшаюсь ихъ передавать. Однако, объ очень многомъ и очень интересномъ нигдѣ не писалось... да и мнѣ лучше помолчать покуда. Какъ-нибудь при случаѣ...

Прожилъ день, прожилъ второй до обѣда. Пришелъ уже въ отчаяніе. Всего 20 верстъ, а не доберешься... Пошелъ бы пѣшкомъ, но... забредешь куда-нибудь къ нѣмцамъ, вмѣсто родного брата... Опять наслаждаюсь ресторяномъ: дворецъ, да и только! Послѣ собачьей жизни въ грязи, въ сырости, въ холо-

дѣ, въ неряшливости, при полномъ отсутствіи примитивныхъ культурныхъ удобствъ, даже въ уборной ресторана испытываешь радость жизни! И вотъ снова счастливый случай! Положительно везетъ! Сижу за своимъ столикомъ и приглядываюсь къ публикѣ. Замѣчаю, что на меня очень пристально смотритъ господинъ въ формѣ военнаго врача. Сразу видно, что онъ не настоящій военный, а такъ же, какъ и я—временный. Приглядываемся другъ къ другу, чувствуя взаимное тяготѣніе. Я срываюсь съ мѣста и подсаживаюсь, знакомлюсь: врачъ изъ Саратова. Жалуюсь ему на свое безвыходное положеніе.

— А вашъ братъ въ которомъ корпусѣ?

Называю корпусъ и полкъ.

— Это рядышкомъ съ нами! Верстахъ въ шести отъ нашего отряда. Хотите довезу? У меня свои лошади и бричка.

— Благодѣтель! Когда же поѣдемъ?

— Завтра утрышкомъ.

Хочется думать, что сами небеса вмѣшались въ мою пользу и посылаютъ мнѣ счастливые случаи и неожиданныхъ благодѣтелей... Итакъ, завтра послѣдній этапъ моего путешествія. Нѣжился ночью въ постели, словно купался въ наслажденіи, нюхалъ чистое бѣлье, игралъ электричествомъ, сталъ было засыпать, и вдругъ прилетѣла въ голову непрошенная мысль:

— Пріѣду и вдругъ мнѣ скажутъ: онъ убитъ, вашъ братъ.

Хорошо, мягко, никто не кусаетъ, а не спится: тревога дрожитъ въ душѣ, и все хочется, чтобы поскорѣе прошла долгая ночь...

Выбрались изъ Кѣлецъ только около полудня: пропалъ денщикъ доктора, побѣжавшій къ еврею починить свои сапоги.

— Чортъ его сунулъ сдѣлать это именно въ то время, когда надо ѣхать! Вѣдь, говорилъ ему я, чтобы къ десяти лошади были въ упряжи!.. Какъ мы, русскіе, не умѣемъ располагать своимъ временемъ! Стояли цѣлыя сутки, и онъ... Вонъ бѣжитъ... Какого чорта ты...

— Такъ что, вашескородіе, сапоги были неготовы, ждать пришлось.

— Живо!

— Попою лошадей и готово! Живой рукой... Поспѣемъ!..

Чрезъ десять минутъ усѣлись въ высокую австрійскую бричку, съ грохотомъ выкатились изъ-подъ арки воротъ и, замѣшавшись въ уличной толчеѣ, стали съ трудомъ пробираться впередъ, ныряя средь обозныхъ телѣгъ, парковъ, автомобилей, казацкихъ взводовъ, громыхающихъ солдатскихъ кухонь. И все казалось, что никогда не выплывешь изъ этой безтолковой сутолоки... Но вотъ промелькнули послѣдніе домики города, и раскрылся просторъ огромной горной долины, которую въ разныхъ направленіяхъ пересѣкали политыя густой сѣрой грязью шоссейныя дороги. До Кѣлецъ грязь напоминала растертый шоколадъ, здѣсь она напоминала какао. Впереди синѣли причудливые контуры покрытыхъ лѣсомъ горъ, и глаза жадно искали тамъ что-то. Казалось, что стоитъ добраться до этихъ горъ,—и за ними увидишь нѣчто необычное, составляющее самую сущность войны, узнаешь и поймешь самое страшное таинство взаимоистребленія. Но приближались къ горамъ, вползали на высоту и спускались. Прекрасный сосновый лѣсъ; мирно и тихо; глаза отдыхаютъ въ зеленоватомъ лѣсномъ сумракѣ, и кажется, что ѣдешь роднымъ лѣсомъ гдѣ-нибудь въ Поволжьѣ, и не вѣрится, что такъ близко люди ожесточенно уничтожаютъ другъ друга. Обгоняемъ конный полкъ. Онъ гуськомъ тихо, не-

торопливо пробирается, словно свершаетъ прогулку; всадники безпечно болтаютъ, покуриваютъ, перешучиваются. Привѣтливо обмѣниваемся козыряніемъ. Такъ красива эта вереница всадниковъ на чудныхъ гладкихъ умныхъ лошадяхъ въ таинственномъ лѣсу въ горахъ!

— Пулеметы на сѣдлахъ! А вонъ конная артиллерія...

Душа вздрагиваетъ и проходитъ миражъ родного лѣса и мирной тишины. Выѣзжаемъ изъ лѣса, и снова обширная долина съ дорогами изъ раствореннаго какао. А войны все нѣтъ. Мирно поглядываютъ курицы около попадающихся придорожныхъ хуторковъ, провожаетъ злымъ лаемъ домовитая, заботливая собачонка, житель постаиваетъ у воротъ, покуривая трубку и провожая насъ загадочнымъ, тяжелымъ взглядомъ. Охъ, какъ же, должно быть, надоѣли мы всѣ бѣднымъ жителямъ! Ѣхать быстро нельзя: чѣмъ дальше, тѣмъ хуже дорога: ямы, голдобины. А вотъ и вѣстники близкаго кровопролитія: тянется вереница похожихъ на огромные гроба фурманокъ, запряженныхъ парами тощихъ лошаденокъ, болтаются на палкахъ флажки съ красными крестами и, какъ покойники, вытянувшись во всю длину, потрое, потрясываются и стонутъ солдаты въ окровавленныхъ повязкахъ...

— Откуда?

— Изъ-подъ М!

Тревожно вздрагиваетъ сердце. Быть можетъ, только вчера въ одномъ изъ боевъ по этому фронту убитъ мой братъ!..

— Далеко, докторъ, намъ ѣхать?

— Часа два еще проѣдемъ. До насъ, до нашего перевязочнаго пункта. А тамъ покормимъ васъ и проводимъ до Р. Тамъ недалеко—верстъ семь,—но зато очень грязно. Проѣзжаемъ городокъ Х. Изумительный горо-

докъ. Точно кусочекъ средневѣковья. Улицы узенькія и дома, закопченные, древніе, въ такомъ причудливомъ безпорядкѣ; неожиданные дверки, окошечки, переулочки; крыши поросли грибами, мохомъ, навѣсы и лавчонки, за которыми торчатъ цѣлыя семейства евреевъ въ костюмахъ, такъ идущихъ къ общему виду улицы. Бѣднота ужасающая. Живутъ, какъ клопы въ щеляхъ, въ каждой каменной трещинѣ. Таращатся изъ дыръ въ стѣнахъ красивые огромные черные глазенки кудрявыхъ ребятъ, пугливо выглядываютъ измученныя лица матерей. Но вотъ — старый костелъ и болѣе чистая польская часть городка. Надъ нимъ высокая гора, и на ней развалины стариннаго замка... Сѣрый туманъ, висящій надъ горой, мѣшаетъ разсмотрѣть развалины, и онѣ какъ-то фантастично, словно изъ облаковъ, смутно рисуются причудливымъ расплывчатымъ силуэтомъ сказочнаго замка изъ Аріосто... Отъ города наша бричка свертываетъ съ шоссе и тихо ползетъ по непролазной грязи. По сторонамъ—горы, усѣянныя окопами. Перебѣгаютъ съ фанерками солдаты, кажущіеся муравьями. Кое-гдѣ жители у костровъ: они роютъ окопы и сейчасъ отдыхаютъ. И все-таки никакой войны нѣтъ!.. Тихо и совсѣмъ не страшно, и не кажется опаснымъ. Совсѣмъ не такъ представлялъ себѣ область передовыхъ позицій. А, вотъ оно! Грохнулъ орудійный выстрѣлъ, за нимъ второй, третій, потомъ сразу выстрѣловъ шесть на протяженіи секунды. Эхо покатилось въ горахъ, но вѣтеръ отъ насъ, и ночная канонада кажется далекой...

— Началось! Нынче пасмурный день. Туманъ мѣшалъ... Теперь маленько прояснило,—вотъ и начали...

Чтобы избавиться отъ грязи, свернули на луга и поѣхали по сырой поблекшей травѣ. Направо, нахохлившись, виднѣлись маленькія деревушки по нѣскольку хатокъ.

— А вонъ и наша стоянка!—показалъ докторъ.

Пріѣхали въ полковой перевязочный пунктъ. Деревушка изъ пяти «халупъ», — такъ называются здѣсь крестьянскія избы. Двѣ изъ нихъ занимаетъ перевязочный пунктъ. На порогѣ появляется нѣсколько молодыхъ людей въ папахахъ и радостными восклицаніями издали привѣтствуютъ доктора.

— А я вамъ гостя привезъ! Узнайте-ка вотъ!

Отрекомендовалъ молодымъ врачамъ, похожимъ еще на студентовъ, и тѣ не сразу повѣрили, что я—дѣйствительно я. Разсмотрѣвъ, однако, убѣдились и несказанно обрадовались свѣжему, невоенному человѣку. Такъ вотъ какъ живутъ военные врачи на позиціяхъ! Халупа сажени въ три длины и двѣ ширины, большая часть ея занята очагомъ, пищатъ ребятишки, толкутся хозяева, а на полу—солома, и на ней спятъ пятеро врачей. Тутъ же перевязываютъ раненыхъ, которые тутъ же иногда и умираютъ...

Молодой, жизнерадостный народъ. Живутъ дружно, какъ родные братья. Хорошо накормили меня супомъ, угостили краснымъ виномъ и, давъ мнѣ лошадей, рѣшили доставить на мѣсто подъ почетной охраной. Двое молодыхъ врачей сѣли верхами и поѣхали по обѣимъ сторонамъ моей фурманки. Ѣхать было такъ спокойно подъ охраной этихъ здоровыхъ и веселыхъ молодцовъ, но трудно: грязища феноменальная, косогоры и ямы съ водой. Какъ-то сразу потемнѣло, туманъ повисъ надъ низиной, и охрана, ускакавъ впередъ на развѣдки, возвращалась и руководила моимъ возницей, показывая, какъ и гдѣ легче проѣхать. Въ результатѣ этотъ послѣдній переходъ оказался самымъ тягчайшимъ и потребовалъ часа два времени. Въ деревушкѣ мигали подслѣповатые огоньки, и маленькіе костры въ ямахъ свѣтились, какъ свѣтляки, по огородамъ и задворкамъ. Ха-

лупъ двѣнадцать, а живетъ цѣлый полкъ. Халупы заняты офицерами, а солдаты живутъ въ землянкахъ, въ сараяхъ, хлѣвахъ, въ конюшняхъ. Ночи сырыя и холодныя... И все-таки ихъ считаютъ счастливыми: они на отдыхѣ, не въ окопахъ!..

— Л—скій полкъ здѣсь?

— Такъ точно!

— Капитана такого-то знаешь?

— Они другого батальона!

— А гдѣ живетъ? Которая халупа? Проводи!

Спутники простились и поѣхали обратно, а я двинулся за солдатомъ.

— Такъ что едва ли вы ихъ обнаружите. Никакъ ихъ батальонъ вчерась въ окопы на очередь всталъ...

Вотъ незадача! Только вчера ушелъ. Но и то хорошо, что живъ! Неужели все мое многотрудное путешествіе должно оказаться безцѣльнымъ? Такъ горько и обидно...

— А окопы далеко?

— Нѣ! Версты четыре. Може, пять...

— А можно попасть туда?

— Можно, ежели... ночью можно. Денщики ночью обѣдъ носятъ. Такъ что теперь настоящихъ боевъ нѣтъ, а только антилерійскій. А изъ ружей только такъ, пугаютъ другъ дружку...

— А нѣмецъ близко?

— У насъ австріякъ,—презрительно произнесъ солдатъ...—Сегодня въ горахъ обозъ у нихъ подбили. Двѣ горы сходятся, а въ щели-то межъ ихъ примѣтили—ползетъ... Чуть видать. Въ биноклю замѣтили. И начали антилеріей. Теперь бросили, стоитъ на мѣстѣ, въ биноклю видать, а только взять нельзя!

— Почему?

— Не даютъ! Обстрѣливаютъ шрапнелью. И мы имъ не даемъ, и они—намъ! Лошадей и прислугу всю перебили, а только ни себѣ, ни людямъ...

Отыскали халупу брата и его денщика. Халупа маленькая, грязная, обстановка та же, что и у врачей. Увидалъ на столѣ культурныя вещицы брата и словно приблизился къ нему и еще сильнѣе захотѣлось повидаться. Присѣлъ было на кровать, думая, что она—братняя, и вдругъ почувствовалъ подъ собой что-то живое. Даже испугался. Вскочилъ. Зашевелился покровъ, и выглянуло двѣ головы: мужская и женская... Денщикъ покатился со смѣху. Оказалось, что я сѣлъ на хозяевъ дома...

— А гдѣ же спитъ твой баринъ?

— На полу мы съ имъ спимъ... Баринъ не любитъ жителей безпокоить, не какъ другіе.

— А не сходить ли намъ къ барину? Какъ думаешь?

— Можно. Такъ что они сегодня не приказывали, а завтра ночью съ обѣдомъ...

— А опасно?

— Да, вѣдь, какъ сказать? Все отъ Бога! Я вотъ ничего, хожу... Богъ бережетъ... Сейчасъ не такъ, чтобы опасно, а такъ говорится, что пуля—дура... Кто знаетъ, что они ночью думаютъ. Сейчасъ спокойно, а сейчасъ—въ атаку... И грязно. Не дойдете пѣшкомъ, ваше благородіе. Такъ что лошадка у барина есть. Можно верхомъ. Я могу впередъ...

Денщикъ почесывается, позѣвываетъ. Видимо, ему не улыбается мой планъ.

—Ѣхалъ-ѣхалъ повидаться съ братомъ, неужели такъ и уѣхать, не повидавшись?

— А вы имъ братъ будете?

— Братъ.

— Родной?

— Родной.

— Надо проводить, а то баринъ сердиться будутъ... Ежели не боитесь, такъ...

Нельзя сказать, чтобы я не чувствовалъ никакой боязни. Что-то тревожно копошилось въ глубинѣ души, мышка какая-то человѣческой трусости, именуемой чувствомъ самосохраненія, бѣгала въ организмѣ, понюхивала и прыгала по уголкамъ. Надо ее прогнать. Покурилъ, вышелъ на дворъ, посмотрѣлъ, послушалъ. Темно и тихо. Тайна виситъ въ ночномъ молчаніи. Такъ пріятно чувствовать опасность и сознавать себя храбрымъ. Пробунчалъ «Что день грядущій мнѣ готовитъ» и, вернувшись въ халупу, рѣшительно и громко приказалъ:

— Одѣвайся! Идемъ въ окопы!

— Лошадь прикажете осѣдлать?

— А смирная?

— Была рѣзвая, а только теперь какъ теленокъ!.. Хвораетъ. Да, вѣдь, ночью-то и нельзя рѣзво-то ѣхать, какъ разъ въ канавѣ будешь. Дополземъ какъ-нибудь...

Чрезъ четверть часа мы двинулись. Опять заползала и забѣгала въ душѣ мышка, но гдѣ-то хрипло пропѣлъ пѣтухъ,—и все показалось вдругъ такимъ простымъ, обыденнымъ и обыкновеннымъ. Вонъ! Даже пѣтухъ поетъ... какъ всегда! Солдаты на дворѣ ругаются съ упоминаніемъ родителей изъ-за какого-то пустяка. У меня—насморкъ. Все такъ просто, и никакой войны не чувствуется. Не вѣрится даже, что верстахъ въ пяти людей сторожитъ и днемъ и ночью смерть. Вонъ въ той сторонѣ, гдѣ темнѣетъ похожая на упавшую тучу гора!.. Попадались огромныя рытвины, наполненныя водой, денщикъ вскакивалъ на лошадь, и мы ѣхали вдвоемъ.

— Не слѣзай! Поѣдемъ вмѣстѣ! Торопиться некуда...

Темно, но чувствуется уже подъемъ. Тянетъ мозглой сыростью изъ межгорій. Гдѣ-то тяжело вздыхаютъ орудія. Ѣду и думаю: «а все-таки я—храбрый... Что-то дѣ-

лаютъ теперь у насъ дома? Вѣроятно, думаютъ, гдѣ я и что со мной. Видимо, письма не доходятъ. Если убьетъ шальная пуля, нескоро узнаютъ».

Тихо шагала лошадь, я покачивался въ сѣдлѣ, и мысль моя летала далеко-далеко отъ настоящаго момента. Меня уже убили, и теперь рисовались всѣ послѣдствія. Какъ и что будетъ. И такъ я фантазировалъ и не замѣтилъ, какъ взобрались на пологую гору.

— Вашь благородіе! Здѣсь у дерева надо привязать лошадь, а самимъ иттить надо.

— Развѣ близко?

— Такъ что съ полверсты...

Раскрылъ глаза. Стоимъ около дерева. Чьи-то голоса. Два казака, лошади которыхъ у дерева же. Денщикъ тихо говоритъ съ казаками, объясняя имъ нашу задачу...

— Не стрѣляютъ?

— Тихо. У нихъ сегодня сочельникъ. Видно, Богу молятся, сволочи...

— Вотъ бы угостить хорошенько!

Пошли зигзагами въ гору. Ничего не видать. Никакихъ окоповъ. И вдругъ въ темнотѣ скверное слово, брошенное вполголоса. Огонекъ въ землѣ,—кто-то закурилъ...

— Сюда, тутъ поосторожнѣе... Ямы!

Иду, боясь отстать. Окопы чувствуются. Чувствуются близко живые люди. Нырнули въ канаву, прошли по ней шаговъ десять, и денщикъ остановился.

— Ну!

— Кто идетъ?—тревожно спросилъ голосъ словно изъ-подъ земли. Голосъ брата!

Денщикъ приподнялъ рогожку, играющую роль дверки, и я очутился при входѣ въ землянку, въ маленькій склепъ, въ могилу... Кубическая сажень, на полу—

солома и кудель, въ углу воткнутая въ стѣну обломанная лопата и на ней свѣча. Таинственный полусвѣтъ и рослая фигура брата, который стоитъ и удивленно, почти испуганно, смотритъ на меня и не можетъ узнать. Вѣдь, я въ военной формѣ!

— Здравствуй, Алеша!

— Геня! Какъ же это?!..

— А вотъ такъ... въ гости пріѣхалъ... Вотъ и гостинца привезъ... Бутылку коньяку и икры!.. Мы крѣпко расцѣловались. Братъ отвернулся къ стѣнѣ и отиралъ пальцами слезы. Нервы поистрепаны у обоихъ. Я тоже не сдержался, и оба мы, отвернувшись въ стороны, посопѣли, конфузясь и стѣсняясь своей сентиментальности... Потомъ стали говорить о родныхъ и о разныхъ пустякахъ, не относящихся къ переживаемому моменту, затруднялись оба въ темахъ и вообще чувствовали и радость, и смущеніе, и какую-то неловкость. Мысли скакали, какъ блохи. Нѣсколько разъ я повторилъ про коньякъ и икру, но даже не догадались выпить за свиданіе при столь необычной обстановкѣ. Началъ, было, онъ разсказывать, какъ было тяжко подъ Ч—вымъ, но въ этотъ моментъ грохнулъ взрывъ, и мелкая земляная крошка посыпалась съ потолка... Проклятая мышка опять забѣгала и затумашилась въ душѣ.

— Это наши! Караулятъ, часы отбиваютъ... А всетаки ты напрасно рискуешь... А вдругъ атака? Что я съ тобой буду дѣлать?

— Сяду на лошадь и ускачу!

— Мг... Думаешь, что это такъ легко сдѣлать?

И вотъ сразу оба мы потеряли спокойствіе и хладнокровіе. Братъ топтался въ берлогѣ, говорилъ, что какъ только начнетъ свѣтать, такъ начнется перестрѣлка... И тогда нельзя вылѣзать,—начнутъ свистѣть пули. Тогда ужъ не уйдешь! Придется сидѣть до слѣдующей ночи...

— У тебя недурно устроено...

— Для батальоннаго командира дѣлаютъ особнякъ со всѣми удобствами. Отъ меня телефонъ, только, конечно, не съ Москвой и не съ Питеромъ...

— А солдаты близко?

— Впереди. Недалеко...

— Спятъ?

— Какой сонъ! Тычутся носомъ. Спросонья выстрѣлитъ одинъ, и начнутъ всѣ жарить въ небо... Тогда и тамъ растревожатся.

Опять грохнула наша батарея, а потомъ я застылъ въ ужасѣ. Точно надъ самой головой раздался орудійный выстрѣлъ, земля посыпалась съ потолка землянки, и за рогожкой послышалось шопотомъ:

— Ахъ, ты такъ...

— Это, братъ, «чемоданъ» прилетѣлъ!—прошепталъ братъ.

— Близко разорвался?

— Нѣтъ. Не особенно... А все-таки тебѣ надо уходить... Ничего, братъ, не подѣлаешь... Чортъ ихъ знаетъ... Такъ близко еще не падали...

— Да... Ничего не подѣлаешь...

Помолчали секундочку. Такъ жаль было разставаться. Жалко и какъ-то совѣстно. Любовь и нѣжность къ брату перемѣшивались съ чувствомъ подлаго животнаго страха.

— Иди, милый!.. Спасибо, что навѣстилъ! Всѣхъ, всѣхъ крѣпко расцѣлуй отъ меня...

Обнялись, крѣпко поцѣловались и, нырнувъ подъ рогожку, я вышелъ изъ землянки. Братъ вышелъ проводить:

— Зотовъ! Смотри, береги барина!—строго, почти сердито крикнулъ онъ денщику.

— Такъ точно! Буду стараться, ваше высокородіе!

12*

— Ну, храни тебя Богъ!

Пошли по канавѣ и когда я, спустя секунду, обернулся, ничего не было. Землянки было не видать, и все, что случилось, казалось сномъ, фантазіей...

Не больше часа пробылъ въ гостяхъ. Потомъ, всю дорогу, покачиваясь въ сѣдлѣ, чувствовалъ какое-то угрызеніе совѣсти. Почему я не побылъ еще часъ, еще два? Ночь темная и долгая, и вотъ опять тишина и молчаніе. И ничего нѣтъ страшнаго и опаснаго... А, вѣдь, все можетъ быть... Быть можетъ, это было нашимъ послѣднимъ свиданіемъ?

— Эхъ, ты!

И слезы прыгали съ моихъ рѣсницъ, и все тянуло обернуться, повернуть лошадь. И все что-то мѣшало, и лошадь шагала во тьму ночи, все дальше и дальше отъ брата, оставленнаго мною въ сырой, страшной могилѣ...

НОЧЬ ВЪ ОБОЗѢ.

Днемъ и ночью, какъ огромныя змѣи, ползаютъ по грязнымъ дорогамъ, въ разныхъ направленіяхъ, войсковые обозы, громыхаютъ тяжело нагруженными коваными телѣгами, артиллерійскими парками, звонкими кухнями, тяжелыми лазаретными фурами,—иной разъ встрѣча съ такимъ обозомъ разбиваетъ всѣ расчеты путешественника, ибо ему приходится посторониться и ждать по цѣлымъ часамъ, пока такая трех-четырехверстная змѣя проползетъ, наконецъ, мимо, и путь очистится до слѣдующей встрѣчи... Не дай Богъ замѣшаться, влѣзть въ эту змѣю: не вылѣзешь и будешь плыть по теченію долгіе часы, находясь подъ непрестанной угрозою быть смятымъ на какомъ-нибудь уклонѣ, когда тихій, медлительный обозъ неожиданно дастъ ходу и, подъ напирающей подъ гору тяжестью, побѣжитъ рысью. Часто такой обозъ ползетъ въ двѣ линіи, занимая шоссе отъ края до края, и тогда попасть въ обозъ проѣзжающему по своему дѣлу путнику равносильно серьезной аваріи... Тогда плыви и смотри въ оба: сомкнутъ, раздавятъ, только мокренько останется. Непосвященнаго человѣка, торопящагося по своему дѣлу, эти огромныя змѣи раздражаютъ: ползутъ, ползутъ въ

разныя стороны, иногда навстрѣчу другъ другу, ползутъ неугомонно днемъ и ночью, ползутъ лѣниво, и кажется, что ползутъ отъ нечего дѣлать. Непосвященному и въ голову не приходитъ, что эти ползучія змѣи играютъ первостепенную роль на войнѣ, что это—желудки полковъ, желудки дивизій, иногда цѣлыхъ армій, желудки, питающіе не только людей и животныхъ, но и весь боевой инвентарь: пушки, пулеметы, винтовки... Каждый полкъ имѣетъ свой желудокъ и бережетъ этотъ существенный органъ своего организма, какъ зеницу ока. Конечно, при отсутствіи густой сѣти желѣзныхъ дорогъ и при мало развитой шоссейной, эти хвосты-желудки, медлительные и тяжелые, сильно тормозятъ подвижность и передвиженіе войсковыхъ частей, но что же дѣлать? Нельзя вырѣзать и выбросить желудокъ. Рѣдко полкъ видитъ свой желудокъ: послѣдній держится всегда на приличной дистанціи отъ остального организма. Этого требуетъ военная предосторожность. При наступленіи желудокъ позади, при отступленіи онъ впереди. Въ сравнительно близкомъ разстояніи отъ полка держится выдѣляемый изъ основного обоза—маленькій обозъ перваго разряда, гдѣ имѣется подъ руками минимумъ вещей и снаряженія, необходимыхъ для жизни и дѣйствій въ теченіе сутокъ. Чрезъ этотъ малый обозъ свершается непрерывный притокъ всѣхъ питательныхъ соковъ изъ основного. Полкъ уходитъ на позиціи, обозъ становится на приличной дистанціи и внѣшне кажется отрѣзаннымъ и отброшеннымъ органомъ. Но стоитъ побыть въ немъ, какъ сейчасъ же почувствуешь, что этотъ отрубокъ находится въ тѣсной и непрестанной связи съ полкомъ...

Разскажу вамъ объ одной ночи, которую пришлось мнѣ провести въ обозѣ К. полка, куда я пробирался, чтобы повидаться съ друзьями. Надо вамъ сказать, что

обозъ—это маякъ, съ помощью котораго только и можно благополучно доплыть до свиданія съ самимъ полкомъ. Каждый офицеръ, направляющійся въ свой полкъ, ищетъ его обозъ. Полкъ можетъ въ теченіе сутокъ перемѣнить позицію, занять другую деревню, уйти впередъ, отодвинуться назадъ или въ сторону, и только въ обозѣ вамъ могутъ опредѣленно указать маршрутъ, по которому можно и безопасно пробраться къ полку. А сутки, при сложности и трудности передвиженія въ районѣ дѣйствующей арміи—такая пустячная величина, что не всегда пригодна даже при сороковерстномъ разстояніи. Я былъ въ 45 верстахъ отъ расположенія полка, когда прискакавшій всадникъ вручилъ мнѣ письмо отъ друзей съ извѣщеніемъ о возможности свиданія, такъ какъ полкъ, какъ они предполагали, два-три дня простоитъ на отдыхѣ въ резервѣ. Своей лошади у меня не было, и пришлось поѣхать принудительнымъ путемъ на представителѣ мѣстнаго населенія. Поиски въ городкѣ оказались безрезультатны. Верховой объѣхалъ окрестныя деревушки и къ вечеру привелъ-таки мнѣ несчастнаго «пана» съ фурманкой на одной лошади. Встрѣчные обозы и невылазныя грязи судили намъ проѣхать до ночи верстъ 18. Лошаденка заморилась, заморился и самъ я. Ѣхать дальше не было силъ. Словно избили... Заночевали въ мѣстечкѣ и утромъ двинулись дальше. Поломалось колесо,—остановка часовъ на пять. Хорошо, что съ кѣмъ-то уже ранѣе насъ случилось подобное же несчастіе, и отыскалась вторая фурманка со сломаннымъ колесомъ, а иначе бы хоть плачь. Два несчастныхъ случая породили въ результатѣ одинъ счастливый, и мы поѣхали дальше. Къ ночи добрались-таки до деревни Р., но полка здѣсь уже не нашли. Здѣсь была другая часть.

— А гдѣ же К-ій полкъ?

— Ушелъ утромъ на позиціи.
— Далеко ли?
— Не могу знать...

Къ нашему счастью оказалось, что теперь въ этой деревнѣ расположился обозъ К-аго полка. А разъ желудокъ полка нашли, найдемъ все, что нужно... Разсчитывая быть еще утромъ среди друзей, я поѣхалъ налегкѣ во всѣхъ смыслахъ, и теперь чувствовалъ и голодъ, и холодъ, и полную свою безпомощность. Всѣ въ деревушкѣ спятъ, халупы набиты до такой степени, что негдѣ ногой ступить. Ночь сырая и холодная, вѣтеръ леденитъ щеки и руки, до смерти хочется горячаго чая...

— Вотъ такъ исторія!.. Какъ же теперь?
— Такъ что въ обозъ надо вашему вскородію...
— Въ какой обозъ?
— Въ полковой.

Не представлялъ я себѣ этотъ обозъ иначе, какъ длинной ползучей змѣей, поэтому совѣтъ солдата былъ мнѣ не совсѣмъ ясенъ.

— А какъ его найдешь? Куда именно?
— Такъ что я васъ доставлю, ваше скородіе... Пызжай, панъ, за мной!

Въ концѣ деревни—костры. Въ красноватомъ отсвѣтѣ огней—лагерь обоза. Всплываютъ силуэты солдатъ въ папахахъ, сверкаютъ штыки ружей. Дежурный караулъ коротаетъ ночь у огней. Въ загороди—цѣлое стадо коровъ. Глупо и тяжело смотрятъ обреченныя животныя, дружно пережевывая жвачку...

— Здѣсь, ваше скродіе!..

Нырнули въ низкую дверь сѣней и вошли въ халупу. Потрескиваетъ затопленная плита. Пахнетъ солдатскими щами. Тепло, хотя полъ въ халупѣ земляной и въ окнахъ одинарныя рамы съ побитыми, заклеенными бумагой стеклами. У стѣны—три походныхъ кровати. По-

среди—столъ съ оплывшей свѣчей. Двое сидятъ за столомъ, занятые какой-то бумажной работой. Третій лежитъ на низкой походной кровати, закинувъ руки за голову, и мечтательно смотритъ въ потолокъ. Знакомлюсь и объясняю, какъ и почему попалъ сюда Встрѣчаю теплый пріемъ и радушіе. Накормили, напоили чаемъ, озаботились устройствомъ для меня постели. Точно къ роднымъ пріѣхалъ... Дверь то и дѣло растворяется, и появляются гонцы, посланцы, дѣловитые унтера. Разныя хозяйственныя дѣла врываются поминутно въ хату и обрываютъ наши разговоры. Сѣно, корова, лошадь, овесъ—основные мотивы дѣловыхъ отношеній. Начальникъ обоза—человѣкъ невысокаго роста, весь въ черной кожѣ, живой и энергичный худощавый полковникъ съ лихо закрученными, хотя уже посѣдѣвшими усами, горячится, какъ юноша, и такъ же, какъ юноша, подвиженъ, быстръ и впечатлителенъ.

— Мнѣ, знаете ли, какъ царю Соломону, приходится разрѣшать самые неожиданные вопросы... Вотъ, не угодно ли?.. Ну, пусти ее сюда!

Солдатъ уходитъ и чрезъ мгновеніе на порогѣ появляется дѣвочка лѣтъ пятнадцати. Бросается на колѣни и плачетъ, умоляетъ о чемъ-то. Впустившій ее унтеръ и денщики, стоя въ углу, сочувственно ухмыляются. Дѣвушка быстро-быстро бормочетъ по-польски, а унтеръ переводитъ:

— Она говоритъ, что корову ей еще телушкой подарилъ крестный... Жалко ей очень...

— Какъ дочь, говоритъ, родная!..—подсказываетъ денщикъ.

Дѣвочка плачетъ, а вокругъ сочувственно смѣются...

— Уважьте, вашскородіе!.. Дрянь коровенька, кожа да кости...

— Да я не могу! Мало ли кто плачетъ теперь? Всѣ плачутъ. Одна корова не плачетъ.

,— Очень ужъ она убивается!.. Точно дѣйствительно родную дочь отобрали...

— Дура!.. Что я, себѣ, что ли, беру вашу скотину?.. Получишь деньги...

— Она говоритъ, за сто рублей не согласится...

— Ну и дура! А чѣмъ ее кормить будетъ? Съ голоду подохнетъ вмѣстѣ съ своей телушкой. Германы придутъ,—даромъ отнимутъ... Встань, не ползай!.. Надоѣла!

Трогательная любовь къ телушкѣ. Рѣдкая, непонятная въ такой обстановкѣ, гдѣ пылаютъ цѣлыя деревни, гдѣ смерть коситъ людей, какъ крапиву. Быть можетъ, спустя два-три дня, всѣ жители деревни убѣгутъ, куда глаза глядятъ, спасая свою жизнь, а тутъ горьчайшими слезами заливается дѣвочка, умоляя вернуть ей реквизированную телку, любовь къ которой неистребимо живетъ въ душѣ подростка... Даже воинственный полковникъ съ сѣдыми острыми усами, видимо, колеблется, между тѣмъ, какъ всѣ остальные въ хатѣ давно уже перешли на сторону просительницы...

— Ну, ладно!.. Чортъ съ ней, съ этой паршивой телушкой!.. Надоѣло... Иди, иди!..

Дѣвушка не поняла и удвоила свой ревъ, а солдаты, выводя ее изъ хаты, начали объяснять ей:

— Вотъ дура!..

— И смѣхъ и грѣхъ... Завтра я долженъ реквизировать все сѣно, какое только окажется въ окрестностяхъ. Единственный исходъ для нихъ—сдать и получить деньги за скотину...

— Всякому свое дорого!—вздохнувши, меланхолически произнесъ лежавшій въ кровати военный чиновникъ, казначей обоза.

Казначей—высокій, бородатый, среднихъ лѣтъ, съ

добродушнѣйшимъ лицомъ, съ семинарскимъ выговоромъ, видимо, любитъ пофилософствовать,—къ чему его особенно настраиваетъ война,—о жизни и смерти, о природѣ человѣческой, о суетности, о судьбѣ и прочихъ матеріяхъ...

— Мягкость души! Намъ смѣшно, а ей эта телушка... Да вотъ скажу вамъ: есть у насъ собачка дома. Такъ, дрянь. Сперва говорили,—чистокровный фоксъ-терьеръ, а оказался чистѣйшій надворный совѣтникъ малаго калибра. А вѣдь мы такъ ее любимъ, такъ привязались, что предложи намъ сто цѣлковыхъ,—подумаемъ и очень даже!..

— Сто цѣлковыхъ. Что такое деньги? Жизнь дороже всего.

— А самъ все лежитъ на деньгахъ!..

Только теперь разъяснилась такая упорная склонность философа-казначея къ лежачему положенію: оказалось, что постель его устроена неразлучно съ чемоданомъ, въ которомъ хранятся обозныя суммы. Когда кровать развернута,—ходъ въ чемоданъ—подъ головами, когда сложена,—чемоданъ недоступенъ...

— Что же, деньги не мои, а казенныя...

— Какъ Пушкинскій «Скупой рыцарь»!..

— Ладно вамъ толковать... Подъ судъ-то не вы, а я пойду!.. Съ меня довольно: однажды попалъ было...

— Подъ П.-то? Да!.. Раскажите-ка вотъ про этотъ случай!.. Достойный описанія...

Казначей сѣлъ въ кровати, задумчиво улыбнулся, покачалъ бородой и произнесъ:

— Сколько времени съ тѣхъ поръ прошло, а все, какъ вспомню, руки и ноги дрожать начинаютъ... Ей-Богу! Умирать буду,—не забуду...

— Развѣ въ обозѣ бываютъ такіе случаи?.. Мнѣ казалось, что вы живете въ полной безопасности?..

— Не скажите! При наступленіи — дѣйствительно такъ, а при отступленіи...

— Неправильно! Все равно! Тогда мы не отступали, а наступали.

— Ну, тогда—исключительный былъ случай. Сами полѣзли на рожонъ...

Командиръ нестроевой роты, охраняющей обозъ, немного задѣтый моимъ утвержденіемъ о безопасности, въ которой обозъ, а потому и самъ онъ—находятся, началъ пояснять мнѣ психологію обоза, какъ органическаго цѣлаго.

— Это—огромное, малоподвижное чудовище, способное ползать только по хорошимъ, а лучше сказать—мощенымъ дорогамъ, я считаю ископаемымъ животнымъ, совершенно неприспособленнымъ къ требованіямъ современной войны, гдѣ быстрыя передвиженія, неожиданныя перемѣны фронта, обходы—играютъ столь значительную роль. Съ виду это чудовище—огромное и страшное, но оно совершенно беззащитно при неблагопріятномъ поворотѣ сраженія. Стоитъ непріятелю занять такую позицію, съ которой можно обстрѣливать артиллеріей дорогу, предназначенную на случай отступленія обоза,—какъ въ душѣ чудовища просыпается малодушный страхъ, легко переходящій въ панику. Иногда такой страхъ и паника являются причиной простого недоразумѣнія, ошибки, разыгравшагося воображенія. Издали, знаете, все страшнѣе, даже смерть...

— Конечно! Страшно ожиданіе смерти, а не сама смерть...

— Именно! А мы, обозные, всегда находимся въ положеніи ожидающей насъ неизвѣстности. Какъ тамъ, на позиціяхъ, обстоитъ дѣло? Во время боевъ мы всѣ настроены тревожно, хотя всѣ знаемъ, что при первой опасности полкъ позаботится прежде всего о своемъ

обозѣ. Всякая ложная тревога, ложный слухъ, принесенный съ позицій и рожденный чисто личнымъ настроеніемъ, увеличиваютъ нервозность, а послѣдняя — склонность къ паникѣ. А паника, всякая паника—основательная или безосновательная—для обоза ужасна!..

Казначей вскочилъ на ноги, покрутилъ бороду, пожался и сталъ ходить по халупѣ.

— Вотъ, вотъ!.. Тогда, въ П., было именно такъ!.. А что мы пережили?.. Я постарѣлъ лѣтъ на десять... Ей-Богу! Какъ вспомню,—руки прыгать начинаютъ...

— Положимъ, вы тогда пережили большую опасность для жизни...

— Еще бы! Развѣ я думалъ, что останусь живъ?!..

— Вотъ этотъ случай—великолѣпная иллюстрація къ моимъ словамъ, — замѣтилъ офицеръ, командиръ нестроевой роты.

— Разскажите!..

— Опишете потомъ въ смѣшномъ видѣ...

— Да будетъ вамъ!.. Что смѣшно, такъ смѣшно и выйдетъ, а что ужасно, опишутъ ужасно... Тутъ есть и то, и другое, какъ всегда въ жизни,—замѣтилъ полковникъ.

Казначею, видимо, хотѣлось, разсказать. Онъ медленно тыкался по халупѣ, поглаживалъ бороду, покрякивалъ...

— Когда хорошо разскажешь, а когда ничего не выйдетъ...

— Было давно, а какъ сейчасъ все передъ глазами...

И казначей понемногу сдвинулся съ мертвой точки и сталъ разсказывать, постепенно воодушевляясь все болѣе своей собственной повѣстью о пережитыхъ ужасахъ...

— Наступали мы тогда побѣдно. Гнали австрійцевъ. И въ хвостъ и въ гриву!.. Всякій страхъ у насъ прошелъ, и обозъ чуть поспѣвалъ за полкомъ. Очень ужъ, знаете ли, расхрабрились мы, обозные. Рысью скачемъ! Ну,

вотъ и нарвались однажды... подъ вечеръ. Такъ оно вышло. Весь день гнали съ малыми передышками. Отставать далеко обозу въ такихъ случаяхъ тоже не резонъ: побѣда побѣдой, а жрать подавай! Кухня на войнѣ— это все равно, что... сказалъ бы да нехорошо. Человѣкъ я—набожный. Въ концѣ-концовъ, вѣдь, заповѣдь-то солдатская: «щи да каша—отецъ и мать наша»!

— Что ужъ вы больно того!.. Бываетъ, что по двое сутокъ и больше о кухнѣ и вспомнить некогда!—вступился командиръ нестроевой роты.—Вспомните бои подъ К.!

— Всякое бываетъ. Я человѣкъ набожный: чудесъ не отвергаю. Мало было явлено Господомъ чудесъ намъ въ эту кампанію? А помните, какъ и мы, и австрійцы сразу отступать въ разныя стороны стали? И какъ Господь первыхъ насъ вразумилъ, глаза намъ раскрылъ?..

Всѣ дружно расхохотались и наперебой начали разсказывать объ этомъ чудѣ. Положеніе было дѣйствительно исключительное: обѣ стороны сразу снялись и начали отступленіе, считая свое дѣло проиграннымъ. Обѣ стороны ожидали преслѣдованія... Наши спохватились первыми, поняли свою ошибку и, перейдя въ быстрое наступленіе, разбили наголову растерявшагося непріятеля. Потомъ плѣнные австрійскіе офицеры разсказывали, что они прекрасно видѣли начавшееся отступленіе наше, но они понимали, что это—только ловушка съ нашей стороны.

— Мы ихъ не разубѣждали, конечно!..

— Ну, а вы не уклоняйтесь! Про чемоданъ-то разсказывайте!..

— Да, кому, вотъ, кухня, а мнѣ—чемоданъ! Всю жизнь мою посадили въ этотъ чемоданъ. Дома—свое хозяйство, большое семейство, сродственники, садикъ хорошій и оставалось бы въ мирѣ и покаяніи животъ свой скончати, а вотъ она, судьба: все превратилось въ ми-

ражъ, и остался одинъ вотъ этотъ чемоданъ... Все въ немъ. Иной разъ съ ненавистью гляжу на него. Все одно, что вотъ горбъ у тебя, кила, наростъ какой, зобъ,—ни на одинъ часъ не освободишься. Казенныя суммы! Долженъ жизнь отдать, а чемоданъ сохранить... Я свой долгъ несу свято! И вотъ только одинъ разъ за всю кампанію ослабъ и чуть было не погубилъ свою честь...

Должно быть, тяжелое воспоминаніе такъ ярко ожило вдругъ въ душѣ честнаго, набожнаго казначея, что онъ оглянулся на свою кровать, поправилъ подушку и сѣлъ опять около чемодана.

— Да тутъ!.. тутъ!.. Украсть некому...

— Нѣтъ, просто такъ, посидѣть... Такъ вотъ этакое было испытаніе. Полку было приказано гнать непріятеля, а мы двигались за полкомъ не дальше двухъ-трехъ верстъ. Прибыли къ деревнѣ П. Большая деревня, на горѣ. Прошли долину, вползли на гору и получили приказаніе остановиться, потому что впереди бой завязался. Измучались за день и люди, и лошади. Привыкли всѣ къ побѣдамъ и какъ-то мало насъ безпокоило, что близко ужъ очень бой идетъ. Хотѣли было на ночлегъ раздвинуться, обозъ въ порядокъ стали уставлять, кое-гдѣ выпрягать начали. Кухни задымили. Очень проголодался народъ. Однимъ словомъ, распоясались, брюхо распустили... И вдругъ, знаете ли, «чемоданъ»!.. Какъ ахнетъ посередь деревни!.. Вотъ те разъ! Что такое, Господи, помилуй?!.. Не успѣли опомниться — другой, не дальше, какъ саженъ на двадцать отъ обоза... Третій! Двухъ лошадей убило. Дѣло подъ вечеръ, сумерки. Не могу хорошенько объяснить, какъ все потомъ произошло. Въ обозѣ и люди и лошади—какъ одинъ человѣкъ. Лошадь воспринимаетъ страхъ отъ человѣка, человѣкъ отъ лошади... Связь есть невидимая.

— Это безусловно! Лошадь понимаетъ опасность лучше человѣка...

Когда я опомнился, я метнулся къ бричкѣ, на которой у меня чемоданъ съ деньгами остался,—хвать!—бричка безъ лошади, а на моей верховой—ускакалъ кто-то. Пожалуйте! Что хошь, то и дѣлай! Хоть самъ въ бричку впрягайся! А, вѣдь, мой чемоданъ—кровать съ постелью, въ немъ пуда два слишкомъ вѣсу, и тащить невозможно. Надо бы топоръ, разрубить, казенныя суммы вынуть, размѣнную монету выбросить и—въ отступленіе, а я стою, ротъ разинулъ. А тутъ опять—рразъ!—цѣлый уголъ у халупы «чемоданомъ» вырвало... Два чемодана: одинъ мой, съ казенными суммами, а другой—непріятельскій, со смертью. Въ родѣ столбняка со мной случилось. Всѣ удрали, а я ни туда ни сюда. И шрапнель, и «чемоданы» летятъ, побѣжать бы, да тоже боязно. И чемоданъ проклятый держитъ. Думаю: спасу жизнь свою, а что меня ожидаетъ? Не повѣрятъ, что бросилъ, скажутъ—укралъ. Можетъ быть, дитя родное скорѣе бросилъ бы, чѣмъ этотъ чемоданъ проклятый Отбѣжалъ маленько, за стѣну халупы присѣлъ, оглянулся и вижу, что сидитъ на корточкахъ солдатишко и плачетъ. Ну вотъ какъ есть мальчишка лѣтъ восьми! А съ бородой...

— Что же ты ревешь?—кричу ему. Непонятно, почему у меня страшная злоба къ этому солдатишкѣ проснулась. Такъ бы взялъ да раздавилъ, какъ мокрицу.

— А ты пореви у меня!..

Сидимъ, а то позади, то впереди снаряды рвутся. Солдатишко хныкаетъ и шепчетъ:

— У кладбища ограда каменная. Подъ ограду бы надо, что ли... До ночи бы, а тамъ...

Ударила шрапнель, даже въ ушахъ зазвенѣло. Солда-

тишко пригнулся, нырнулъ и побѣжалъ, пригинаясь къ землѣ.

— Куда?!..

Вижу, къ кладбищу побѣжалъ. Надо черезъ улицу перебѣжать, надо огородами и садами. Не близко. Ахъ, ты!.. А одному сидѣть прямо невозможно. Солдатишко вѣрно поступилъ: тамъ все-таки безопаснѣе. И вотъ началось сомнѣніе. Чемоданъ, конечно, казенный, а жизнь своя. Нѣтъ, жизнь дороже всего на свѣтѣ! Перекрестился и сиганулъ къ кладбищу. Добѣжалъ благополучно, прилегъ къ стѣнкѣ, гляжу—солдатъ тутъ же, цыгарку куритъ... Гдѣ бы мнѣ чемоданъ вынести помогъ, а онъ—цыгарку! Только что ревѣлъ, а тутъ дымитъ. Говорю ему про чемоданъ, а онъ рукой машетъ:

— Песъ съ имъ!.. Изъ-за него не стоитъ животъ свой полагать...

— Какъ, говорю, такъ? Въ немъ больше двадцати тысячъ денегъ казенныхъ! Ахъ, ты...

— Кабы знамя, хоругвь священная, а то... За его Егорія не получишь... А лучше давайте утекать подальше!.. Маленько огонь ослабъ, надо пользоваться...

— Помоги чемоданъ спасти!..

Опять рукой махнулъ. Въ это мгновеніе, какъ грохнетъ позади насъ!.. Камни во всѣ стороны полетѣли, пыль столбомъ, ничего не видать. Что такое?—дышать не могу, вздохнуть нельзя. Сердце колетъ, какъ ножомъ. Думалъ: раненъ, себя оглядываю и такъ и этакъ,—нѣтъ, крови не видно. Просто нервная организація потряслась. Отдышался, осматриваюсь, а солдатишки нѣтъ. Ахъ, ты, думаю... Вонъ онъ бѣжитъ! Побѣжитъ, побѣжитъ, да ляжетъ... Опять побѣжитъ и снова ляжетъ. Перекрестился я да за нимъ! Догналъ его, брякнулся рядомъ и кончено: чувствую, что не могу дальше бѣжать. Нѣтъ силы. Какъ разслабленный. И такое вдругъ

равнодушіе ко всему на свѣтѣ,—передать не умѣю. И жизнь, и смерть, и страданія, и радости, и земное существованіе, и честь человѣческая, и служба,—ничего не надо. Лежать себѣ бревномъ,—и кажется, что это самое высокое счастье для человѣка—не двигаться.

— Ваше благородіе, надо перебѣжку дѣлать... Вставайте!..

— Не тронь! Я останусь... Все равно.

— Какъ же это я могу допустить?.. Вы очень тяжело одѣлись...

— Иди съ Богомъ!.. Не могу. Не хочу. Не разговаривай со мной...

Даже языкомъ шевелить не хочется. Такъ бы вотъ застылъ, какъ рыба на берегу. Подумалъ,—помираю и улыбнулся: не ожидалъ, что помирать такъ пріятно. Не знаю, сколько времени я въ забвеніи пребывалъ. Недолго, надо думать... Чувствую, что иду. Поддерживаетъ меня кто-то, а я шагаю, и безпокоитъ меня, что я одѣтъ неправильно... Смотрю на себя: а гдѣ кожанъ? Даже остановился.

— Постой-ка!.. А гдѣ же кожанъ?

— Тижолый очень!.. Я его скинулъ съ васъ и бросилъ... Изморились вы очень.

Жалко стало кожана и вдругъ вспомнилъ чемоданъ. Опять остановился. Все оторваться не могу отъ проклятаго. Темнѣть стало. Канонада притихла. Страхъ тоже притихъ. Закрою глаза и вижу, какъ на яву: у халупы на дворѣ моя бричка стоитъ, а въ бричкѣ кровать съ чемоданомъ. Какъ на яву! Двадцать тысячъ казенныхъ денегъ!.. Остановился, гляжу назадъ. А мы ужъ на шоссе выползли. Гуськомъ солдаты тянутся, больше подвязанные. Раненые бродятъ.

— Какъ дѣла-то наши, ребятушки?..

— Плохо, ваше благородіе...

— Деревню-то непріятель занялъ?

— Нѣтъ еще... а такъ видно, не беретъ наша...

Полковникъ перебилъ разсказчика:

— Первое дѣло: никогда не вѣрьте раненымъ и бродячимъ. Разъ солдата ранили, для него все рисуется въ мрачномъ свѣтѣ. Вѣдь, что происходило въ эти два часа въ обозѣ! На пятой верстѣ обозъ удалось таки мнѣ остановить. Просто загорѣлись, надорвались отъ нервнаго напряженія и физической усталости лошади, пошли шагомъ, и люди остановились. Вѣдь, на дорогу не легло ни одного снаряда!.. И всѣ вспомнили свое дѣло. Что тамъ съ полкомъ,—неизвѣстно, а тутъ, около дымящихъ уже кухонь, сбилось до трехсотъ человѣкъ, частью раненыхъ. Послушать всѣхъ ихъ,—въ отчаяніе придешь: можно прійти къ заключенію, что отъ всего полка только вотъ эти голубчики и остались!..

— У насъ въ ротѣ, поди, не больше семнадцати человѣкъ осталось...

— Подъ такой огонь попали, ровно въ аду...

— А на самомъ дѣлѣ?

— Ничего подобнаго! Прошло часа два не больше, прискакалъ вѣстовой и привезъ приказъ: вернуть обозъ въ деревню П...

— Ну, а какъ же кончилось съ вашимъ чемоданомъ?

— А вотъ этотъ самый верховой, обгоняя насъ съ солдатишкой, сообщилъ, что австрійцевъ наши изъ окоповъ выбили, и тѣ отступили. Тогда я началъ ругать своего солдатишку, словно онъ былъ одинъ виноватъ во всемъ, что я пережилъ.

— Идемъ назадъ, иначе на мѣстѣ, какъ собаку убью!.

— Конешно, идтить надо... Деньги казенныя... За ихъ отвѣтишь...

— Говорилъ, не надо чемоданъ бросать...

Иду и ругаюсь. Пришли въ деревню, а тамъ шумъ и

радость. Словно всѣ опьянѣли отъ удачнаго боя. Ура кричатъ, картошку пекутъ, пѣсни поютъ... А мнѣ стыдно. Такъ бы сквозь землю провалился!..

— Куда?—спрашиваетъ одинъ прапорщикъ.

— А такъ, говорю... Бричка тутъ у меня безъ лошади.

Отыскалъ халупу и вижу: стоитъ, какъ стояла, моя бричка на дворѣ и въ бричкѣ—кровать съ чемоданомъ... Оглядѣлъ,—не тронуто. Радость по тѣлу разлилась, и злоба на солдатишку прошла...

— Хочешь папироску?..

— Покорно благодаримъ, ваше благородіе... Счастье наше!..

А все-таки теперь безъ злобы смотрѣть на свой чемоданъ не могу. Онъ у меня лѣтъ пять жизни отнялъ. Ей-Богу! Сегодня брился, узнать себя не могу: сѣдины вдвое прибавилось... Пріѣду домой, жена не узнаетъ...

— А домой вы написали объ этомъ случаѣ?—полюбопытствовалъ я.

— Какъ же! Все описалъ подробно. И отвѣтъ получилъ.

— Что же?

— Жена пишетъ: «И что ты все впередъ лѣзешь? Думаешь, твою храбрость оцѣнятъ? Награды захотѣлъ, а про семью забываешь. Какой, говоритъ, у тебя неспокойный характеръ, такъ въ огонь и лѣзешь...» Это про меня-то!..

Засмѣялся и самъ казначей, и всѣ остальные. Даже денщикъ въ полутемномъ углу захихикалъ.

— Ты чего тамъ?..—строго прикрикнулъ на него казначей.—Подложи-ка дровъ въ плиту! Колбасу жарить буду.

Стало вдругъ тихо и въ этой тишинѣ явственно заворчали орудійные выстрѣлы.

Казначей вышелъ на улицу и вернувшись оповѣстилъ:

— Луна вошла, и по всей линіи бухать начали... Холодно. Морозъ хочетъ...

— Я давно слышу, только думалъ, что это наши лошади въ конюшнѣ ногами бьютъ...

— Гдѣ-то наши? Можетъ, они грохаютъ...

— Возможно. У нихъ гаубицы теперь работаютъ... Вонъ какъ!

— Поди, скоро съ приказомъ прискачутъ...

Я вышелъ во дворъ. Тихая лунная ночь. Звѣзды мерцаютъ въ вышинѣ. Слышно, какъ кругомъ жуютъ лошади и коровы. Прыгаютъ вдали огни костровъ. Ночь холодная, ясная, таинственная, отъ блѣднаго луннаго сіянія. Тяжело такъ и странно ревутъ, какъ звѣри, тяжелыя орудія по горизонту и рождаютъ въ душѣ непріятное безпокойство. Двѣ лошади, жующія овесъ около фурманки, то и дѣло настораживаются, ставя уши по направленію доносящихся выстрѣловъ, вздрагиваютъ мелкой, пробѣгающей по спинамъ дрожью и подозрительно косятся сверкающими глазами на меня. Что, дескать, за человѣкъ и что ему нужно? Вотъ слышенъ топотъ лошадиныхъ копытъ о мерзлую землю. Кто-то скачетъ. Тревога слышится въ этомъ топотѣ невидимыхъ всадниковъ. Кажется, что случилось что-то важное. Проскакали мимо. Возвращаюсь въ халупу. Полковникъ щелкаетъ на счетахъ и кусаетъ острый усъ. Казначей лежитъ на своемъ чемоданѣ и глухо тянетъ что-то божественное. Командиръ нестроевой роты укладывается на покой, подозрительно осматривая подъ разстегнутой рубахой.

— Чортъ знаетъ!.. Только утромъ перемѣнилъ бѣлье, а ужъ покусываютъ...

Казначей отзывается:

— А еще въ шелку ходите!.. Кто-то наболталъ, что онѣ сѣры боятся. Жена прислала мнѣ ладонку съ сѣрой

и велѣла носить на груди. Послушался, надѣлъ этотъ талисманъ. Вотъ, думаю, теперь застрахованъ... въ родѣ какъ въ «Саламандрѣ»... Прошло дней пять, полюбопытствовалъ, и что же? Именно въ этой ладонкѣ-то, въ талисманѣ-то, онѣ и загнѣздились! Все ерунда. Всѣ средства. О, Господи! Хоть бы передъ Рождествомъ-то Христовымъ въ банькѣ помыться! Кажется, двадцать пять цѣлковыхъ не пожалѣлъ бы за одинъ разъ. Съ вѣничкомъ бы выпарился! Нагналъ бы пару до полнаго каленія, чтобы тебя поджаривало, чтобы духъ спирало... А? Полковникъ? Съ вѣничкомъ бы?..

— Да ну васъ!.. Сбили вы меня... Мечтайте про себя. Видите, я дѣломъ занятъ.

— Какъ только Господь сподобитъ домой вернуться, первымъ дѣломъ—въ дворянскую за 40 коп.! Три дня подъ рядъ ходить буду... Раньше и цѣловаться съ родственниками не буду. И что это за народъ здѣсь?.. Никогда не моются...

На дворѣ послышались голоса, лошадиное ржанье, топотъ въ сѣнкахъ.

— Никакъ съ приказомъ пріѣхали...

Дверь растворилась, и вошли молоденькій, стройный прапорщикъ и здоровый, коренастый конвойный солдатъ съ георгіевской ленточкой, съ переметной сумкой на плечѣ.

— Искали-искали васъ!..—заговорилъ прапорщикъ, пожавъ всѣмъ намъ руку, и началъ стягивать свое вооруженіе.—Почту вамъ привезли.

— А вы собственно куда направляетесь?

— Къ вамъ въ полкъ перевели.

— Отлично. У насъ большой недостатокъ въ офицерахъ...

Солдатъ выгрузилъ изъ переметныхъ сумокъ письма на столъ, и всѣ—полковникъ, казначей и командиръ не-

строевой роты, уже полураздѣтый,—бросились на разсыпавшуюся груду писемъ. Словно голоднымъ собакамъ выбросили кухонные остатки: съ такой жадностью набросились они на письма, вырывая ихъ изъ рукъ другъ у друга, ссорились, какъ ребята, ворча и перебраниваясь...

— Да вы извините! Полагаю, что не всѣ письма адресованы вамъ?.. Зачѣмъ вы схватили такую кучу?!

— Попадется ваше,—я отдамъ!..

Взрослые, сѣдые люди положительно превратились въ школьниковъ. Цѣлый мѣсяцъ не получали писемъ, и теперь привалило разомъ.

— Это на тотъ свѣтъ надо!.. И это—тоже!.. Вотъ еще!..—грустно произносилъ полковникъ, откладывая въ сторонку письма, адресованныя къ убитымъ уже офицерамъ и солдатамъ. Долго шла сортировка писемъ. Отложили письма въ обозъ, письма въ полкъ—офицерамъ и солдатамъ отдѣльно, письма въ мертвымъ офицерамъ и солдатамъ вмѣстѣ. Сколько нѣжной любви и слезъ въ этихъ страшныхъ теперь письмахъ!.. Есть открытки съ видами родныхъ мѣстъ, есть цвѣтныя секретки, тяжелые, старательно заклеенные конверты, всевозможные почерки отъ мелкаго женскаго бисера до аляповатыхъ, съ трудомъ выведенныхъ буквъ...

— Какъ же съ этими письмами?..

— Сжигаемъ...

Казначей получилъ три письма, и теперь, какъ собака съ костью, уединился въ уголокъ и, при свѣтѣ электрическаго фонарика, наслаждался чтеніемъ... Читалъ, то тихо посмѣивался, то сердито ворчалъ и приговаривалъ:

— И не слѣдовало!.. Гм!.. Скажите пожалуйста!..

Пока хозяева были поглощены письмами, мы съ прапорщикомъ обсуждали совмѣстную поѣздку въ

полкъ, на позиціи. Завтра утречкомъ выѣдемъ, а пока хорошо было бы растянуться, погрѣться подъ буркой, подремать подъ уютно потрескивающую горящими дровами плиту.

— Должно быть, завтра попаду прямо въ бой!.. Не успѣешь познакомиться съ товарищами по полку, съ своей ротой...

Въ обозѣ всегда много кроватей: офицеры оставляютъ ихъ здѣсь, какъ и всѣ свои пожитки, имѣя при себѣ только самое необходимое. Намъ притащили кровати, разложили ихъ въ одну общую линію. Только казначейская кровать держалась особнякомъ, въ углу. Улеглись и тихо болтали, занимая другъ друга разговорами и все время думая: «Когда ты кончишь разговоры?» Одолѣвала пріятная дрема, закрывались глаза, начинали рѣять полусны, воспоминанія... Шумъ, стукъ, голоса. Что такое? У стола, нѣсколько человѣкъ, склонившись головами, разсматриваютъ карту.

— Вотъ она, Лѣсня! Вотъ тутъ—лѣсъ, а это—корчма.

— Нѣмцы близко?

— Наши въ лѣсу, а черезъ долинку на горѣ—нѣмцы... Полковникъ сегодня въ лѣсу въ окопахъ ночуетъ. Двѣ наши роты въ бою. Не могли сегодня горячей пищи подать: огонь сильный...

— Вотъ тебѣ и отдыхъ!

— Нашему полку такое ужъ счастье...

— Приказы?..

Непродолжительное молчаніе, а затѣмъ:

— Иванъ Павлычъ!

— Что такое?

Командиръ нестроевой роты вытянулъ голову изъ-подъ бурки

— Поздравляю: назначаетесь ротнымъ, требуютъ на позиціи!..

— Врете?

— А вотъ читайте!..

— Да... Ну, что жъ... Я не прочь... Попутчики есть. Завтра втроемъ поѣдемъ...

— А маршрутъ?

— Вотъ онъ!..

Полковникъ дѣлалъ разныя распоряженія, вызывалъ унтеровъ, говорилъ о коровахъ, о сѣнѣ и овсѣ, о подводахъ, о лошадяхъ. Казначей сладко похрапывалъ на своемъ чемоданѣ. Кто-то приходилъ, кто-то уходилъ. Въ халупѣ нахолодало. Командиръ нестроевой роты безконечно рылся въ своемъ чемоданѣ, а потомъ легъ и возился съ боку на бокъ. Я закрылся съ головой, пригрѣлся и заснулъ. Однако, ненадолго. Очнулся отъ новаго шума, стука дверей, разговоровъ въ полголоса и какой-то суматохи. Хотѣлось спать, не хотѣлось интересоваться тѣмъ, что происходитъ, и прислушиваться къ тревожнымъ шопотамъ:

— Ну, что жъ дѣлать. Мы всѣ до нѣкоторой степени одѣты. Не взыщетъ. Куда же ей дѣться? И ей церемониться тоже не приходится... Но какъ съ ней быть?

Высунулъ голову изъ-подъ бурки. Мелькаетъ фонарь, носятъ вещи, вдали слышенъ молодой женскій голосъ. Откуда взялась женщина? Или это такъ, показалось спросонья? Полковникъ, казначей и командиръ нестроевой роты, оправляя костюмы, тихо совѣщаются въ углу, разводятъ руками.

— А эти господа одѣты?

— Они не раздѣвались.

— Но что намъ съ ней дѣлать?.. Вотъ положеніе!..

— Простите, господа!.. Разрѣшите пріютиться до утра... Я замерзла и такъ хочу погрѣться...

Мой сосѣдъ прапорщикъ, какъ ужаленный, вскочилъ съ постели отъ этого кроткаго и нѣжнаго жен-

скаго голоса, встряхнулся, какъ бы отряхивая цѣпкій сонъ, и вскочилъ. А мнѣ такъ не хотѣлось вылѣзать изъ-подъ бурки. И зачѣмъ это дѣлать? Въ такой обстановкѣ можно не быть кавалеромъ, а такимъ же усталымъ захолодавшимъ странникомъ. Рѣшилъ, что я еще не проснулся, а со спящаго, какъ съ мертваго, не взыщешь.

— Я вамъ помѣшала спать?..

— Ничего. Выспимся днемъ. Вотъ вы сами-то...

Пробовалъ закрыть глаза и заснуть,—ничего не выходитъ. Такъ интригуетъ пріятный женскій голосъ и сама путница. Кто она, какъ очутилась здѣсь и зачѣмъ? Можетъ быть, заблудившаяся сестра милосердія. Выглядываю въ дырочну изъ-подъ бурки: сидитъ у стола стройная, тонкая фигура молоденькой женщины, въ шляпѣ, съ скунсовой муфтой въ рукѣ. Лица мнѣ не видно, но ясно, что она—не сестра милосердія, а женщина изъ иного, далекаго отъ войны міра. Такъ не подходитъ она къ этой убогой обстановкѣ, неряшливости, примитивности жизни. Узорный воротничекъ, носовой платочекъ съ кружевами, отъ одного вида котораго кажется, что пахнетъ тонкими, дорогими духами. А главное—голосъ. Очень ужъ странно здѣсь звучитъ онъ! Точно есть среди насъ подростокъ лѣтъ десяти-двѣнадцати. Кто такая? Почему такъ странно смущены, почти опечалены и полковникъ, и казначей?..

— Да... Вы ему какъ же... приходитесь?

— Я?

Помедлила, опустила голову и такъ рѣшительно, ясно и громко отвѣтила:

— Невѣста!..

— Такъ...

Полковникъ потупился. Казначей отвернулся къ окну, позѣвнулъ и прошепталъ:

— Ахъ-ха.... Господи!..

— Тутъ вотъ, кажется, письмо было... Гдѣ у насъ они?

Полковникъ шепнулъ что-то незамѣтно казначею, и тотъ долго рылся въ письмахъ, усѣвшись на своей кровати.

— Вотъ оно!.. Поручику Р—вичу... Извольте!..

Почему такъ знакома произнесенная казначеемъ фамилія адресата? Я гдѣ-то недавно слышалъ эту фамилію.

— Мы только что получили его...

— Ахъ... Это мое письмо!.. Не получилъ?!.. Такъ долго!..

Дѣвушка взволнованно разсмѣялась, посмотрѣла какъ-то мимоходомъ и, быстро скомкавъ, сунула письмо въ муфту. Только теперь я увидѣлъ лицо дѣвушки. Мнѣ показалось это лицо знакомымъ: пріятное, доброе, застѣнчивое лицо провинціалки. Какъ кумачъ, вспыхнули щеки. Такъ безжалостно нѣжныя руки скомкали письмо и такъ быстро спрятали его въ муфту. Словно дѣвушкѣ стыдно было и страшно было насъ и словно она боялась, что мы въ закрытомъ конвертѣ сумѣемъ прочесть то тайное, интимное женской души, что скрывалъ сиреневый конвертъ. Странно: конвертъ, конвертъ сиреневаго цвѣта... Да, вѣдь, я видѣлъ его въ той страшной группѣ писемъ, которыя были присланы мертвымъ!.. Какая несуразная мысль. Она ударила меня своимъ ужасомъ. Неужели это такъ? Такъ вотъ почему мнѣ показалась знакомой фамилія адресата... О немъ недавно только говорили: убитъ вчера при отраженіи ночной атаки... Такъ вотъ почему здѣсь такъ смущены и растеряны!..

Неожиданная догадка была такъ мучительна, что хотѣлось поскорѣе убѣдиться въ своей ошибкѣ. Казначей угрюмо возился у стола, разставляя чайную посуду,

а полковникъ все выходилъ изъ избы и съ кѣмъ-то тамъ подолгу разговаривалъ. Командиръ нестроевой роты, вызываемый, вѣроятно, на смѣну убитаго, односложно отвѣчалъ на полныя нетерпѣливаго ожиданія вопросы о своемъ убитомъ уже товарищѣ, продолжая говорить о немъ, какъ о существующемъ, но уклоняясь отъ всякихъ подробностей. Барабанилъ по столу пальцами, смотрѣлъ въ доску стола, крутилъ бумагу, отрывая ее отъ постланной вмѣсто скатерти газеты...

— Я, вѣдь, до сихъ поръ былъ въ обозѣ. Мы рѣдко видимся съ полковыми...

— Но вы его хорошо знаете?..

— Знаю... Хотя...

— Когда вы его послѣдній разъ видѣли?

— Давно уже... Не припомню въ точности...

Въ голосѣ дѣвушки звучала досада. Ей, видимо, не хотѣлось говорить ни о чемъ другомъ, какъ только о поручикѣ Д—чѣ.

— Неужели и вы, полковникъ, мало его знаете?

— Мы всѣ знакомы между собою, но... Вѣдь, мы— обозные, ненастоящіе...

Денщикъ перестарался: накалилъ плиту до-красна. Запахло гарью, избу стало заволакивать зеленоватымъ туманомъ. Накинулись на денщика, а между тѣмъ главнымъ виновникомъ чада оказался казначей: недавно онъ собственноручно жарилъ себѣ колбасу и оставилъ обрѣзки на плитѣ. Полковникъ обрушился на казначея. Вышло нѣчто похожее на супружескую сцену.

— Я выйду, погуляю. Боюсь угорѣть...—сказала дѣвушка и, накинувъ на плечи шубейку, вышла изъ халупы. Сразу стихло и опять стало слышно, какъ охали на позиціяхъ тяжелыя орудія.

— Что мы съ ней будемъ дѣлать?..

— Надо сказать.

— Нѣтъ ужъ... Я не могу...

— Подготовить надо...

— Берете на себя эту обязанность?

Командиръ нестроевой роты пожалъ плечами, но не отвѣтилъ.

— Вотъ то-то и есть! А вдругъ она... самоубійство устроитъ, или отъ разрыва сердца...

Да, теперь было ясно, что моя догадка вѣрна. Я всталъ съ постели и, все еще питая почему-то надежду на ошибку, спросилъ полковника:

— Поручикъ Д—чъ! Это про него вы разсказывали?

— Ну да! Только вчера убитъ.

— Но, вѣдь, полкъ былъ въ резервѣ.

— Полкъ былъ въ резервѣ, а одинъ батальонъ его сидѣлъ въ окопахъ.

— Какъ же теперь?..

— Она хочетъ просить командира полка разрѣшить поручику пріѣхать въ обозъ... Оттуда не пріѣзжаютъ, къ сожалѣнію... Что мы съ ней будемъ дѣлать?.. Вотъ наказаніе Божіе!.. Я не могу выносить никакихъ женскихъ драмъ...—разводя руками и пугливо поглядывая на дверь, шепталъ полковникъ.

— Ахъ, Господи!..—вздохнулъ казначей.—Сердиться на нее все-таки грѣшно...

Тяжелое молчаніе повисло въ избѣ. Я посмотрѣлъ въ окно. Мягкій лунный свѣтъ стлался серебристымъ туманомъ по землѣ, и тѣни отъ высокихъ придорожныхъ ракитъ шевелились по откосу дороги. Прислонясь къ дереву, стояла дѣвушка въ шубейкѣ и неподвижно смотрѣла впередъ, туда, гдѣ гнѣвно ревѣли страшныя орудія смерти... Что-то трагическое было въ этомъ одинокомъ женскомъ силуетѣ подъ деревомъ...

Раскрыли дверь, освѣжили избу. Вернулась дѣвушка. Она озябла. Энергично постучавъ каблучками у по-

рога, она сбросила шубейку, нервно пожалась, потерла щеки ладонями рукъ и сказала:

— Страшно!..

— Никто не отвѣтилъ.

— Я стояла и слушала, какъ стрѣляютъ изъ пушекъ... Я думала: «Вотъ еще кого-нибудь убили! Вотъ еще... еще... еще...»

Голосъ вздрогнулъ. Дѣвушка отвернулась къ стѣнѣ, и въ рукахъ ея мелькнулъ кружевной платочекъ. Потомъ она повернулась къ намъ, засмѣялась и сказала:

— Извините меня!.. Я такъ изнервничалась въ дорогѣ... Почему вы не ложитесь? Не обращайте, ради Бога, на меня вниманія!.. Какъ-будто меня нѣтъ...

— Можетъ быть, вы приляжете? Если не побрезгуете, моя кровать къ вашимъ услугамъ...

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Я все равно не усну... Я вторую ночь не сплю и... не хочется. Я буду писать письма, а завтра... Вы отвезете мои письма въ полкъ?

— Конечно.

— А меня не можете взять въ полкъ?

— На позиціи? Нѣтъ, этого нельзя... У насъ полковникъ этого не разрѣшаетъ...

— Эхъ, какой онъ... у васъ!.. Тогда пусть онъ отпуститъ поручика Д—ча сюда хоть на одинъ день... хотя на нѣсколько часовъ!.. Хотя на одинъ только часъ!.. Неужели мы такъ близко другъ отъ друга и не увидимся?.. Тогда я съ ума сойду... Такъ и скажите полковнику!.. Тогда я пѣшкомъ прибѣгу на позиціи... Что онъ мнѣ сдѣлаетъ? Разстрѣляетъ? Ну, пусть его!..

Лицо дѣвушки озарилось какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ, глаза горѣли, какъ у лихорадочной, щеки вспыхивали румянцемъ...

Какая долгая, страшная ночь! Тихо-тихо. Мы всѣ въ постеляхъ, но мнѣ кажется, что никто изъ насъ не спитъ

и всѣ притворяются, какъ притворяюсь спящимъ я. Я придавленъ, какъ тяжелымъ камнемъ, страшной трагедіей, которая тайно живетъ съ нами подъ низкимъ потолкомъ маленькаго домика на чужбинѣ... Меня притягиваетъ склонившаяся надъ столомъ около нагорѣвшаго огарка свѣчи фигура женщины. Слышно, какъ проворно скрипитъ и бѣгаетъ по бумагѣ перо въ ея рукѣ. Словно кто-то все шепчетъ въ тишинѣ ночи. Словно Парки сучатъ на веретена нити нашей жизни...

Страшно...

ПОДЪ ОГНЕМЪ.

Однажды вечеромъ къ намъ въ лазаретъ прискакалъ верховой изъ сосѣдней арміи и привезъ мнѣ письмо отъ друзей, двухъ прапорщиковъ Т—аго полка.

«... Неужели не повидаемся? Мы привязаны къ полку, а вы сравнительно человѣкъ свободный! Сейчасъ мы—въ 45 верстахъ отъ васъ, стоимъ на отдыхѣ въ резервѣ, и если вы выѣдете немедленно, то поймаете насъ въ деревнѣ Ракитницѣ, куда васъ доставитъ по данному маршруту верховой. Ждемъ и надѣемся!..»

Если хочешь въ районѣ военныхъ дѣйствій повидаться съ родными или друзьями,—приходится именно «ловить» ихъ. Иногда можно быть въ десяти—пятнадцати верстахъ и все-таки не увидаться. Сорокъ пять верстъ въ полосѣ, непосредственно примыкающей къ передовымъ позиціямъ,—дистанція огромнаго размѣра. Здѣсь все полно случайностей, и всѣ наши обычныя мѣрки и расчеты оказываются непригодными. Первый трудно разрѣшимый вопросъ: какъ найти подводу? Затѣмъ, если подвода найдена: насколько будетъ свободна дорога отъ обозовъ, задерживающихъ путешественника на многіе часы, не говоря уже о самой дорогѣ, по которой часто приходится больше плыть, чѣмъ ѣхать. Наконецъ, большой вопросъ—сколько времени продлится

отдыхъ полка, и какой переходъ совершитъ онъ при своемъ неожиданномъ передвиженіи на новыя позиціи? На подводѣ максимумъ, который, при благопріятныхъ условіяхъ, можетъ сдѣлать лошадь въ сутки,—сорокъ верстъ, а солдаты пѣшкомъ дѣлаютъ теперь переходы по 60 верстъ въ сутки! А случалось въ этой войнѣ и по 70!.. Выходитъ, что не всегда и на лошадяхъ догонишь нашего пѣшаго воина!..

Именно такъ со мной и вышло. Много времени ушло на поиски лошадей. Въ городкѣ, гдѣ застало меня письмо, лошадей не нашли. Пришлось верховому мыкаться по окрестнымъ деревенькамъ и тамъ захватить «пана» на одной заморенной лошади. Выѣхали только подъ вечеръ и успѣли одолѣть до ночи всего 20 верстъ! Больше не было физической возможности ни у лошади, ни у меня самого. Измотало, избило, растрясло. Ночевали въ грязной корчмѣ, а утромъ двинулись дальше. Къ вечеру добрались до цѣли путешествія, но полка здѣсь уже не оказалось: его передвинули на передовыя позиціи, верстъ за 20, а здѣсь оставался только обозъ, неуспѣвшій пока установить точной маршрутной связи съ полкомъ. Знали только, что напрямикъ ѣхать не слѣдуетъ, а слѣдуетъ ѣхать обходомъ, по нѣкоторой дугѣ, а точно могъ указать только нарочный—верховой изъ полка, котораго ждали только къ вечеру. Пріѣхалъ онъ только ночью, ночью же въ обозъ прискакалъ офицеръ, переведенный сюда изъ другого полка, а потому мы рѣшили, переночевавъ въ обозѣ, двинуться на поиски полка завтра утромъ... Мой «панъ», подневольный возница, узнавъ, что я ѣду дальше, на передовыя позиціи, потихоньку поплакалъ въ темныхъ сѣняхъ избы: человѣкъ онъ мирный, семейный, надѣялся поѣхать обратно, а тутъ—неизвѣстность: забрали, угнали и Богъ знаетъ когда отпустятъ...

— Може, панъ думаетъ оставить при себѣ, не пускать до дому...?

Всю ночь, тихую и лунную, вѣтеръ приносилъ тревожную воркотню тяжелыхъ орудій съ запада, и все чудилось въ полутемной халупѣ, что кто-то сердится на дворѣ и недовольно хлопаетъ дверями сарая, конюшни, погреба. Въ полусонномъ состояніи казалось, что гдѣ-то кричатъ, стонутъ, шепчутся,—я садился въ кровати и прислушивался. Нѣтъ, никто не плачетъ. Это вѣтеръ поетъ въ разбитомъ, заткнутомъ бумагою окошкѣ, а всѣ спятъ. Слабо мерцаетъ на стѣнѣ фонарь съ оплывшимъ огаркомъ, лунный свѣтъ вздрагиваетъ на стеклахъ окна, и сладко похрапываетъ молодой прапорщикъ, которому, быть можетъ, завтра же придется итти въ бой...

Утромъ, напившись чайку, распростились съ гостепріимнымъ начальствомъ полкового обоза и двинулись по данному намъ маршруту догонять полкъ. День былъ холодный, но ясный и свѣтлый. Грязь подмерзла, и гулко грохотали по шоссе тяжелые встрѣчные обозы, громыхали солдатскія кухни, и тяжко такъ вздыхали тяжелыя орудія по фронту, который порою приближался къ намъ, а порою отдалялся. Когда обогнули, наконецъ, дугу и поѣхали по прямому направленію на западъ,— грохотъ орудій сталъ дѣлаться съ каждымъ часомъ внушительнѣе. Въ попутныхъ деревняхъ кипѣло оживленіе: всѣ онѣ были переполнены солдатами; кое-гдѣ поднимались флаги съ красными крестами; за загородями, въ садахъ, болталось мокрое солдатское бѣлье; около избъ, скрестивъ по-бабьи руки подъ мышками, стояли солдаты-хлѣбопеки въ фартукахъ; скрипѣли колодезные журавли, тревожно ржали лошади, тупо шагали обреченные на мясо коровы. Все ближе предѣльная черта, раздѣляющая вражескія стороны, а жизнь идетъ сво-

имъ порядкомъ. Вѣтряная мельница продолжаетъ махать крыльями; въ деревушкахъ замѣтна обыденная суета житейская; гуси, степенно переваливаясь, переходятъ улицу; ребятишки, какъ птицы, торчатъ по пряcламъ, тараща глаза на проѣзжающихъ; слышны смѣхъ, брань, споры.

— Сколько верстъ до боевой линіи?

— Верстъ двѣнадцать.

Какъ привыкъ житель! Не бѣжитъ уже. Знаетъ, что никуда не убѣжишь отъ своей судьбы.

— Ого, какъ зажариваютъ!

— А, вѣдь, близко?

— Недалеко.

Безконечная отлогая гора. Долго вползали на эту гору, тревожно прислушиваясь къ орудійной канонадѣ, гремѣвшей намъ навстрѣчу изъ-за горы. Казалось, что именно тамъ, за горой, идетъ бой. Мой бѣдный «панъ» пожимался отъ страха, вздыхалъ и поминутно останавливалъ лошадь и поправлялъ что-то въ упряжѣ. При этомъ онъ бормоталъ что-то, поминалъ Матку-Боску и медлительно занималъ свое мѣсто въ телѣгѣ. Послѣдняя попутная деревенька, указанная въ маршрутѣ, биткомъ набита солдатами. Жителей уже незамѣтно.

— Какъ называется деревня?

— Не могу знать, ваше высокоблагородіе!

— Какъ же это, братецъ?!

— Очень у нихъ имена трудныя. Запамятовалъ.

— Лѣсни корчи?

— Такъ точно!

— Дорога на позиціи?

— Такъ что прямо! Одна дорога.

Послѣдняя пряжка. Вползли на гору, и взору открылась огромная равнина съ линіей лѣса на другой сторонѣ. Теперь хорошо видно, какъ надъ лѣсомъ, а порой

и ближе, по равнинѣ, какъ пузыри на водѣ, вскакиваютъ въ небесной синевѣ дымные клубки, сопровождаемые особымъ страннымъ звукомъ, напоминающимъ трескъ отъ раздавленнаго подъ ногой лѣсного орѣха. Время отъ времени грохаютъ наши гаубицы: это похоже на то, какъ-будто бы съ огромной высоты, можетъ быть, съ самихъ небесъ, бросаютъ разбивающійся сундукъ съ листовымъ желѣзомъ. Легко различать наши и непріятельскіе выстрѣлы: послѣдніе раскатистѣе, протяженнѣе, напоминаютъ громъ, наши—сухіе, отрывистые. Лѣсъ рождаетъ это тѣхъ и другихъ, и эхо тоже двухъ сортовъ: одно протяженно-ворчливое, перекатывающееся, другое похоже на то, будто сказочный великанъ ломаетъ, какъ лучину на колѣнкѣ, столѣтнія сосны!

— Ай-ай, Матка Боска!

На полпути до лѣса — деревенька изъ десятка халупъ: тутъ небольшой полковой обозъ перваго разряда, перевязочный пунктъ, солдатскія кухни. Жителей нѣтъ, но халупы пусты. Только перевязочный пунктъ ютится въ крайней, дальней отъ лѣса, избѣ, а все остальное держится на приличномъ разстояніи отъ улицы. Все живое избѣгаетъ халупъ, ибо намѣченная на картѣ деревня можетъ прежде всего подвергнуться орудійному обстрѣлу непріятеля. Снарядъ, попавшій въ избу, страшнѣе разорвавшагося на землѣ, а потому солдаты живутъ въ маленькихъ землянкахъ, напоминающихъ издали разбрасываемый на пашнѣ для удобренія навозъ кучками... Сейчасъ, впрочемъ, некогда прятаться въ землянкахъ,—въ становищѣ замѣтно большое оживленіе: обозъ обслуживаетъ полкъ на новыхъ позиціяхъ, подвозитъ снаряды и патроны, свѣжуетъ мясо для солдатскихъ кухонь, принимаетъ подводы съ сѣномъ, непрерывно поддерживаетъ связь съ занявшимъ лѣсъ полкомъ. То верховой, то пѣшій воинъ появляются на ши-

рокой полянѣ, какъ маленькіе, игрушечные солдатики на зеленовато-поблекшаго цвѣта скатерти стола; иногда бѣгутъ парами, то сюда, то туда, къ лѣсу. До опушки лѣса не болѣе двухъ верстъ. День ясный, солнечный и воздухъ прозрачный. Ярко-ярко сверкаетъ маленькій бѣлый домикъ подъ солнцемъ у самаго лѣса, при дорогѣ, ползущей въ глубину лѣса. Это заброшенная корчма, въ которой теперь помѣстился штабъ полка. Издали кажется, что надъ самой крышей этого домика вскакиваютъ бѣлые клубочки рвущейся шрапнели. Остановились около обознаго логовища. Здѣсь уже имѣются попутчики: командиръ нестроевой роты, вызванный нарочнымъ въ полкъ, догналъ насъ верхомъ на бойкой лошади, затѣмъ хозяйственный наблюдатель малаго обоза, у котораго мы теперь остановились, должны направиться въ бѣлѣющую подъ лѣсомъ избушку—въ штабъ полка. Всего насъ четверо. Предстоитъ пройти равнину, на которой рвутся изрѣдка тяжелые снаряды и шрапнели непріятеля. Не торопимся. Поглядываемъ впередъ и отшучиваемся, остримъ надъ собственнымъ положеніемъ.

— Ѣсть что-то хочется...

— Это всегда передъ смертью...

— Ну васъ къ чорту!

— Солдаты пообѣдали?

— Такъ точно.

— А офицерскій обѣдъ?

— Повезли. Можетъ, застанете еще въ лѣсу.

— Ну-съ, господа! Надо двигаться...

Мой «панъ» вдругъ захныкалъ. Онъ вообразилъ, что мы заставимъ его ѣхать въ лѣсъ.

— Не хнычь! Мы не заставляемъ тебя ѣхать! Жди здѣсь!

Отвернулся, отираетъ носъ, ворчитъ что-то.

Забравъ американскій мѣшокъ съ подарками для друзей на плечи, я присоединился къ тремъ спутникамъ, и мы энергично пошли впередъ по широкой подмерзшей дорогѣ, сверкавшей на солнцѣ укатанными колеями. Дорога извивалась лентой; мѣстами по бокамъ ея поднимался жидкій, малорослый кустарникъ, мѣстами раскрывались изрытыя старыми окопами луговины. Сперва мы шли въ рядъ и разговаривали, но послѣ того, какъ впереди насъ, влѣво, на овражистой луговинѣ, очень далеко, не ближе версты, разорвался тяжелый снарядъ, и столбъ земли съ дымомъ поднялся и повисъ въ воздухѣ,—мы какъ-то непроизвольно перестроились: пошли гуськомъ вдоль канавки при дорогѣ и замолчали. Навстрѣчу, громыхая и дымя трубой, скакала кухня.

Остановили:

— Офицерская?

— Такъ точно!

— Осталось поѣсть?

— Такъ точно!

Развернули кухню тутъ же, на дорогѣ, и съ небывалымъ аппетитомъ поѣли жаренаго мяса и пшенной каши. Удивительно вкусно!

— Когда у меня кончался одинъ товарищъ въ лазаретѣ, онъ вдругъ захотѣлъ пива! Да, вѣдь, какъ захотѣлъ? Плакалъ!

— Да ну васъ къ чорту! Будетъ вамъ!..

Пообѣдали и разстались съ кухней. Какъ-то веселѣе стало на душѣ и ничтожнѣе стала казаться опасность. Прошли полдороги и снова металлическій вой и оглушительный взрывъ! Столбъ вправо отъ дороги. Много ближе перваго. Когда мы оглянулись въ сторону взрыва, мы замѣтили, какъ упалъ перебѣгавшій поле солдатъ.

— Убитъ!

Остановились какъ вкопанные. Каково же было наше изумленіе и радость, когда солдатъ чрезъ нѣсколько секундъ поднялся и побѣжалъ дальше, намъ навстрѣчу!..

—Что, братъ, испугался? — спросили мы солдата, когда тотъ, козыряя, проходилъ мимо.

— Никакъ нѣтъ!

— Мы думали, тебя убило.

— Никакъ нѣтъ! Не можетъ...

— Почему?

— Такъ что я приноровился къ нимъ, куда летитъ— чувствую... А вамъ бы, ваши высокиблагородія, лучше сторонкой. Тутъ они, сволочи, закидывать начали. Вамъ бы надо сторонкой до опушки-то, а тамъ по опушкѣ. Безопаснѣй!

— Вѣрно говоритъ...

Свернули съ дороги и направились въ сторону, подъ угломъ приближаясь къ лѣсной опушкѣ. Благополучно добрались до послѣдней и потянулись вдоль ея по направленію къ корчмѣ. По прямой линіи она была въ разстояніи версты, а, можетъ быть, и менѣе. Итти было безопаснѣе, но гораздо страшнѣе: лѣсное эхо и лѣсной резонансъ приближали и усиливали не только разрывы падающихъ тяжелыхъ снарядовъ, но и непріятный, трудно передаваемый звукъ ихъ полета. Теперь мы не видѣли, гдѣ падаютъ снаряды, и намъ казалось, что падаютъ они очень близко, летаютъ надъ нашими головами чуть-чуть повыше лѣса! Обманывали воображеніе и выстрѣлы скрытой въ кустахъ подъ лѣсомъ нашей батареи гаубицъ. Упадетъ съ небесъ огромный сундукъ съ листовымъ желѣзомъ, и весь лѣсъ словно дико вскрикнетъ и посыпется деревьями! На мгновеніе замретъ духъ, ибо покажется, что въ нѣсколькихъ шагахъ разорвался непріятельскій снарядъ, и ты долженъ быть убитъ...

— Наша! Наша гаубица!—слышится немного раздраженное замѣчаніе одного изъ спутниковъ, который, видимо, и самъ только сейчасъ понялъ, что онъ живъ...

Но однажды произошло такое, что заставило всѣхъ насъ присѣсть на корточки и потянуться руками къ головѣ: тяжелый непріятельскій снарядъ, врѣзавшись въ лѣсъ, взорвался гдѣ-то, не такъ далеко, съ такимъ грохотомъ и трескомъ, словно съ небесъ уронили вмѣстѣ съ наполненнымъ желѣзомъ сундукомъ еще свѣжесрубленную сосновую избу!..

— Сволочь!—прошепталъ кто-то, спустя мгновеніе.

— Господа! Лучше выйдемъ изъ лѣсу и пойдемъ по краю!.. Виднѣе!

На дорогу выскочила изъ лѣсу лошадь, пробѣжала саженъ двадцать, взвилась на дыбы и упала.

— Убита!..

Это случилось почти около самой корчмы. Оказалось потомъ, однако, что это была одна изъ трехъ лошадей, раненыхъ снарядомъ въ лѣсу. Снарядъ разбилъ патронную двуколку, двухъ лошадей убилъ на мѣстѣ, а третья сгоряча пробѣжала съ полверсты и пала. Почти рядомъ, въ земляной пещеркѣ, сидѣли два солдата: ихъ только оглушило и закидало землей!

Подошли къ дорогѣ и почти бѣгомъ перебѣжали ее, направляясь въ раскрытую дверь корчмы, гдѣ ютился полковой штабъ. Доложили полковнику, и намъ предложили войти въ лѣвую половину избы. Большая, помѣстительная комната въ два окна, заткнутыхъ соломой. На полу—солома и рядъ небрежно брошенныхъ подушекъ и шинелей. Столъ, три стула, скамья,—вотъ и вся убогая обстановка. Знакомлюсь съ полковникомъ и тремя офицерами. Встрѣчаютъ привѣтливо и радушно. Угощаютъ всѣмъ, что у нихъ есть: стаканъ кофе, консервы, папиросы; закидываютъ разспросами про ро-

дину, про общее положеніе на театрѣ войны, про разные слухи.

— Почему у васъ окна заткнуты соломой?

— Недавно, за десять минутъ передъ вами, подъ окнами разорвался снарядъ, и всѣ стекла вылетѣли...

— Очень ужъ безпокойное мѣсто вы, господа, выбрали!

— Въ нашей арміи принятъ такой порядокъ, чтобы штабъ находился наивозможно ближе къ полку! — съ гордостью замѣтилъ, какъ бы между дѣломъ, полковникъ, энергичный, спокойный такой штабный офицеръ. На обращенную къ нему просьбу о свиданіи съ двумя прапорщиками, полковникъ подумалъ и сказалъ:

— Одного изъ братьевъ вы увидите, а другого — нельзя: онъ сидитъ въ окопахъ, и всякія свиданія рискованны. Со вчерашняго дня мы не можемъ подать имъ горячей пищи. Даже ночью не удалось: луна! Стрѣляютъ и днемъ, и ночью. Явились съ докладомъ: убило трехъ лошадей и разбило двуколку.

— А люди?

— Не задѣло, г. полковникъ!

— Ну и слава Богу! Надо замѣнить лошадей. Пошлите въ обозъ!

Спустя десять минутъ одинъ изъ друзей, прапорщиковъ, стоялъ и изумленно таращилъ на меня глаза. Видимо, онъ не предполагалъ увидѣть меня здѣсь, на позиціяхъ.

Крѣпко расцѣловались, отошли въ сторонку и поговорили интимно. Полковникъ оказался настолько любезнымъ, что предложилъ мнѣ отправиться въ лѣсъ и посмотрѣть, какъ они живутъ на позиціяхъ. Отправились большой компаніей, всѣмъ штабомъ. Захватили полковой фотографическій аппаратъ... Шли плотной толпою прямо по дорогѣ и мирно бесѣдовали, а то справа, то

слѣва, — какъ фейерверки, рвались шрапнели, и гудѣли надъ головой летящіе и взрывающіеся въ лѣсу снаряды,—и странно: теперь не было никакого страха и было такое чувство, что тебя, именно тебя, не можетъ убить, къ тебѣ это почему-то не относится. Спокойная увѣренность полковника, который не обращалъ никакого вниманія на артиллерійскій огонь и шелъ развальцемъ, постукивая палкой по мерзлой землѣ, его изумительное спокойствіе передавалось всей компаніи, и мы шли нога за ногу, не торопясь, удаляясь въ глубину лѣса. Вотъ и позиціи стоящаго въ резервѣ полка, части котораго, поочередно, сидятъ въ окопахъ и ведутъ бой верстахъ въ двухъ отсюда, на противоположной опушкѣ лѣса. Странное зрѣлище! Словно огромныя муравьиныя кучи занимаютъ весь ровный строевой сосновый лѣсъ, сумрачный и тихо гудящій подъ вѣтромъ! Отъ самой дороги въ глубину, какъ только можетъ различать глазъ, все—эти муравьиныя кучи съ выглядывающими изъ отверстій въ нихъ солдатами. Цѣлый муравьиный городъ! Царство пещерныхъ людей! Кое-гдѣ вылѣзли изъ муравейниковъ и сидятъ въ кружкѣ около дымящаго огонька. На вѣтвяхъ деревъ виситъ тряпье. Завидя насъ, встаютъ во фронтъ, и на привѣтъ полковника по лѣсу несется:

— Здравія желаемъ, ваше высоко...

Рявкаетъ взорвавшійся снарядъ и заглушаетъ молодецкій выкрикъ.

Обошли дорогу на полверсты, осмотрѣли убитыхъ лошадей, огромное, въ два обхвата дерево, какъ лучина, переломленное у основанія тяжелымъ снарядомъ, поговорили съ двумя солдатами, которые чудесно уцѣлѣли въ землянкѣ вблизи отъ разрыва тяжелаго снаряда, заглянули въ офицерскій окопъ-погребокъ и начали сниматься. Только выстроились и фотографъ ска-

залъ: «начинаю!»,—трескъ и свистъ словно надъ самой головой. Шрапнель.

— Снимите еще разъ! Кажется, шевельнулись!—спокойно приказалъ полковникъ.

Снялись вторично и на этотъ разъ спокойно. Затрещали вдругъ ружья вдали, и словно крупный, спорый дождь лѣтомъ зашумѣлъ въ лѣсу.

Мнѣ страшно хотѣлось повидаться съ сидящимъ въ окопахъ прапорщикомъ, и я снова завелъ съ полковникомъ рѣчь на эту тему.

— Васъ лично я просто не пущу; посылать за нимъ человѣка—это значитъ рисковать двумя жизнями. Можете вы взять на свою совѣсть этотъ рискъ, а можетъ быть и...

— Не могу, полковникъ!

— Вамъ хочется, чтобы взялъ это на себя я?

— Можетъ быть, мнѣ ночевать? Завтра обстоятельства могутъ измѣниться и...

— Ночуйте! Солома въ нашей хатѣ къ вашимъ услугамъ! Хотя я сомнѣваюсь, чтобы и завтра удалось...

Нашъ разговоръ оборвался тяжелымъ извѣстіемъ:

— Тяжело раненъ полковникъ Е—каго полка осколкомъ снаряда!

— Гдѣ онъ лежитъ?

— Нельзя взять. Пробовали,—ранило двухъ санитаровъ. Очень сильный огонь...

— Ну, вотъ, видите!—вздохнувъ, замѣтилъ полковникъ въ мою сторону,—дѣло принимаетъ неблагопріятный для свиданія оборотъ. Думаю, что ночью намъ всѣмъ придется итти въ бой...

— Такъ что и ночевать не стоитъ?

— Мы уйдемъ. Что же вы будете тутъ оставаться? Въ уединеніи?

— Да, конечно... Лучше ѣхать. Къ полночи доберусь до обоза и тамъ переночую.

— А кстати вамъ есть и попутчикъ; нарочный.

Падали сумерки, когда я шагалъ по страшной равнинѣ въ сопровожденіи солдата. Шагалъ въ раздумьи, въ нервномъ утомленіи отъ скрыто, но непрерывно работавшаго инстинкта самосохраненія, и еще разъ испыталъ подлое чувство ужаса: шагахъ въ пятидесяти ахнула наша гаубица, вправо отъ дороги, волной воздуха ударило меня и словно кто-то изо всей силы хватилъ по уху! Звонъ въ ушахъ, смятеніе духа...

— Такъ что наши это, ваше высокродіе!

— Знаю, что наши... А гдѣ же они?

— А вонъ тута, недалече! Вонъ тамъ, гдѣ кустики-то!..

Я пристально вглядывался туда, куда показывалъ рукой солдатъ, но ничего не видѣлъ.

— Не вижу.

— Вѣдь, ее, батарею, сразу трудно замѣтить...

Выѣхалъ обратно, когда совершенно стемнѣло. Обрадованный «панъ» старательно нахлестывалъ лошадь, чтобы поскорѣе убраться изъ страшныхъ мѣстъ. Когда взобрались на горку, я сѣлъ лицомъ въ обратную сторону: красиво вспыхивали надъ лѣсомъ огни разрывающейся шрапнели, тихо опускаясь горѣли яркимъ синеватымъ свѣтомъ освѣтительныя непріятельскія ракеты, и въ наступающей ночной тишинѣ падали съ небесъ сундуки съ листовымъ желѣзомъ... А въ кроткихъ блѣдно-синихъ небесахъ уже зажигались Божьи лампады...

Евгеній Чириковъ

М. АРЦЫБАШЕВЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ I. РАЗСКАЗЫ. Паша Тумановъ. Купріянъ. Подпрапорщикъ Гололобовъ. Кровь. Бунтъ. Жена. Ужасъ.

Томъ II. РАЗСКАЗЫ. Изъ подвала. Смерть Ланде. Тѣни утра. Кровавое пятно. Изъ записокъ одного человѣка. Богъ.

Томъ III. РАЗСКАЗЫ. Сильнѣе смерти. Деревянный чурбанъ. Мститель. О ревности. Преступленіе доктора Лурье. Разсказъ объ одной пощечинѣ. Романъ маленькой женщины. Злодѣй. Пропасть. Счастье. Записки писателя О сметри Чехова. Смерть Башкина. О Толстомъ. Отъ малаго ничтожнымъ. По поводу одного преступленія. Частное письмо. Учителя жизни. Эпидемія самоубійствъ. Кольцо Пушкина. Проповѣдь и жизнь. Самоубійство.

Томъ IV. РАЗСКАЗЫ. Человѣческая волна. Милліоны.

Томъ V. РАЗСКАЗЫ. Рабочій Шевыревъ. Сказка стараго прокурора. Старая исторія. Палата неизлѣчимыхъ. Братья Аримаѳейскіе. Смѣхъ. Изъ дневника одного замѣчательнаго покойника. Разсказъ о великомъ знаніи.

Томъ VI. У послѣдней черты. Романъ, ч. I.

Томъ VII. У послѣдней черты. Романъ, ч. II.

Цѣна каждаго тома 1 р. 25 к. Въ изящномъ полукожаномъ переплетѣ 2 р.

В. ВИННИЧЕНКО.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ I. РАЗСКАЗЫ. Моментъ. Невольникъ красоты. Глумленіе. Голытьба. Истинно-украинецъ. Нѣчто большее насъ. Купля. Странное происшествіе. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ II. РАЗСКАЗЫ. Мелочь. Два эпизода. Записная книжка. Контрасты. Таинственный случай. Антрепренеръ Гаркунъ-Задунайскій. Кузь и Грыцюнь. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ III. РАЗСКАЗЫ. Федька-Халамидникъ. Красота и сила. Мнимый господинъ. Зина. У молотилки. Таинственность. Исторія Акимова зданія.

Томъ IV. РАЗСКАЗЫ. Талисманъ. Хвостатые. Ожиданіе. Лучъ солнца. Тайна. Маленькая тайна. На рабочемъ пунктѣ. Исторія съ Костей. Базаръ. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ V. НА ВѢСАХЪ ЖИЗНИ. (Романъ). Ц. 1 р. 25 к.

Томъ VI. РАЗСКАЗЫ. Радость. Олафъ Стефенсонъ. Терень. Обрученіе. Побѣдитель. Цѣпи. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ VII. БОЖКИ. Романъ ч. I. Ц. 1 р. 25 к. (печатается).

Томъ VIII. БОЖКИ. Романъ ч. II. Ц. 1 р. 25 к. (печатается).

Н. КРАШЕНИННИКОВЪ.

МЕЧТЫ о ЖИЗНИ. Лѣсной сторожъ. Меблированныя комнаты. Віолончель. Одичалые. Памятка. Конецъ купца Столѣтова. «Чижиково горе». Тишайшій. Капитанъ Степановъ 2-й. Хуторъ Терехова. Анжелика. Жизнь Игнатія Ильича. Въ чужомъ городѣ. Ц. 1 р. 25 к.

БАРЫШНИ. Романъ. Ц. 1 р. 25 к. (4-е изд.).

СКАЗКА ЛЮБВИ. Повѣсть. Ц. 1 р. 25 к.

ДѢВСТВЕННОСТЬ. Романъ. Съ предисловіемъ автора. (3-е изд.). Ц. 1 р. 50 к.

НЕВОЗВРАТНОЕ. Изъ вешняго времени. Восемь лѣтъ. Ц. 1 р. 25 к.

ТѢНИ ЛЮБВИ. Разсказы. Ц. 1 р. 25 к.

На складѣ:

УГАСАЮЩАЯ БАШКИРІЯ. Вмѣсто предисловія. О происхожденіи башкирскаго народа. Лѣсной сторожъ. Послѣ зимы. Хазретъ Хайбулла. Башкирскія сказки. Житье бытье. Ахметъ Усманычъ. Ночь на пасѣкѣ. Свадьба Сафея. Волтерьянцъ. Гордость Магометова. Ц. 1 р.

ЕВГЕНІЙ ЧИРИКОВЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ I (съ портретомъ автора). **РАННІЕ ВСХОДЫ.** Ранніе всходы. Единица. Грѣшникъ. Предатель. Обостренныя отношенія. Бродячій мальчикъ. Лошадка. Коля и Колька. Сосѣдка. Хаврюшка. Дуняшка. Добрый баринъ. Волшебникъ. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ II. СТУДЕНТЫ ПРІѢХАЛИ. Студенты пріѣхали. Gaudeamus igitur. Въ лѣсу. Калигула. На стоянкѣ. Съ ночевой. Прогрессъ. Цензоръ. Лунная ночь. Одуванчикъ. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ III. ЧУЖЕСТРАНЦЫ. Чужестранцы. Инвалиды. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ IV. ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ. Въ лощинѣ межъ горъ. Фаустъ. Мужъ. Хромой. Капитуляція. Учитель. Испортилась. Въ сугробахъ. Человѣкъ съ прошлымъ. Чортова жалость. 1 р. 25 к.

Томъ V. МАРЬКА ИЗЪ ЯМЪ. Марька изъ ямъ. Танино счастье. Именинница. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ VI. ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ КОМЕДІЯ. На дворѣ во флигелѣ. Иванъ Миронычъ. Марья Ивановна. Царь природы. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ VII. МЯТЕЖНИКИ. Мятежники. Романъ въ клѣткѣ. Блудный сынъ. На порукахъ. Въ отставку. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ VIII. ОБЩЕСТВЕННАЯ ДРАМА. Евреи. Мужики. Домъ Кочергиныхъ. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ IX. ДРАМЫ-СКАЗКИ. Колдунья. Лѣсныя тайны. Черная смерть. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ X. ТИХІЙ ОМУТЪ. Въ погонѣ за прогрессомъ. Что такое исправница. Злоба дня. Таланты и поклонники. Обыватель и микробы. Некому заступиться. Въ услуженіи. На окраинахъ. Балетъ въ пользу дома трудолюбія. Голосъ купца. Про мужиковъ. Объединеніе сословій. Награда къ праздничкамъ. Разговоры. Врагъ внутренній. Юбилей Якова Ивановича. Инциденты. Развлеченія. О взяткѣ и ея эволюціи. Бей его, мерзавца! Доброе имя квартальнаго надзирателя. Дѣло о палкѣ съ набалдашникомъ. Захаръ Петровичъ. Народный театръ. Бѣдные дворяне. Обыватель и полиція. Сосуны. Гражданское мужество. Народные просвѣтители. Ученые обыватели. Орловская Коробочка. Бѣда съ мужикомъ! Либеральный директоръ. О воспитателяхъ. Театръ—школа народа. Подъ гнетомъ подозрительности. О родителяхъ и учителяхъ. Посвященіе русскому народу. Что такое—правда. Не суйся, куда не спрашиваютъ! Столпы уѣзднаго земства. О незамѣтныхъ труженикахъ земства. Гоненіе на книгу. Футлярные люди. Инженеры сухопутные и др. разсказы. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ XI. ПЛѢНЪ СТРАСТЕЙ. Плѣнъ страстей человѣческихъ. Сказка жизни. На порогѣ жизни. Товарищъ. Соломонъ и Розалія. Передъ смертью. Баба. Сердянская республика. Волкъ. Миніатюры. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ XII. ЦВѢТЫ ВОСПОМИНАНІЙ. Сирень. Тяга. Кладъ. На козлахъ. Въ дорогѣ. Лушка. Водяной. На току. Русалка. Сосѣдка. Городокъ. Королевна. Эхо. Осенній сонъ. Сказка. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ XIII. Жизнь Тарханова. Романъ. Ч. I-я. **ЮНОСТЬ.** Ц. 1 р. 50 к.

Томъ XIV. Жизнь Тарханова. Романъ. Ч. II-я. **ИЗГНАНІЕ.** Ц. 1 р. 50 к.

Томъ XV. Жизнь Тарханова. Романъ Ч. III-я. **ВОЗВРАЩЕНІЕ.** Ц. 1 р. 50 к.

ПОѢЗДКА НА БАЛКАНЫ. Замѣтки военнаго корреспондента. Ц. 75 к.

ЭХО ВОЙНЫ. Здѣсь. Война. Ихъ тайна. Добровольцы. Безъ крыльевъ. Дядя-Алеша. Герой. Чудо. Иванъ въ раю. Сестра. Тамъ. Въ передовомъ отрядѣ. Свиданіе. Ночь въ обозѣ. Подъ огнемъ. Ц. 1 р.

Обложки работы **М. И. Соломонова.**

Цѣна каждаго тома въ изящномъ полукожаномъ переплетѣ на 75 коп. дороже.

АЛЕКСАНДРЪ АМФИТЕАТРОВЪ.

СЛАВЯНСКОЕ ГОРЕ. I. **Отъ автора.** II. **На порогѣ** I—II. Римъ,—итальянцы и балканскій вопросъ.—Вѣнская дипломатія и dr. Мандль.—Славянская молодежь изъ австрійскихъ земель.—III. **Скорбь Черной горы** I—II. Страна, которой некуда итти.—Неизбѣжность войны.—Князь Николай.—Антивари и Спицца.—Цетинье.—I. **Сербское горе** I—IX. Аннексія.—Прошлое Австріи въ Босніи и Герцоговинѣ.—Народное настроеніе къ самозащитѣ.—Жалкія роли русской дипломатіи.—Тяжелые дни, когда «погибла Сербія».—Георгій Карагеоргіевичъ.—Вопросы сербско-русскаго единенія и торговли.—V. **Македонія и младотурки** I—II. Цѣна 1 р. 50 к.

ЭХО: Въ наши дни. Эзопова линія. Междудумье. Змій. Джигитъ. Отцы и дѣти 1. Отцы и дѣти 2. Евгеній Пассекъ 1. Евгеній Пассекъ 2. Не тотъ Толстой. Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Балканская гроза: 1. Наканунѣ. 2. Фердинандъ подъ Константинополемъ. 3. Албанскій вопросъ. 4. Живковичъ. Цѣна 1 р. 50 к.

ЗАБЫТЫЙ СМѢХЪ.

Подъ этимъ общимъ заглавіемъ «Московское Книгоиздательство» выпускаетъ три сборника **Александра Амфитеатрова**, посвященные русскимъ сатирикамъ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ.

«Въ первомъ десятилѣтіи XX вѣка», говоритъ составитель въ своемъ предисловіи, «русское общество рванулось было къ сатирѣ: отрадное явленіе, постоянно сопровождающее эпохи пробужденія страны отъ гражданской спячки и вѣрный знакъ, что пробужденіе это совершается во-время. Но порывъ оказался безплоднымъ и безсильнымъ. Освободительное движеніе быстро было смято, а контръ-революціонные годы не замедлили уложить пробудившуюся было сатиру опять на подушку безсрочнаго сна. Нѣкоторую же привычку, пріобрѣтенную обществомъ, предписано удовлетворять суррогатомъ такъ называемаго безобиднаго юмора. Послѣдній, въ роли поставщика забавностей на хохотъ мичмана Пѣтухова и Иванушки-дурачка, чувствуетъ себя сейчасъ весьма недурно: и публика его любитъ и полиція одобряетъ, такъ что ласковому теляти остается только, ведя себя умненько, двухъ матокъ сосать...

Въ эти невыгодные для русской сатиры дни невольно обращаешься мыслью къ воспоминаніямъ о прошлыхъ ея дняхъ, которые были ея побѣднымъ праздникомъ, когда она была весела и грозна, зла и сильна, талантлива и цѣлесообразна. Когда ея отрицаніе, по истинѣ, «строило разрушеніемъ». Когда ея политическая мысль и темпераментъ поставили русское общество подъ свою повелительную ферулу, и страхъ стать жертвою сатиры перевоспитывалъ самыя дикія и упрямыя стороны русскаго общественнаго организма на новый ладъ, обтесывая русскую «новь» въ культуру и гражданственность».

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СБОРНИКЪ ПЕРВЫЙ.

I. Отъ составителя. «Поморная муза». Вмѣсто предисловія. Девизы «Поморной музы». II. В. С. Курочкинъ. Ш. Г. Н. Жулевъ («Скорбный поэтъ»). IV. Н. С. Курочкинъ. V. В. И. Богдановъ («Власъ Точечкинъ»). VI. Н. I. Кроль. VII. Козьма Прутковъ въ «Искрѣ». Ц. 1 р. 50 к.

СБОРНИКЪ ВТОРОЙ (подготовляется къ печати).

I. П. И. Вейнбергъ. II. В. П. Буренинъ. III. Амосъ Шишкинъ. IV Владиміръ Тихановичъ. V. Л. И. Пальминъ. VI. Ломанъ-Гнутъ и стихотворная пародія «Искры». VII. Приложеніе: Друзья и союзники «поморныхъ»: И. И. Панаевъ, Н. А. Добролюбовъ, П. В. Шумахеръ.

СБОРНИКЪ ТРЕТІЙ (подготовляется къ печати).

I. Д. Д. Минаевъ. II. Дядя Пахомъ. III. А. Лакида. IV. Позднѣйшіе и второстепенные сотрудники: Стародубскій, Страннолюбскій, Комаровъ, Клеймо и т. д. V. Случайные сотрудники. VI. Приложеніе: друзья, гости и союзники «Искры»: Губеръ, Бенедиктовъ, Бернетъ, Грековъ, Полонскій, Гербель, Алмазовъ, Мей.

АЛ. БУДИЩЕВЪ.

СЪ ГОРЪ ВОДА. Съ горъ вода. На красномъ холмѣ. Въ лѣсной избѣ. Петрушка Рокамболь. Одуванчикъ. Пикаръ. Пари. Благополучіе. Портсигаръ. Черная топь. Ц. 1 р. 25 к.

СТРАШНО ЖИТЬ. Страшно жить. Тата. Въ людской. Бѣсъ ревности. Долгъ совѣсти. Страшный фургонъ. Нервы. Въ городѣ. Игнатка. Глюглю. Голубая жирафа. Ц. 1 р. 25 к.

ЛЮБОВЬ—ПРЕСТУПЛЕНІЕ. Любовь—преступленіе. Королева Марго. На другой день. Бѣлая рѣсница. Родька. Боязнь ужасовъ. Сонный зѣвъ. Искушеніе Саверія. Неладное дѣло. Его оруженосецъ. Я и онъ. Ц. 1 р. 25 к.

ДАЛИ ТУМАННЫЯ. Дали туманныя. Оптимистъ и пессимистъ. Болото. Хуторокъ. Урокъ. Кольцо. Собачья жизнь. Бурной ночью. Молодой другъ. Нордъ-Остъ. Разбойникъ Измерай. Дикарь. Агашка. Доброе дѣло. Письмо. Фидель. Женихи. Епифоркино счастье. Бритва. Среди дымныхъ бугровъ. Ц. 1 р. 25 к.

ДИКІЙ ВСАДНИКЪ. Дикій всадникъ. Оргіи. Она. Лучшій другъ.

БѢДНЫЙ ПАЖЪ. Бѣдный пажъ. На палубѣ. Евтишкино дѣло. Въ дѣтской. Гибель. Мишенька Разуваевъ. Была ночь. Солнечные дни. Ц. 1 р. 25 к.

ИЗЛОМЫ ЛЮБВИ. Изломы любви. Безуміе ли. Вешніе зовы. Распря. Уголекъ. Помпей. Астра. Неравный бракъ. Разныя понятія. Черный ангелъ. Лебединая пѣсня. Которая изъ двухъ. Братья. Дуракъ. Жертва полемики. Благодатное небо. Счастье. Сюрпризъ. Кто я. Препятствіе. Свѣтлый гость. Въ лѣсу. Смерть. Лѣсная идиллія. Жажда жизни. Ц. 1 р. 25 к.

ХАТА СЪ КРАЮ. Хата съ краю. Пріятель. Хамъ. Городъ. Дорогой рубинъ. Малиновка. На страшной доскѣ. Въ непріятной компаніи. Домикъ въ лѣсу. Катастрофа. Подъ вой Ріона. Лгунья. Разбойники. Воронъ. Пастухъ. Смагинъ. Фальшивая монета. Капканщики. Бѣлая акація. Дочь клоуна. Ц. 1 р. 25 к.

ЛУННЫЙ СВѢТЪ. Лунный свѣтъ. Пять хлѣбовъ. Сонъ послѣ боя. Лили Казанцева. Одинъ на одинъ. Могло быть. Богатство. Страшная рукопись. Девятая пятница. До востребованія. Какъ поступить дѣвушкѣ. Мутнымъ вечеромъ. Каюта № 6. Филинъ. Ц. 1 р. 25 к.

ВЗДОРНЫЕ РАЗСКАЗЫ. Экспро. Злоумышленники. Добился своего. Волчья елка. Странная исторія. Было на разумѣ. Родинка. Винтъ съ выходящимъ. Переутомился. Ничего такого. Самозванецъ. Лучшая. Охота на слона. Новѣйшія изобрѣтенія. Полѣно. Горькая правда. Ученый пудель. Шесть выстрѣловъ. На паровозѣ. Разсказъ несчастливца. Страшилище. Месть. Святая душа. Наслѣдственность. Птица-Пима. Такой случай. Кавалеръ Кардильякъ. Вешній вечеръ. Сродство душъ. Трусъ. Голубые чулки. Все къ лучшему. Ц. 1 р. 25 к. (печатается).

Подготовляются къ печати:

ЛѢСНЫЕ БРАТЬЯ (разсказы). Ц. 1 р. 25 к.

КРИКЪ ВО ТЬМѢ (разсказы). Ц. 1 р. 25 к.

А. М. ѲЕДОРОВЪ.

ЗЕМЛЯ (Романъ). Ц. 1 р. 25 к.

ЖАТВА. Удостоена Императорской Академіей Наукъ почетнаго отзыва имени А. С. Пушкина. Содержаніе: Жатва. Король мустанговъ. Актриса. Ледъ (Изданіе 2-е). Ц. 1 р. 25 к.

ПРИРОДА (Романъ). Ц. 1 р. 25 к.

БУРУНЫ. Долгъ. На зарѣ. Степанъ Стоговъ. Сказка. Судъ Соломона. Женщина. Съ матерью. Идолъ. Весенній день. Воспитаніе. Пѣвица. Человѣкъ. Ц. 1 р. 25 к.

СТЕПЬ СКАЗАЛАСЬ (Романъ). Ц. 1 р. 25 к.

КОРОЛЕВА. Королева. Чудо. Птицеловъ. Любовь и смерть. Феноменъ. Змѣй. Чиновникъ. Коллега. Любовь. Стихи. Ц. 1 р. 25 к.

БАДЕРА. Бадера. Книги. Замокъ слезъ. Гастроль. Счастливчикъ. Признаніе. Компенсація. Рыбаки. Ц. 1 р. 25 к.

ЕГО ГЛАЗА (Романъ). Ц. 1 р. 25 к.

МОРЕ. (Романъ). Ц. 1 р. 25 к.

ЗИНАИДА ГИППІУСЪ.

ЧЕРТОВА КУКЛА. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
РОМАНЪ-ЦАРЕВИЧЪ. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

А. КИПЕНЪ.

РАЗСКАЗЫ. Томъ I. Метеорологическая станція. Шпіонъ. Вицъ. Запасный лафетъ. Бирючій островъ. Аграрный вопросъ. На берегу залива Ливерантъ. Иже еси на небеси. Мга. Ц. 1 р. 25 к.

АННА МАРЪ.

НЕВОЗМОЖНОЕ. Невозможное. На волю. Жена. Мертвые листья. Обычное. Вода. Вѣтеръ. Люля Бэкъ. Пріѣздъ Риты. Любовь. Двѣ. Горе. Ой, бѣда! Одинъ день. Вербочки. Дурманъ. Ея сочельникъ. Янина. За вышиваніемъ. Настроенія. Подруги. Исповѣдь. Женщина. Признаніе. Стаканъ кофе. Мертвое. Правда. Ц. 1 р. 25 к.
ИДУЩІЕ МИМО. Идущіе мимо. Богъ. Лампады незажженныя. Ц. 1 р. 25 к.

ВЛАДИМІРЪ ЛЕНСКІЙ.

ПОДЪ ГНѢЗДОМЪ АИСТА. Подъ гнѣздомъ аиста. Невѣста. Такъ бываетъ. Мать. Ц. 1 р. 25 к.
БѢЛЫЯ КРЫЛЬЯ. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Цѣна каждой части 1 р. 25 к.
ЛЮБОВЬ—МЕЧТА. Танникъ. Любовь—мечта. Душа человѣческая. Страшное.. Искушеніе. Обреченные. Воры. Агнія. Ц. 1 р. 25 к.
ВЪ СѢВЕРНЫХЪ ЛѢСАХЪ. Романъ. Ц. 1 р. 25 к. (Печатается).

Н. КИСЕЛЕВЪ.

МИРАЖИ. Жестокость. Подъ одѣяломъ. Леночка. Мигъ единый. На зарѣ. Темный домъ. У грани. Ошибка. Амариллисъ. Смерть. Марево. Ц. 1 р. 25 к.

СЕМЕНЪ ЮШКЕВИЧЪ.

УЛИЦА. Повѣсть. Ц. 75 к.

Н. ОЛИГЕРЪ.

РАЗСКАЗЫ. Ночныя тѣни.—Вишни.—Заповѣдное.—Обреченные.—За штатомъ.—Разломъ.—Одинъ. Ц. 1 р. 25 к.

Д. КРАЧКОВСКІЙ.

ЗОЛОТАЯ КАРЕТА. Золотая карета. Знаменитый скульпторъ. Весна въ Москвѣ. Ледяныя сосульки. Жемчужное ожерелье. Тайна. Розовое перо. Ц. 1 р. 25 к.

ИВАНЪ РУКАВИШНИКОВЪ.

АРКАДЬЕВКА. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
БЛИЗКОЕ и ДАЛЕКОЕ. Эврика. Я, ты, онъ. Ненависть. Романъ въ Крыму. Анна. Пасторальный триптихъ. Карма. Бѣлый слонъ. Тиранъ. Когда пали стѣны храма. Ц. 1 р. 25 к.
ПРОКЛЯТЫЙ РОДЪ. Романъ въ 3-хъ частяхъ.
Ч. 1-я. Семья желѣзнаго старика. Ц. 1 р. 50 к.
Ч. 2-я. Макаровичи. Ц. 1 р. 50 к.
Ч. 3-я. На путяхъ смерти. Ц. 1 р.
СТИХОТВОРЕНІЯ. Ц. 1 р. 25 к.
ТРАГИЧЕСКІЯ СКАЗКИ. Мельница. Монахъ. Царица Перепетуя. Часовщикъ. Ц. 1 р. 25 к. (печатается).

В. В. БРУСЯНИНЪ.

МУЖЧИНА. Мужчина. Они жили втроемъ. Колясочка. Отецъ. Изъ записокъ сквернаго человѣка. Ц. 1 р. 25 к.

ОПУСТОШЕННЫЯ ДУШИ. Опустошенныя души. Мать. На свободѣ. Рыжаковскій пустырь. На полѣ жизни. Жизнью пользуйся живущій. Мой дядя. Кладбищенскіе люди. Кто первый запѣлъ колыбельную пѣсню? Ц. 1 р. 25 к.

КОРАБЛЬ МЕРТВЫХЪ. Корабль мертвыхъ. Бѣлый голубокъ. Вѣчная могила. Трагическая пустота. Въ лунную ночь. Вѣрный часовой. На бѣлой лошади. Добрая бабушка. Серебряныя тѣни. На пограничномъ посту. За двоихъ. Старая война. Поѣздъ мертвецовъ. Кончилась фимилія Вершининыхъ. Корабль рождественскаго дѣда. Ц. 1 р. 25 к. (Печатается).

Р. КИПЛИНГЪ.

ИЗБРАННЫЕ РАЗСКАЗЫ.

Переводъ подъ ред. **И. Бунина.**

Книга первая. Возвращеніе Имрэя.—Могила предка.—Мостостроители.—На голодѣ.—Рикша съ того свѣта.—Трагикомедія.—Три солдата.—Дѣло рядового.—Среди отверженныхъ.—Лиспетсъ.—Безъ благословенія.—Всѣ мы троеодно.—Въ шахтѣ.

Книга вторая. Въ городской стѣнѣ.—Близнецы.—Въ разливѣ.—Бизеза.—Начальникъ области.—Въ лѣсу.—Молодые сатрапы.—Въ проходѣ.—Пиратъ съ маяка.—На полицейскомъ посту.—Судъ Дунгары.—На краю пропасти.—Ревность орангутанга.—Ви Вилли Винки.—Бывшій человѣкъ.—Дочь полка.—Припадокъ рядового Ортериса.—Съ главнымъ карауломъ.—«Любовь женщинъ».—Исчезнувшій полкъ.—Ложь.

Книга третья. Исторія Мугаммедъ Дина.—Дверь Ста Печалей.—Въ домѣ Судгу.—Саисъ миссъ Югхэль.—Покинутый всѣми.—Квикверпъ.—Королевскій анкъ.—Откуда пошелъ страхъ.—Нашествіе Джунглей.—Рыжія собаки.—Весна идетъ.—Могильщики.—Тумаи Слоновый.—Бѣлый тюлень.—Чудо Пурунъ Багата.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. Рикки-тикки-тави. Истинное происшествіе. Его Величество король. Казнь Гатимъ Таи. Слоненокъ. Крабъ, который игралъ съ моремъ. Мотылекъ, который топнулъ ногой. Кошка, которая гуляла сама по себѣ. Бѣгство бѣлыхъ гусаръ. Барабанщики. Великая перепись. Сурджунъ. Погоня за чудомъ. Привидѣніе. Дѣти Зодіака. Ложный разсвѣтъ. Гармъ-заложникъ. Новобрачная. Братья Моугли. Каа охотится. Тигръ-Тигръ.

Обложки работы **И. Я. Билибина.** Цѣна каждаго тома **1** р. **50** к.

Рерьярдъ Киплингъ съ самыхъ первыхъ дней своего выступленія на литературномъ поприщѣ получилъ почетную извѣстность сначала въ Англіи, а затѣмъ скоро и во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Эта извѣстность, съ выходомъ въ свѣтъ каждаго новаго его произведенія, распространялась все шире и шире, что и засвидѣтельствовано **присужденіемъ въ 1908 г. Р. Киплингу, на международномъ конкурсѣ современныхъ представителей изящной литературы, преміи Нобеля.**

Не преувеличивая можно сказать, что никто изъ современныхъ писателей не превзошелъ Киплинга въ яркости рисуемыхъ имъ картинъ и жизненности изображаемыхъ типовъ. Особенно характерными въ этомъ отношеніи являются тѣ изъ его произведеній, темы которыхъ взяты изъ англо-индійской жизни, но ошибочно было бы думать, что интересъ ихъ обусловливается исключительно только тою сказочною для европейца стороной природы Индіи и быта многочисленнаго населенія ея, которая до Киплинга почти только и затрогивалась художниками печатнаго слова и кисти. Киплингъ первый заговорилъ объ Индіи реальной, будничной, и потому имѣющей общечеловѣческое значеніе. Въ своихъ произведеніяхъ, на яркомъ фонѣ своеобразной англо-индійской жизни, онъ далъ рядъ глубокихъ психологическихъ анализовъ духовнаго міра туземцевъ. Рядомъ съ этимъ съ неподражаемымъ искусствомъ, съ тонкимъ юморомъ, съ одной стороны, и глубокой правдивостью—съ другой, изобразилъ онъ и типы соотечественниковъ во взаимоотношеніяхъ ихъ съ коренными жителями страны.

Подготовляется къ печати книга пятая.

ДУШЕВНАЯ ЖИЗНЬ ДѢТЕЙ.

БИБЛІОТЕКА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГІИ.

Подъ ред. прив.-доц. **Н. Д. Виноградова** и **А. А. Громбаха.**

Подъ этимъ общимъ заглавіемъ «Московское Книгоиздательство» имѣетъ въ виду издать рядъ наиболѣе выдающихся сочиненій по дѣтской психологіи, принадлежащихъ иностраннымъ авторамъ и до сихъ поръ недоступныхъ значительной части русскихъ читателей.

Цѣль этихъ сочиненій—освѣтить внутренній міръ ребенка, прослѣдить развитіе его душевныхъ способностей, уяснить совершающіеся въ немъ процессы, поскольку это достигнуто современною наукою, т.-е. дать извѣстныя положительныя знанія, которыя помогутъ воспитателю понять душевную жизнь ребенка и, слѣдовательно, наиболѣе цѣлесообразно на нее воздѣйствовать.

Все изданіе составитъ 15 том., въ которые войдутъ слѣд. сочиненія:

У. Друммондъ. Введеніе въ изученіе ребенка. Ц. 2 р.

Книга Друммонда представляетъ собою, какъ показываетъ самое заглавіе—«Введеніе въ науку о дитяти». Въ очень доступной и интересной формѣ авторъ характеризуетъ различные методы изслѣдованія обѣихъ сторонъ дѣтскаго существа—физической и духовной, не забывая при этомъ указать на предосторожности, которыя необходимы въ этой сложной и тонкой работѣ. Какъ врачъ, авторъ удѣляетъ достаточно мѣста изученію біологическихъ основъ дѣтской психики, но онъ не игнорируетъ и высшихъ проявленій духа ребенка, останавливаясь на выясненіи роли и такого фактора въ жизни дитяти, какъ религія. Въ послѣдней части работы содержатся указанія относительно различныхъ ненормальныхъ проявленій въ области дѣтской жизни.

Д. А. Колоцца. Дѣтскія игры. Ихъ психологическое и педагогическое значеніе. Ц. 1 р. 50 к.

Эта работа профессора Палермскаго университета, какъ указываетъ ея подзаголовокъ, разбираетъ одно изъ важнѣйшихъ явленій дѣтской жизни—игру—съ двухъ точекъ зрѣнія. Прежде всего здѣсь дѣлается попытка выяснить психологическое значеніе игры, прослѣдить ея возникновеніе и развитіе, опредѣлить ея роль въ общемъ строѣ душевной жизни ребенка. Затѣмъ игра разсматривается какъ средство воспитанія, и авторъ, критикуя часто неразумное отношеніе взрослыхъ къ играмъ и игрушкамъ дѣтей, даетъ въ то же время нѣкоторые цѣнные положительные совѣты въ этой области. Средняя часть книги—«Игра въ исторіи педагогики»—представляетъ собою обзоръ мыслей, высказанныхъ по вопросу объ игрѣ крупнѣйшими мыслителями древняго и новаго времени.

Б. Пэре. Нравственное воспитаніе, начиная съ колыбели. Ц. 1 р. 50 к.

Терминъ «моральный» берется авторомъ въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ наше понятіе «нравственный», и, благодаря этому, въ этомъ сочиненіи предлагается достаточно матеріала для характеристики самыхъ разнообразныхъ проявленій дѣтской психики. Авторъ разсматриваетъ послѣдовательно развитіе воли у ребенка, значеніе повиновенія, возникновеніе нравственныхъ привычекъ, роль чувствъ (обонянія, зрѣнія, слуха, осязанія, мускульнаго и температурнаго чувства) въ нравственномъ воспитаніи, а затѣмъ переходитъ къ высшимъ (нравственнымъ и безнравственнымъ) формамъ душевной жизни дѣтей. Здѣсь отдѣльныя главы посвящены вопросамъ о гнѣвѣ, страхѣ, инстинктѣ собственности, любопытствѣ, симпатіи къ людямъ и животнымъ, стыдливости, лжи, самолюбіи и пр.

М. О'Ши. Роль активности въ жизни ребенка. Ц. 1 р. 50 к.

Возставая противъ современной системы воспитанія, которая отводитъ главное мѣсто «знаніямъ», авторъ стремится показать, что бо̀льшее значеніе имѣетъ для дѣтей собственное «дѣланіе». Только дѣлая что-нибудь, ребенокъ вполнѣ усваиваетъ различныя познанія—проповѣди этой истины посвящена книга О'Ши. Но способности ребенка къ различнымъ дѣйствіямъ развиваются въ опредѣленной послѣдовательности, и авторъ выясняетъ эту послѣдовательность, показывая въ то же время, какъ къ ней должно примѣняться обученіе.

А. Чемберлэнъ. Дитя. Очерки по эволюціи человѣка. (Въ двухъ томахъ). Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

Подобно Болдуину, и Чемберлэнъ разсматриваетъ развитіе ребенка въ связи съ развитіемъ человѣческаго рода. Но онъ подходитъ къ вопросу съ иныхъ сторонъ, и главы его книги трактуютъ о значеніи безпомощности въ младенческомъ возрастѣ, о смыслѣ дѣтскаго возраста и игры, о дѣтской рѣчи и дѣтскомъ искусствѣ, объ общихъ чертахъ у ребенка и дикаря, у ребенка и преступника, у ребенка и женщины.

Д. Болдуинъ. Духовное развитіе дѣтскаго индивидуума и человѣческаго рода. (Въ двухъ томахъ). Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

Привести въ связь индивидуальное развитіе ребенка съ развитіемъ человѣческаго рода, объяснить первое послѣднимъ—такова задача этой книги. Авторъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ современныхъ психологовъ, разсматриваетъ цѣлый рядъ проявленій душевной жизни ребенка—распознаваніе цвѣтовъ, движенія (въ частности, причины преобладанія правой руки), внушаемость, подражаніе, вниманіе и т. д.—и даетъ обстоятельный научный анализъ каждаго изъ нихъ.

С. Холлъ. Собраніе статей по педологіи и педагогикѣ. Ц. 2 р. 50 к.

С. Холлъ—одинъ изъ первыхъ и наиболѣе ревностныхъ проповѣдниковъ той истины, что для руководства ребенкомъ необходимо прежде всего научиться его понимать. И Холлъ самъ много сдѣлалъ какъ для изученія психологіи дѣтства, такъ и для широкой популяризаціи знаній въ этой области. Имя его пользуется большой извѣстностью не только на его родинѣ, въ Америкѣ, но и въ Европѣ (собраніе статей Холла существуетъ въ нѣмецкомъ переводѣ), и ознакомленіе русскихъ читателей съ работами Холла нельзя не считать желательнымъ. Въ настоящій сборникъ войдутъ статьи американскаго психолога, печатавшіяся разрозненно въ періодическихъ изданіяхъ и касающіяся различныхъ сторонъ душевной жизни дѣтей, напримѣръ, дѣтской лжи, страха и т. д.

Б. Перэ. Дитя отъ трехъ до семи лѣтъ. Ц. 1 р. 50 к.

Въ настоящей работѣ авторъ разсматриваетъ тотъ періодъ, когда у ребенка вполнѣ сознательная жизнь начинаетъ преобладать надъ жизнью растительною. Здѣсь разбираются высшія формы умственной дѣятельности, воображеніе и отвлеченное мышленіе, разсматривается развитіе памяти и вниманія, эстетическихъ чувствованій и воли. Какъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, авторъ и здѣсь пользуется многочисленными примѣрами изъ дѣтской жизни, иллюстрируя и оживляя ими свое изложеніе.

Д. Болдуинъ. Духовное развитіе съ соціологической и этической точки зрѣнія. (Въ двухъ томахъ). Ц. каждаго тома 1 р. 50 к.

Это сочиненіе удостоено преміи Датскою Королевскою Академіею по докладу Г. Геффдинга. Здѣсь авторъ, опираясь въ значительной степени на выводы предшествующей своей работы, старается показать, какъ слагается въ ребенкѣ «соціальное существо», благодаря вліяніямъ окружающей среды. Поставленные и разрѣшаемые здѣсь вопросы находятся въ тѣсной связи съ важнѣйшими вопросами воспитанія, и такимъ образомъ книга Болдуина на ряду съ научной цѣнностью пріобрѣтаетъ также большое практическое значеніе.

Печатается:

М. Шиннъ. Записки о развитіи ребенка. (Въ двухъ томахъ).

Это—одна изъ немногихъ работъ, гдѣ вдумчивый психологъ излагаетъ свои систематическія наблюденія надъ жизнью ребенка. Миссъ Шиннъ слѣдила изо дня въ день за развитіемъ своей племянницы, начиная со дня рожденія послѣдней до трехлѣтняго возраста. Близость къ ребенку и естественное пристрастіе къ нему уравновѣшивались здѣсь серьезною научною подготовкою, которая заставляла автора строго отдѣлять дѣйствительные факты отъ того, что обычно склонны видѣть въ ребенкѣ любящіе взрослые. Въ этой объективности, которая учитъ познавать и понимать постепенно усложняющіеся процессы, происходящіе въ душѣ безсловеснаго вначалѣ, а затѣмъ лишь лепечущаго дитяти,—главное значеніе книги.

Печатается:

С. Холлъ. Ранняя юность.

Вопросу о переходномъ или критическомъ возрастѣ посвящена эта работа, представляющая собою сжатое изложеніе (мѣстами измѣненное и дополненное) большого двухтомнаго труда того же автора. Сознавая всю важность этого возраста, требующаго особаго вниманія со стороны воспитателя, авторъ не ограничивается однимъ лишь сообщеніемъ чисто научныхъ данныхъ, но присоединяетъ къ нимъ практическіе выводы, вытекающіе для педагога изъ научныхъ положеній. Одну изъ главъ авторъ посвящаетъ спеціально дѣвочкамъ и ихъ развитію въ тотъ періодъ, когда въ нихъ начинаетъ формироваться женщина. Какъ и О'Ши, Холлъ настоятельно рекомендуетъ удѣлять много вниманія физическимъ упражненіямъ, и этотъ походъ противъ современнаго, преимущественно словеснаго обученія, составляетъ одно изъ существенныхъ достоинствъ его книги.

Принимается подписка.

Подписная цѣна на 15 томовъ—**22 р. 50 к.** Въ изящныхъ коленкоровыхъ переплетахъ—**31 р. 60 к.**

Условія уплаты: при подпискѣ на изданіе въ переплетахъ—задатокъ **1 р. 60 к.** и при полученіи каждаго тома, по **2 р.;** безъ переплетовъ—задатокъ **1 р. 50 к.** и при полученіи каждаго тома—по **1 р. 40 к.** Доставка и пересылка за счетъ издательства.

РИХАРДЪ АВЕНАРІУСЪ.

О ПРЕДМЕТѢ ПСИХОЛОГІИ.

Переводъ **И. Маркова. Ц. 60 к.**

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ВУНДТЪ.

ОЧЕРКИ ПСИХОЛОГІИ.

Переводъ прив.-доц. Моск. унив. **Д. Викторова.** Ц. 2 р. 50 к.

БЕННО ЭРДМАННЪ.

НАУЧНЫЯ ГИПОТЕЗЫ О ДУШѢ И ТѢЛѢ.

Переводъ **Н. Н. Вокачъ** и прив.-доц. Моск. унив. **И. Ильина.** Ц. 1 р.

Цѣна 1 р.

